

3

2015

РОССИЯ
ВМЕСТЕ
XXX

3.2015 май-июнь

Геоглобалистика

Вячеслав Зимонин

Расчеты и просчеты.
Как геостратегия стала заложницей
геополитики _____ **6**

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

«Мещанство» и «пошлость» в литературно-
философских спорах модернистов
и позитивистов начала XX века
(окончание) _____ **30**

Страницы истории

Андрей Савин

«Мы беззаветные герои все...». Феномен
социальной мобильности общества в свете его
героизации (1920-е – 1930-е годы) _____ **56**

Жорес Медведев

Опасная профессия _____ **84**

Актуальный архив

Виктор Мальков

«Челночная дипломатия» Гарри
Гопкинса. К истории письма
И.В.Сталину _____ **110**

Валерий Журавлев

«Важная фаза мирного наступления
Москвы». По материалам Междуна-
родного экономического совещания
1952 года _____ **134**

Редакционная почта

Игорь Максимычев

Две Германии. Впечатления
от посещения Берлина
в мае 2015 года _____ **170**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

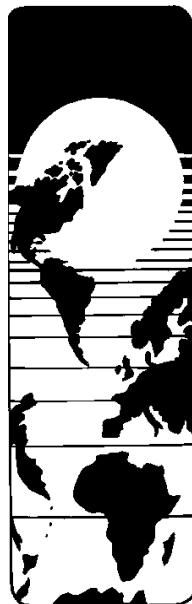
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

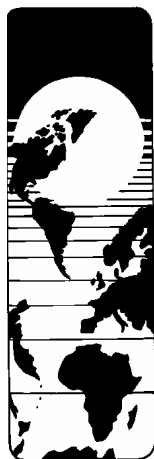
Восприятие – сильно, а зрение слабо.
В стратегии важно видеть
отдаленные вещи,
как если бы они были близкими,
и отдаленно смотреть
на близкие вещи.

Мусаси Миямото

**Сущность войны – обман.
Искусный должен изображать
неумелость. При готовности
атаковать демонстрируй
подчинение. Когда ты близок –
кажись далеким, но когда ты очень
далеко – притворись, будто ты
рядом.**

Сунь Цзы

Вячеслав Зимонин

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

**КАК ГЕОСТРАТЕГИЯ СТАЛА
ЗАЛОЖНИЦЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.82; 93/94(100)"1939/45"

Война по Клаузевицу – это продолжение политики, только иными средствами, а именно средствами вооруженной борьбы. Отсюда – насколько верно сформулирована политика государства на военное время, настолько оно способно реализовывать ее установки военными средствами и методами. Вторая мировая война изобилует примерами, когда неадекватно сформулированная, пронизанная реакционной идеологией геополитика оказывала отрицательное влияние на достижение ее конкретных целей военной машиной государства. В статье раскрываются противоречия между политикой и стратегией союзников СССР по антифашистской коалиции и Японии в войне на Тихом океане, мешавшие первым оптимально вести противоборство с противником и приведшие вторую к военно-политическому краху в мировой войне.

According to Clausewitz, "war is the continuation of politics by other means", by means of armed struggle. A state's capacity to implement its war-time policy principles and ends with military ways and means depends on correct definition of a state's war-time policy. The World War II is replete with illustrations that inadequately, poorly formulated, permeated with reactionary ideology geopolitics had a negative bearing of achievement of specific goals by a state military machine. The author discloses contradictions between policies and strategies of the USSR's allies in anti-Nazi coalition and anti-Japan coalition in the Pacific war. The author demonstrates how these contradictions impeded war efforts of Western allies and led Japan to military and political downfall in the world war.

Ключевые слова: политика; стратегия; противоречия; антифашистская коалиция; СССР; США; Великобритания; Китай; Япония; интересы; война.

Key words: policy; strategy; contradictions; anti-fascist coalition, the USSR; the USA; Great Britain; China; Japan; interests; war.

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

Вторая мировая война изобилует примерами того, как пронизанная идеологией геополитика оказывала отрицательное влияние на достижение конкретных геостратегических целей. Наиболее яркий пример – так называемая «политика умиротворения агрессоров». Следует подчеркнуть, что этот феномен зародился отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке в 1931 г. Заложённая перед войной в основу этой политики в обеих частях Евразии идея ликвидации чужими руками «коммунистической угрозы» в лице Советского Союза обернулась для многих стран западной демократии не только крахом самой этой политики. Были и тяжёлые военные потери, вплоть до утраты суверенитета (как это случилось с участницей позорного мюнхенского сговора Францией), и необходимость в годы мировой войны с оружием в руках защищать от тех же агрессоров свободу и независимость собственных государств, и – что самое парадоксальное – опираясь на военный союз с СССР. Ключевым геополитическим вопросом на протяжении всей войны для западных союзников была степень необходимости и глубины сотрудничества с Советским Союзом. А от уровня этого сотрудничества и от учета советского фактора в мировой войне и перспектив участия СССР в послевоенном устройстве мира во многом зависели военная стратегия наших союзников, дозированность использования их военной силы и экономической мощи в борьбе с общим врагом.

Ярким примером зависимости военной стратегии от геополитических интересов Великобритании и США является отношение к открытию второго фронта – развёртыванию их военных операций на севере Франции. Даже после того, как Красная Армия сорвала гитлеровский план блицкрига и союзники приняли решение (июнь 1942) об открытии второго фронта высадкой американско-британского десанта в том же году во Франции через Ла-Манш, реализация этого решения стала затягиваться. Одна из причин отказа от данного Советскому Союзу обещания была связана с последовавшей нестабильностью на советско-германском фронте, его откатом к Волге и Северному Кавказу и активизацией в Англии и США сил, готовых реанимировать геополитический расчёт на войну между СССР и Германией на истощение¹. Последнее обеспечивало воплощение доктрины, в соответствии с которой именно «англосаксы должны управлять миром»². И лишь после решительного

¹ Editorial // *Time*. 1943. July 5. P.3–5.

² См.: Мальков В.Л. *Путь к имперству: Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С.378–380.

перелома в вооруженной борьбе на советско-германском фронте с выходом советских военных операций за пределы границы СССР союзники приступили 6 июня 1944 г. к масштабным военным действиям. Одной из главных причин развертывания последних явилось нежелание отдать политические судьбы послевоенной Европы в руки Москвы.

В войне против Японии стратегия вооруженной борьбы наших союзников также не раз становилась заложницей геополитических решений их лидеров. Ошибочные геополитические построения, как и в канун Второй мировой войны, в той или иной степени имели в своей основе идеологические корни, и хотели этого или нет авторы этих построений, но на степень их реализации в области стратегии существенно влияло существование «коммунистического» Советского Союза и его выдающийся вклад в разгром фашистско-милитаристского блока. Это не раз приводило к принятию союзниками трудно объяснимых, парадоксальных (с точки зрения интересов и логики общей коалиционной стратегии членов антифашистской коалиции) решений.

Парадоксы каиро-тегерано-каирских решений союзников

Особенно много парадоксальных моментов связано с проходившей 28 ноября – 1 декабря 1943 г. в Тегеране первой конференции лидеров ведущих стран антифашистской коалиции – СССР, США и Великобритании.

Президент США Ф.Рузвельт и премьер-министр Великобритании У.Черчилль придавали огромное значение первым в истории прямым переговорам с И.В.Сталиным. Поэтому они провели предварительную встречу (совместно с руководителем гоминьдановского правительства Китая Чан Кайши) в столице Египта Каире, где выработали курс на проведение решительных и масштабных военных операций против Японии. Однако результаты последовавших тегеранских встреч лидеров Большой тройки оказались настолько серьезными, что Ф.Рузвельт и У.Черчилль решили вновь встретиться в Каире. Это, неожиданно для многих, привело к кардинальному пересмотру ранее принятых ими договоренностей о более активных военных действиях в Азии.

Как ни странно покажется на первый взгляд, данное Советским Союзом обязательство вступить вскоре после разгрома Германии в войну против Японии оказало расхолаживающее воздействие на операции союзников в Азии. Этот феномен можно было бы назвать *главным парадоксальным результатом* Тегеранской конференции.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

Дело в том, что застойный характер действий определялся в АТР не сложностью обстановки в конце 1943 г. и не соотношением сил, которое неуклонно менялось в пользу союзников (особенно на Тихоокеанском ТВД), а исключительно геополитикой союзников. Суть этой политики заключалась со времени Тегерана в следующем:

- всемерная экономия сил и средств вооруженной борьбы;
- поддержание войны с Японией в стадии тления в надежде на разгром главного союзника Японии Германии (преимущественно за счет усилий Советского Союза);
- подключение СССР к военным действиям для разгрома японских сухопутных войск, без чего заставить Японию капитулировать не представлялось возможным.

Ситуация на АТТВ явилась наглядным примером подтверждения классической формулы К.Клаузевица о том, что война – это продолжение политики. По этой формуле, насколько решительными и последовательными являются политические цели, настолько решительными и последовательными могут быть и военные действия.

Анализ содержания каиро-тегерано-каирских встреч позволяет утверждать следующее. Ни одна из сторон: ни Китай, ни Англия, ни (в меньшей степени) США, несмотря на наступательный тон риторики, не имела серьезных и твердых намерений активизировать в ближайшее время собственные военные действия против Японии. Англичане вообще предлагали сначала заняться европейскими проблемами, среди которых их интересовали, в первую очередь, средиземноморские имперские дела, но отнюдь не перспективы открытия обещанного второго фронта. Американцев, по словам президента Ф.Рузвельта, главным образом интересовала проблема удержания Китая в состоянии войны с Японией, на гоминьдановское руководство которого американский лидер делал огромную ставку в послевоенной политике в Азии, в том числе в отношении СССР. Накануне второй встречи в Каире ему как раз поступила информация из госдепартамента о том, что Япония обратилась к Китаю с новыми предложениями о заключении сепаратного мира, – это позволило бы японцам резко усилить свои позиции на главном для США Тихоокеанском ТВД. Задачей Чан Кайши было выбить у союзников как можно больше оружия и материальной помощи. С тем, чтобы активизировать борьбу не с японцами, а с крепнущими коммунистическими силами, победа которых

также означала бы для Соединенных Штатов потерю Китая в политическом плане³.

Что касается позиции Англии относительно АТР, то, с точки зрения ее геополитических целей, Лондону не были выгодны в тот момент успехи союзников ни в Китае, ни в Бирме, ни в других районах, куда простирались ее традиционные колониальные интересы. Ничего не имея, как и Ф.Рузвельт, против антикоммунистической направленности чанкайшистского режима, английское руководство не желало чрезмерного усиления влияния Китая и США на дела в Азии в целом и в Бирме в частности, где оно надеялось в удобное время восстановить свое отобранное японцами колониальное господство. Учитывалось и то, что гоминьдановское правительство высказывало претензии на северные районы Бирмы⁴.

Таким образом, Великобритания и Китай не имели ни желания, ни четких планов придания более результативных форм вооруженной борьбе против Японии. Совместные действия их подрывались взаимным недоверием, а также стремлением получить односторонние выгоды за счет другой стороны.

Однако самым поразительным и парадоксальным на встречах Каир – Тегеран – Каир было то, что и американская делегация не предъявила никаких конкретных планов расширения войны против Японии собственными силами. Это объясняется, очевидно, уверенностью президента, основанной на результатах Московской конференции министров иностранных дел (октябрь 1943), в том, что в Тегеране должен быть окончательно решен вопрос о вступлении СССР в войну против Японии, что позволяло США не торопить развитие событий.

Заинтересованность во вступлении Советского Союза в войну против Японии способствовала единству по этому вопросу руководителей США, Великобритании и Китая в Каире и Тегеране. Так же как и в Европе, самые масштабные, сложные и кровопролитные операции на континентальном театре в Азии они горячо желали переложить на плечи

---

³ См.: *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т.2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) (далее – Тегеранская конференция). С.94; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers: The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961 (далее – The Conferences at Cairo and Tehran...).* P.245–246.

⁴ In: Woodward E. *The British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962. P.425.*

Красной Армии. А для этого, как ни странно, был один путь – оттягивание на максимально возможный срок собственных решительных действий против Японии; экономия своих сил даже на периферийных направлениях. В этом заключается *второй парадокс* Тегерана и каирских встреч.

Вместе с тем рассчитывать на вступление Советского Союза в войну против Японии, не оказав ему реальной помощи в тяжелейшей борьбе с гитлеровской Германией, было невозможно. Посол США в СССР А.Гарриман заявил, что эта проблема не может быть решена, пока СССР один ведет тяжелую борьбу против Германии. Ибо, заметил он, русским трудно понять, почему два таких могущественных государства, как США и Великобритания, не в состоянии открыть второй фронт в Европе и этим содействовать сокращению сроков войны⁵.

Все это резко контрастировало с теми гигантскими усилиями, которые приходилось прилагать Советскому Союзу в войне с Германией. На первом заседании в Тегеране И.В.Сталин привел следующие данные о положении на советско-германском фронте. Если в 1942 г. здесь было 240 вражеских дивизий, в том числе 179 немецких, то теперь (даже с учетом огромных потерь в ходе Сталинградской и Курской битв) их было уже 260, в том числе 210 немецких. Со стороны СССР действовало от 300 до 330 дивизий, т.е. больше, чем у гитлеровцев вместе с их сателлитами, что обеспечивало возможность ведения наступательных операций. Но, подчеркнул Сталин, по мере того как идет время⁶, разница между численностью русских и германских дивизий становится все меньше. Назвав целый ряд трудностей, с которыми сталкивался Советский Союз в войне с Германией⁷, И.В.Сталин заявил: «Все это определяет нашу позицию в том смысле, что мы, русские, должны вести войну

---

⁵ Выступление А.Гарримана 24 ноября 1943 г. на заседании смешанного американо-британского комитета начальников штабов (САБКНШ). См.: *The Conferences at Cairo and Tehran...* P.327–328.

⁶ Он дипломатично не стал упрекать своих союзников за низкую активность на Европейском ТВД, позволившую Гитлеру только за октябрь и первую декаду ноября перебросить на советско-германский фронт 11 дивизий: 5 из Франции, 4 с Балкан и 2 из Италии (См.: Мэтлофф М. *От Касабланки до «Оверлорда»*. Пер. с англ. М., 1964. С.369).

⁷ Речь, в том числе, шла о варварском уничтожении гитлеровцами при отступлении всего, что служило им на оккупированной территории.

на одном фронте – на западном – и вынуждены на дальневосточном фронте молчать»⁸.

И это не было попыткой оправдаться перед союзниками. Это было лишь констатацией фактов. Ф.Рузвельт и У.Черчилль имели четкое представление о вкладе СССР в борьбу с гитлеровской Германией. Знали и о наличии мощного советского сдерживающего фактора на Востоке⁹, облегчавшего положение союзников¹⁰. Однако им очень хотелось скорейшего вовлечения этих сил в противоборство с Японией.

О первостепенной важности для Соединенных Штатов участия СССР в войне против японских захватчиков свидетельствует документ, составленный американскими военными специалистами еще до конференции и озаглавленный «Позиция России»: «Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными». Дальнейшая отсрочка открытия второго фронта, как отмечено в документе, будет противоречить интересам США в Европе и на Дальнем Востоке¹¹. В этом проявились четкая взаимосвязь различных театров войны, единство коалиционной Второй мировой войны как системы.

Маневрирование администрации США в вопросе об участии СССР в войне против Японии оказалось излишним. Глава Советского правительства на первом же заседании в Тегеране заявил, что в целях скорейшего окончания Второй мировой войны и установления мира на земном шаре СССР считает возможным после капитуляции Германии поставить вопрос о создании единого фронта против Японии¹².

Это заявление произвело огромное впечатление на западных участников конференции, в особенности на американцев. У.Черчилль также

---

⁸ См.: Тегеранская конференция. С.95, 96.

⁹ Около 50 боевых дивизий, свыше миллиона военнослужащих, которые приковывали к себе миллионную Квантунскую группировку войск, значительные силы японской авиации и военного флота.

¹⁰ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М., 1980. Т.11. С.183–184.

¹¹ См.: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. Пер. с англ. М., 1958. Т.2. С.432.

¹² См.: Тегеранская конференция. С.95.

впоследствии назвал его «знаменательным»¹³, так как оно изменило перспективы войны на Тихом океане и привело к пересмотру всех дальневосточных военных планов союзников. Предпринимая такой шаг, советская делегация, безусловно, рассчитывала на его эффективность. СССР, с одной стороны, продемонстрировал тем самым союзникам свое стремление к военному сотрудничеству. С другой же стороны, упоминание о том, что вступление СССР в войну против Японии может иметь место лишь после капитуляции Германии, диктовало необходимость быстрого открытия второго фронта в Европе.

Получив четкое заявление советского руководства о намерении СССР вступить в войну с Японией после разгрома Германии, американский президент решил добиться новых уступок от Советского Союза, призванных максимально облегчить действия вооруженных сил США. Об этом свидетельствует беседа Ф.Рузвельта и И.В.Сталина 29 ноября.

Дело в том, что в то утро президент США, вежливо отклонив приглашение на завтрак, присланное британским посольством в Тегеране, предпочел встретиться с главой Советского правительства. Рузвельт решил лично поднять перед И.В.Сталиным неоднократно выдвигавшиеся американским правительством вопросы о размещении на территории советского Дальнего Востока военно-морских и военно-воздушных баз. Сталин подтвердил готовность Советского Союза вступить в войну против Японии после капитуляции Германии, но уклонился от принятия американских предложений по базам. Ведь это было чревато ускорением японо-советского военного конфликта, к чему СССР, главные силы которого были пока нацелены на борьбу с Германией и ее сателлитами, не был готов¹⁴.

Тегеранская встреча лидеров Большой тройки стала выдающимся историческим событием. Ее созыв и итоги свидетельствовали о возросшем международном авторитете Советского Союза. Впервые за время существования коалиции СССР, Англия и США согласовали политику и планы ведения войны против агрессоров по обе стороны Евразии. Установление «твердого срока» открытия второго фронта в Европе в мае 1944 г. (фактически это произошло лишь 6 июня) позволяло надеяться, что Англия и США перейдут к более активным действиям, внесут

---

¹³ См. об этом: *Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2012. Т.4. С.652.*

¹⁴ In: *Deane J. The Strange Alliance. N.Y., 1946. P.226–227; The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941–1945. Wash., 1955. P.20.*

большой вклад в борьбу с главным общим врагом. Выраженное Советским Союзом согласие принять участие в разгроме Японии означало, что вскоре после победы над Германией будет восстановлен мир и на Дальнем Востоке.

Однако по мере того, как возможность освобождения Красной Армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы становилась все более реальной, и приближалось время вступления СССР в войну против Японии, в геополитических концепциях правящих кругов западных союзников, прежде всего Англии, на передний план вновь стали выдвигаться антисоветские мотивы. Это было связано с боязнью ослабления позиций капитализма и укрепления влияния социализма на положение в Евразии и в мире в целом. Парадоксом – и это *третий парадокс* Тегерана, – однако, являлось то, что обеспечения сдерживающих (антисоветских по сути) действий можно было достичь только на путях расширения военного сотрудничества с СССР в Европе. Второй фронт становился неизбежным.

Вместе с тем выработка на Тегеранской конференции формулы – «второй фронт – разгром Германии – вступление СССР в войну против Японии» – привела к проявлению некоторых весьма интересных и важных нюансов в работе начатой 3 декабря 1943 г. второй Каирской конференции. Теперь в ней участвовали только два государства: США и Англия. Что касается Чан Кайши, то у него интерес к конференции исчез сразу после подписания в период первой каирской конференции Каирской декларации по Дальнему Востоку (опубликована 1 декабря), содержавшей устраивавшие его решения по политическим и территориальным вопросам.

В принципе, единственный, кто нуждался во второй каирской встрече позарез, был У.Черчилль. Однако необходима она была ему не для развития уже достигнутых договоренностей, а, наоборот, для подрыва союзных усилий по борьбе с японским агрессором. И это *четвертый парадокс* каиро-тегерано-каирских встреч. Заручившись обязательством СССР вступить в войну против Японии, У.Черчилль направил колоссальные усилия на всемерную отсрочку намеченных и затягивание проводимых в пределах АТТВ военных операций, а по возможности, и на полный их срыв.

В первую очередь, это относится к операциям в Бирме, где японцы к тому времени утратили стратегическую инициативу. В связи с изменившейся ситуацией У.Черчилль предложил часть операций свернуть, а часть – отменить. К последним принадлежит десантная операция по

освобождению Андаманских островов («Баканир»), которая была гвоздем переговоров¹⁵ по военным проблемам между Ф.Рузвельтом и Чан Кайши на первой встрече в Каире. Президент прямо заявил, что США не могут отказаться от этой десантной операции «без весьма серьезной и совершенно ясной причины»¹⁶.

Однако такой причины английский премьер долгое время назвать не мог. Тезис о том, что проведение операций в Бирме помешало бы своевременному открытию второго фронта в Европе, не выдерживал критики в свете того, что силы, предназначенные для осуществления этих операций, и не планировались в то время к переброске в Европу, а впоследствии и не перебрасывались туда. Попытки обосновать необходимость резкого (до 58 тыс. человек) увеличения сил десанта, выделяемого для проведения операции «Баканир», были отвергнуты Ф.Рузвельтом как несостоятельные в связи с незначительной численностью (5 тыс. человек) японского гарнизона Андаманских островов.

«Ларчик», однако, открывался просто. Неожиданно причины упорства англичан изложил на заседании союзного САБКНШ начальник британского имперского генерального штаба А.Брук. Он с генеральской прямоотой заявил: изгнание японцев из Бирмы могло бы надолго «превратить ее в огромный вакуум», что шло «вразрез с основными политическими и стратегическими установками правительства Великобритании»¹⁷. Дело заключалось в том, что сразу после освобождения Бирмы перед английским правительством неминуемо возникла бы сложная политическая проблема: как быть с этой отобранной японцами британской колонией? Предоставлять ей независимость не входило в планы Лондона. Но и оставлять ее на довоенном положении было бы невозможно, ибо это грозило разоблачением политики английских колонизаторов, способствовало бы росту национально-освободительного движения и в Бирме, и в Индии, и в ряде других британских колоний. Вместе с тем англичане боялись распространения контроля над Бирмой со стороны США и гоминьдановского Китая, претендовавшего на часть бирманской территории.

¹⁵ Операция рассматривалась в качестве весьма важной для поддержания коммуникаций с Китаем. Тем более что, по заявлению президента, для ее проведения в составе «застоявшегося» американского флота имелось достаточно сил и средств.

¹⁶ См.: Мэтлофф М. Указ. соч. С.433; Эрман Дж. Большая стратегия (Август 1943 – сентябрь 1944). Пер. с англ. М., 1958. С.208–209.

¹⁷ См.: Эрман Дж. Указ. соч. С.209.

Как бы то ни было, в результате победы узконациональных колониальных геополитических интересов Великобритании и нежелания США идти (с учетом перспектив вступления СССР в войну против Японии) на активизацию собственных военных операций почти вся многодневная работа на трех конференциях по стратегическому планированию на сухопутных театрах в Азии была сведена к нулю. Этим немедленно воспользовались японцы.

Пока союзники спорили, где и как наступать или хотя бы потянуть, как этого хотели англичане, время, японцы предприняли в марте 1944 г. крупное наступление в Бирме с целью захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения Ассамской линии коммуникаций союзников. А в апреле начали невиданную по своим масштабам стратегическую наступательную операцию на китайском ТВД под кодовым наименованием «Итиго» («№1»). Целью «Итиго» было, наоборот,

- установить железнодорожные сообщения Пекин – Ханькоу, Кантон – Ханькоу и Хунань – Гуанси (Гуйлинь);
- обеспечить сплошную японскую коммуникационную линию из Северного Китая в Южный;
- а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае.

В ходе боевых действий в апреле–декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гоминьдановских дивизий¹⁸.

Между тем на рубеже 1943–1944 гг. на Азиатско-Тихоокеанском театре войны медленное накопление сил, характерное для оборонительного этапа действий союзников, сменилось, наконец, бурным ростом союзных армий и сил флота, в первую очередь американских, свойственным наступательному периоду войны. Если на сухопутных фронтах в Азии ввиду указанных причин численность американских войск была все-таки меньше, чем в Европе¹⁹, то большая часть военно-морских сил

---

¹⁸ См.: Бутурлинов В.Ф., Вартаков В.Н., Зимонин В.П. и др. *Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк*. М., 1989. С.288; *Вторая мировая война: Краткая история*. М., 1984. С.430–432; *История Второй мировой войны 1939–1945. Т.11*. С.91; Можейко И.В., Узянов А.Н. *История Бирмы: (Краткий очерк)*. М., 1973. С.24.

¹⁹ Тем не менее, вооруженные силы США и других союзников имели значительное качест-

США, и прежде всего новейших боевых кораблей, а также морской пехоты, находилась на Тихом океане²⁰. В этих условиях выбор стратегии выжидания и тактики использования «случайных ошибок» противника вряд ли можно считать оптимальным, хотя и он ввиду разбросанности японских вооруженных сил на огромном театре войны позволял давать порой ощутимые результаты. Однако общий периметр обороны, удерживаемый японскими вооруженными силами, был еще огромен. Если на Тихоокеанском ТВД такой подход к организации военных действий обеспечивал непрерывную, хотя и медленную, потерю Японией острова за островом, базы за базой, то на сухопутных ТВД результаты были менее заметны, а порой и плачевны. Об этом свидетельствовали результаты упомянутого выше японского стратегического наступления на китайско-бирманском фронте. Но в связи с вторжением осенью 1944 г. союзников на Филиппины и резким усилением опасности для самой Японии ее высшее военное руководство вынуждено было привлечь крупные силы и средства для обороны метрополии, а также для укрепления Квантунской группировки войск. Так что достигнутый японцами в Китае успех не был развит. Одной из причин, не позволившей Японии завершить разгром Китая, была вооруженная борьба против японских захватчиков патриотических сил, особенно действовавших под руководством КПК 8-й армии (насчитывавшей в начале 1944 г. свыше 387 тыс. бойцов), Новой 4-й армии (свыше 210 тыс. человек) и партизан. Не могла не учитывать Япония и наличие крупной группировки советских войск на Дальнем Востоке.

Соединенные Штаты на фоне благоприятных изменений на Тихоокеанском ТВД не желали расширения масштабов военных действий в Бирме²¹ и стремились лишь к стабилизации фронта. США уже не хотели оказывать поддержку действовавшим в Бирме войскам и силам флота британского адмирала Л.Маунтбэттена в том масштабе, как это было обещано в Каире. Их единственной целью стало обеспечение воздушного моста из Бирмы в Китай, который позволил бы подкрепить намечавшееся наступление на Тихом океане и, по возможности, обеспечить эксплуатацию Бирманской дороги. 3 июня 1944 г. смешанный америка-

---

венное превосходство над японскими войсками.

²⁰ См.: Мэтлофф М. Указ. соч. С.456–463.

²¹ На это потребовалось бы привлечение крупных контингентов американских войск.

но-британский САБКНШ направил директиву Маунтбэттену, в которой излагалась эта американская позиция²².

В начале июля японские войска все же были выдавлены с территории Китая на территорию Бирмы. Японцы потеряли при этом 72 тыс. человек из 100 тыс. участвовавших в наступлении; союзники (в основном британцы) – менее 17 тыс.²³.

Это позволяло союзному командованию приступить к подготовке более крупного наступления в Бирме. Разработанный в сентябре 1944 г. план союзников на проведение Бирманской наступательной операции состоял из двух частей: «Кэпитл» – наступление сухопутных войск с севера и запада для захвата Северной и Центральной Бирмы и «Дракула» – десантная операция с моря и воздуха по овладению Рангуном. Начав после длительной подготовки операцию «Кэпитл» 3 декабря 1944 г.²⁴, союзные войска²⁵ при подавляющем превосходстве в авиации²⁶ развернули наступление на широком фронте.

Однако после восстановления в начале 1945 г. сухопутных коммуникаций из Индии в Китай гоминьдановское командование отвело свои войска из Бирмы. Американцы тоже сняли оттуда свои сухопутные силы и ограничили британского командующего Л.Маунтбэттена в праве использовать материальные ресурсы США в этом регионе. В результате таких местнических сепаратистских действий, а также нежелания (по политическим причинам) британского командования быстро и полностью освободить от японских захватчиков бирманскую территорию (английское колониальное владение) завершение операции по ликвидации соединений императорской армии в Бирме было задержано вплоть до капитуляции Японии в результате вступления в войну с ней СССР²⁷.

²² См.: Мэтлофф М. Указ. соч. С.499; Allen L. *Burma: The Longest War 1941–1945*. N.Y., 1984. P.191–193, 365.

²³ *История Второй мировой войны 1939–1945*. М., 1979. Т.9. С.319–320; Spector R. *Eagle against the Sun: The American War with Japan*. N.Y., 1985. P.361–362.

²⁴ Высадка морского десанта с целью захвата столицы Бирмы была осуществлена лишь 5 мая 1945 г., после ухода из Рангуна японцев.

²⁵ Английские, индийские, американские, китайские, африканские части и соединения общей численностью до 1,5 млн человек обеспечили соотношение воюющих сторон по личному составу 7,3:1 в пользу союзников.

²⁶ 1850 самолетов постоянной боевой готовности союзников против 87 японских самолетов (*Вторая мировая война: Краткая история*. С.430–431).

²⁷ Бутурлинов В.Ф., Вартаков В.Н., Зимонин В.П. и др. Указ. соч. С.288; *История Второй*

Лишь к маю 1945 г. китайским и американским войскам удалось полностью ликвидировать плоды своей бездеятельности начала 1944 г. и вернуть в распоряжение авиации США почти все утраченные аэродромы²⁸. Союзные державы вновь потеряли интерес к сухопутным театрам военных действий на востоке, теперь уже практически до самого конца Второй мировой войны. Военные действия на них были подчинены интересам главного наступления, начинавшегося на Тихом океане. На сухопутных театрах приоритет отдавался действиям в основном американской авиации. Однако эта стратегия не давала надежд на быстрый разгром Японии. Таковой стала стратегическая цена геополитических просчетов, а точнее – спекуляций союзников.

Весь мир ожидал решающих сражений на фронтах с фашистской Германией, в зависимость от которых справедливо ставилась судьба всей Второй мировой войны. Ведь этим определялись сроки вступления в войну против Японии Советского Союза, без колоссального опыта континентальной войны которого союзникам не мыслился скорый разгром дальневосточного агрессора. Сама возможность такого ожидания смогла появиться лишь в результате Тегеранской (1943) конференции руководителей держав антифашистской коалиции, на которой была выработана генеральная линия действий вооруженных сил союзных государств как на Западе, так и на Востоке. Важный вклад в выработку союзной стратегии внес считавшийся геополитическим соперником Запада Советский Союз.

На серии непрерывных встреч Каир – Тегеран – Каир, где главными постоянными участниками были Ф.Рузвельт и У.Черчилль, больше всего внимания уделялось (в отличие от устоявшихся представлений) обсуждению вопросов, связанных с судьбами АТР, в том числе перспективами крупных военных действий, которые могли бы привести к существенным результатам. И тем не менее наименьшие, практически нулевые результаты были достигнуты именно по этим вопросам, что не могло не привести к негативным последствиям.

Это позволяет нам вывести своеобразную формулу «Клаузевица-наоборот»: даже наличие внушительных сил²⁹ и способности осуществ-

---

мировой войны 1939–1945. Т.11. С.91; Можейко И.В., Узянов А.Н. Указ. соч. С.24.

²⁸ См.: Савин А.С. *Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.* М., 1979. С.165–166; Тайхэй сэнсо си (*История войны на Тихом океане*). Токио, 1973. Т.4. С.73–77.

²⁹ *А у союзников в конце 1943 г. на Азиатско-Тихоокеанском ТВД было больше сил, чем в*

лять более активную наступательную стратегию отнюдь не всегда позитивно влияет на геополитику, если она не подкрепляется (или подавляется) политико-идеологической волей высшего руководства.

Косвенное влияние на принятие союзниками пассивной стратегии для этого театра войны сыграло заявление И.В.Сталина о твердом решении Советского Союза вступить в войну против Японии вскоре после разгрома Германии. Это абсолютно верное и нужное решение, на наш взгляд, было анонсировано, возможно, преждевременно. И оказало расхолаживающее психологическое влияние на союзников, не желавших брать на себя ведение самых кровопролитных для этого периода войны сухопутных операций в Азии и зоне Тихого океана.

И, может быть, самое важное. Именно вышесказанное и, не в последнюю очередь, боязнь руководителей США и Великобритании усиления геополитических позиций в Европе Советского Союза, их глубокий антикоммунизм (в общем-то, вполне объяснимый) явились катализаторами, сделавшими неизбежным принятие решения об открытии второго фронта. Это позволяло с наименьшими потерями для наших союзников приблизить и разгром милитаристской Японии.

Геополитика и стратегия союзников на излете войны. Время трудных решений, потерь и находок

Между тем американские вооруженные силы на Тихом океане в составе двух основных группировок развернули в 1944 г. активные боевые действия. Сухопутные войска и часть сил военно-морского флота под ко-

мандованием генерала Д.Макартура действовали у побережья Новой Гвинеи, а военно-морские силы под командованием адмирала Ч.Нимица – в водах центрального района Тихого океана.

Десанты американских войск, действуя по принципу «лягушачьих прыжков» (*leap-frogging*), высаживались то на одном, то на другом острове. Выбор объекта действий определялся возможностью создать условия для дальнейшего продвижения. Другие районы Тихого океана, занятые японскими вооруженными силами, американцы блокировали и обходили. Летом 1944 г. главным направлением американского наступления стали центральные районы Тихого океана, где им сопутствовал хотя и нелегкий, но все же успех. Однако не океанский театр военных действий решал судьбу войны, конца которой еще не было видно.

Европе.

Курс на затяжную войну, который Япония избрала и успешно проводила на рубеже 1944–1945 гг., решаясь иногда на проведение наступательных операций, требовал от союзников выработки эффективных мер, способных в максимально короткое время положить конец кровопролитию. Подобные меры были окончательно выработаны на Крымской (Ялтинской) и Потсдамской (Берлинской) конференциях лидеров Большой тройки. Главным содержанием конференций было определение конкретных сроков и условий вступления СССР в войну на Востоке, что и привело впоследствии к капитуляции Японии.

Однако на пути к окончанию Второй мировой войны продолжали выстраиваться геополитические препятствия.

В 1944 г. обстановка на фронтах борьбы с вооруженными силами фашистско-милитаристского блока складывалась для союзников в целом благоприятно.

Итогом наступления Красной Армии зимой и весной 1944 г. явилось крушение стратегической обороны германского вермахта. В полной мере выявилась его неспособность остановить наступление советских войск. Немногим более чем за четыре месяца Красной Армией были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, разгромлены 142 дивизии и бригада противника. Крупный вклад в эти успехи внесли партизаны и подпольщики. Общие потери врага составили более 1 млн солдат и офицеров, 20 тыс. орудий и минометов, 8 400 танков и штурмовых орудий и около 5 тыс. самолетов. Возмещение этих потерь стало непосильной задачей для фашистской Германии и ее союзников. К июню 1944 г. советские Вооруженные Силы продвинулись на запад на 300–500 км, изгнали фашистских захватчиков с 300 тыс. кв. км территории СССР. Красная Армия, заняв выгодное положение и прочно владея стратегической инициативой, готовилась к новым решительным ударам, целью которых было полное освобождение страны и изгнание врага из оккупированных стран Европы³⁰.

Все это резко ограничивало возможности фашистского блока в ведении борьбы на других фронтах и театрах. В Италии под давлением превосходящих англо-американских сил немецко-фашистские войска оставили Рим. У фашистской Германии не было сил укреплять оборону и во Франции. Один из ведущих военных деятелей Германии времен войны Х.Гудериан констатировал: «Тяжелые кровопролитные зимние бои полностью приковали к себе внимание главного командования сухопутных

---

³⁰ См.: Зимонин В.П. *Последний очаг Второй мировой*. М., 2002. С.106.

войск. О подготовке сил для запада, где весной союзные державы наверняка должны были высадить десант... не могло быть и речи»³¹.

Общая ситуация на АТТВ также в целом складывалась в пользу союзников. Однако после завершения каиро-тегерано-каирских встреч на высшем уровне военно-политическое руководство США, Великобритании и Китая укрепились в следующем мнении. Ввиду неизбежно приближавшегося разгрома гитлеровской Германии и четкой перспективы переброски Советским Союзом своих войск с целью вступления в войну против Японии, для союзников перестало быть жизненно важным жертвование миллионами военнослужащих своих стран. На всех фронтах войны в АТР наступило затишье. Союзники приняли на вооружение стратегию выжидания, экономии сил, поддержания войны в стадии тления, преследуя цель не допустить выхода из нее ни дружественных государств, ни противника, для того, чтобы в последующем, объединившись с могущественным Советским Союзом, нанести по агрессору решающий удар.

При этом как на сухопутных, так и на Тихоокеанском ТВД была избрана тактика мелких по масштабам ударов. Эти «булавочные уколы» были рассчитаны на постепенное оттеснение противника с занимаемых позиций и сужение периметра его обороны. Американским командованием в то время был выработан и стал широко использоваться принцип гибкого маневрирования, в расчете на появление «удобных случаев», вскрытие огрехов в японской обороне. Разработка общего стратегического плана войны откладывалась до прояснения обстановки в Европе и ставилась в зависимость от оценки результатов применения «новых» методов ведения войны и от разрешения военно-политических проблем внутри коалиции³².

В первые месяцы 1945 г. военно-политическое положение главных виновников Второй мировой войны резко ухудшилось. В результате зимних кампаний распался агрессивный блок в Европе, начал агонизировать нацистский режим в Германии. Все более неблагоприятной становилась для Японии ситуация на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. После же близкого разгрома Германии Токио оставался единственным членом развалившейся фашистско-милитаристской коалиции, продолжавшим сопротивление союзникам. Тем не менее перспективы

---

³¹ См.: *Вторая мировая война: Краткая история*. С.431–432.

³² См.: Мэтлофф М. Указ. соч. С.499; Allen L. *Op. cit.* P.191–193, 365.

окончания Второй мировой войны на Востоке были еще весьма туманными.

Поражение японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. привело к завоеванию военно-морскими силами США полного господства на море. А потери японцев в авиации в ходе последовавших сражений и утрата ими аэродромов на Иводзиме, Окинаве и Филиппинах позволяли США

- перебрасывать в зону досягаемости японской метрополии истребители для поддержки стратегических бомбардировщиков (летавших ранее на бомбежки японских городов без прикрытия);
- активизировать воздушную войну против Японии³³.

Добившись господства на море и в воздухе, США и их союзники получили реальную возможность свободно выбирать направления переброски к Японским островам сухопутных войск. Последних, однако, катастрофически не хватало.

Нарушение морских коммуникаций сыграло важную роль в сокращении военно-экономического потенциала Японии, который почти полностью зависел от импорта. Военная экономика Японии уже не могла в полной мере обеспечивать потребности войск, флота и авиации в вооружении и боевой технике, а также в горюче-смазочных материалах. Особенно сказалось сокращение ввоза нефти и нефтепродуктов, доставка которых шла теперь в ограниченном количестве только через Китай³⁴.

Итак, после многих лет затяжных военных действий союзное командование с начала 1945 г. прочно удерживало на Тихоокеанском ТВД стратегическую инициативу, эффективно осуществляло блокаду Японских островов со стороны океана, но еще явно не задушило агрессора в своих объятиях. Япония по-прежнему не помышляла о безоговорочном прекращении военных действий и развернула (не свертывая сопротивления на других фронтах) подготовку к отпору американско-британскому наступлению непосредственно на Японских островах, а также к обороне

---

³³ Bateson Ch. *The War with Japan. A Concise History*. Sydney, 1968. P.375; Хаммури Т. *Дайтоа сэно дэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии)*. Токио, 1970. С.866.

³⁴ См. об этом подробнее: *История Второй мировой войны 1939–1945. Т.11. С.142, 148; United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy*. Wash., 1946. P.176, 180, 181, 183; Моримото Т. *Масэ-но рэкиси (Зловещая история)*. Токио, 1985. С.72, 79.

в Корею и на северо-востоке Китая. Она еще располагала многомиллионными вооруженными силами, прежде всего опытной армией, способной (как показал опыт боев за о. Тарава, Окинава и Филиппины) к длительной и упорной обороне.

В конце января 1945 г. всем командующим японскими силами на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была разослана директива следующего содержания: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»³⁵.

Понимая, что союзники рано или поздно выйдут на ближайшие подступы к Японским островам и начнут готовить вторжение на японскую территорию, императорская ставка решила превратить район Японии, Кореи, Маньчжурии и оккупированной части Китая в «неприступную крепость», чтобы

- вынудить противника нести большие потери при ее штурме;
- всеми силами затянуть войну;
- избежать безоговорочной капитуляции;
- добиться компромиссных условий мира³⁶.

Эту задачу призваны были выполнить сухопутные войска Японии, которые были сосредоточены на АТТВ в четырех стратегических группировках:

- Экспедиционные силы в Китае,
- Квантунская группировка войск,
- 5-й фронт на Сахалине, Курилах и Хоккайдо,
- 1-я и 2-я Объединенные армии национальной обороны в метрополии.

Кроме того, действовали Южная группа армий, 8-й и 10-й фронты на тихоокеанских островных территориях, Объединенная воздушная армия³⁷.

---

³⁵ *War in Asia and the Pacific 1939–1949. A Fifteen-volume Collection / Ed. by D. Detwiler, Ch. Burdick. N.Y.; L., 1980. Vol.8. China, Manchuria and Korea (part 1). P.180.*

³⁶ *Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P.505, 513.*

³⁷ *История Второй мировой войны 1939–1945. Т.11. С.20–21, 181–182, карта 3; Савин А.С., Носков А.М., Зимонин В.П. и др. Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985. С.301; Тайхэйэй сэно си (История войны на Тихом океане). Токио, 1973. Т.5. С.380–382.*

Наряду с увеличением численности вооруженных сил до более чем 7 млн человек, военно-политическое руководство Японии приняло меры по повышению эффективности вооруженной борьбы. Начались фанатизация боевых действий, популяризация самоубийств при угрозе плена, поощрение «тактики поголовной гибели». Усиленно готовились смертники – летчики-камикадзе, водители человеко-торпед («кайтэн») и взрывающихся скоростных катеров, боевые пловцы. В сухопутных войсках появились отряды (бригады) смертников, в основном для борьбы с танками.

В подобной обстановке планы сторонников³⁸ принуждения Японии к капитуляции действиями только флота и авиации³⁹ были квалифицированы как «стратегия ограниченных целей», которая играет лишь вспомогательную роль. Морская блокада и бомбардировки японских городов, предпринятые американцами, не давали скорого эффекта. Для обеспечения полного истощения Японии требовались огромные силы, средства и длительное время. К тому же с началом массированных бомбардировок японцы стали рассредоточивать свою промышленность, строить подземные заводы, усиливать противовоздушную и береговую оборону. «Эта стратегия, – говорилось в документе ОКНШ, – не дает гарантий в том, что она приведет к безоговорочной капитуляции или разгрому»⁴⁰.

Однако до конца марта 1945 г. у США и их союзников вообще не было единого плана завершения разгрома Японии. Лишь 29 марта 1945 г. ОКНШ утвердил план под кодовым названием «Даунфол». Высадку американских войск на острова Японии предполагалось осуществить в два этапа:

- сначала в южной части о. Кюсю – операция «Олимпик», намеченная на 1 ноября 1945 г.;
- а затем на остров Хонсю – операция «Коронет», которая планировалась на 1 марта 1946 г.

По расчетам американского и английского командования, для вторжения на Японские острова требовалась 7-миллионная армия. К январю

---

³⁸ К ним в США относились председатель ОКНШ адмирал У.Леги, главнокомандующий ВМС, начальник морского штаба адмирал Э.Кинг и командующий ВВС армии генерал Г.Арнольд.

³⁹ Ранее их придерживалось практически все политическое и военное руководство США, в том числе президент.

⁴⁰ *The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P.63.*

1945 г. США и их союзники (исключая Китай, где, по сути, в военных действиях активные действия не намечались) имели на всем театре войны с Японией лишь 2 458 тыс. человек, 19 300 самолетов и 711 кораблей основных классов. Накопление сил и средств протекало крайне медленно. Так, на втором совещании военных делегаций на Крымской конференции (6 февраля) начальник штаба армии США генерал Дж.Маршалл заявил, что переброска американских войск из Европы начнется лишь через неделю после окончания войны в Европе⁴¹. Великобритания даже в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большое три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В то же время, по оценке У.Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия, имевшая только на главном острове Хонсю более миллиона человек регулярных войск, не считая многочисленный личный состав военно-морского флота⁴².

Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось поэтому в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам⁴³ – в 1947 г.⁴⁴ Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских – свыше 0,5 млн, а японские потери достигнут 10 млн человек⁴⁵.

Конечно, не японские потери волновали американцев. Для США, не имевших общих границ с противниками и ведших войну вне пределов своей основной территории, даже сравнительно небольшие общие

⁴¹ *Протокол совещания // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф.113. Оп.3274. Д.11. Л.201, 203. 219.*

⁴² *Churchill W. The Second World War. N.Y., 1974. Vol.6. Triumph and Tragedy. P.536–537.*

⁴³ *Так, на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев.*

⁴⁴ *Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С.476; История Второй мировой войны 1939–1945. Т.11. С.25, 213; Command Decisions. P.501, 504; The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. P.65, 85–88; Spector R. Op. cit. P.511–530.*

⁴⁵ *Churchill W. Op. cit. Vol.6. P.545; The Japan Times. 1984. August 15; Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P.VIII; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948. P.619.*

потери за весь период Второй мировой войны⁴⁶ были весьма чувствительными.

В войне на Тихом океане явно создавалась тупиковая ситуация, при которой ни та, ни другая стороны не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий.

По мнению многих военных авторитетов союзников, заставить японцев капитулировать в короткий срок можно было только путем нанесения решающего поражения какой-либо крупной стратегически важной группировке японских сухопутных войск. Однако сил для этого у них не было. Ахиллесовой пятой Японии был маньчжуро-корейский район с его более чем миллионной группировкой войск, промышленной и сырьевой базой и крупными стратегическими запасами. Этот район играл роль связующего звена Японской метрополии с континентом. Союзники хорошо понимали, что, потеряв этот важнейший стратегический район, Япония лишится большинства средств, необходимых для продолжения войны, и неизбежно запросит пощады. Решить эту задачу быстро могли только советские войска. Поэтому ряд видных военачальников союзников связывали свои планы с обязательным вступлением Советского Союза в войну против Японии. С другой стороны, руководители США и Великобритании хорошо понимали, что «если бы Россия все еще оставалась нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии»⁴⁷.

(Окончание следует)

---

⁴⁶ Примерно 285 тыс. человек, из них около 100 тыс. убитыми (Америка. 1985. №346. С.16).

⁴⁷ Churchill W. Op. cit. Vol.6. P.333; Spector R. Op. cit. P.552–553.

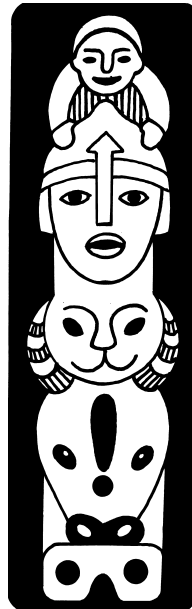
Мещане питаются запасом банальных идей, прибегая к избитым фразам и клише, их речь изобилует тусклыми, невыразительными словами.

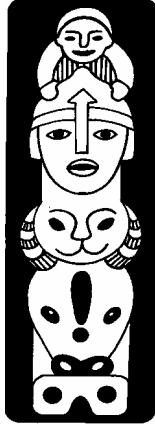
У русских есть, вернее, было специальное название для самодовольного величественного мещанства – пошлость.

Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность.

Припечатывая что-то словом
«пошлость», мы не просто
выносим эстетическое суждение,
но и творим нравственный суд.

Владимир Набоков

Андрей Юрганов

**«МЕЩАНСТВО»
И «ПОШЛОСТЬ»
В ЛИТЕРАТУРНО-
ФИЛОСОФСКИХ СПОРАХ
МОДЕРНИСТОВ
И ПОЗИТИВИСТОВ
НАЧАЛА XX ВЕКА¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
130.23

Отклики на письмо Горького с требованием снять с репертуара Московского Художественного театра уже готовый спектакль по роману Ф.М.Достоевского «Бесы» выразили модернистское отношение к ущемлению свободы личности в пространстве культуры. Практически все, кто откликнулся на эту ситуацию, осуждали писателя за насилие над творческой свободой. Однако революционная молодежь, выступавшая на открытых обсуждениях письма Горького, скорее поддерживала Горького, чем осуждала. Сам же пролетарский писатель ответил критикам, он ни в чем не признал свою вину и обвинил своих оппонентов в «мещанстве», «цинизме» и «пошлости». В статье рассматриваются глубинные основания различий в объяснении этих понятий. Эти различия были следствием диаметрально противоположных представлений о прогрессе страны, ее будущем.

Responses and comments to Gorki's letter with the demand to knock already prepared stage play on F.M.Dostoevski's novel "Demons" off the Moscow Art Theater's repertoire expressed the modernist attitude to infringement of personal freedom in the space of culture. Virtually everybody who responded to the situation censured Gorki for violence against freedom of creativity. However, the revolutionary young people who acted in the open discussions of Gorki's letter, rather supported than condemned the writer. In his answer to critics Gorki himself did not admit any fault and accused his opponents of "philistinism", "cynicism" and "platitude". The article deals with the deep-seated foundations of differences in explanations of these concepts. The differences resulted from the polar perceptions of Russia's progress and Russia's future.

Ключевые слова: письмо Горького о спектакле МХТ «Бесы»; отклики на письмо; реакция революционной молодежи; представления о прогрессе страны.

Key words: Gorki's letter on Moscow Art Theater' stage play "Demons"; responses to the letter; responses of the revolutionary youth; perceptions of the country's progress.

E-mail: iurganov@ya.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2015. №2.

Хроника обсуждения

25 сентября в газете *Утро России* были опубликованы три отклика на письмо Максима Горького. Все они, в той или иной мере, выражали несогласие с пролетарским писателем, но у каждого при этом была своя позиция. О.Савинич назвал свою публикацию «О здоровом духе», явно пародируя пафос письма Горького. Это тем более любопытно, что о нездоровых личностях, которые не впишутся в процесс развития нового человечества, писал Луначарский, не скрывавший печальной судьбы этих «неудачников», если власть над обществом окажется в руках истинно «здоровых людей», заботящихся о всем человечестве.

В гигантской фигуре нашего великого душеведа, заслонившей сейчас всю современную литературу и, конечно, давно и безнадежно отцветшую литературу самого М.Горького, последний узрел чрезвычайную... социальную педагогическую опасность. То ли нужно сейчас России, что мы находим в произведениях Достоевского?²

В этой полемической заметке обращалось внимание на то, что Горький предлагает *полную реорганизацию* культуры на новых началах: в интересах всего человечества следует отобрать полезные плоды культуры, а вредные отбросить.

Автор цитировал Горького и комментировал этот тезис:

«Перед нами огромная работа внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом. Мы должны тщательно пересмотреть все, что унаследовано нами из хаотического прошлого и, выбрав ценное, полезное, бесцветное и вредное отбросить, сдать в архив истории».

И, конечно, прежде всего, сдать в архив истории «бесценного и вредного» Достоевского. А что Достоевский бесценен и вреден и подлежит незамедлительной сдаче в архив истории, М.Горький подтверждает летучим критическим обзором всего творчества Достоевского. Точно летучий отряд при усмирении, вихрем пронесит он по всему Достоевскому, и от бедного «злого гения нашего» (определение М.Горького) остаются одни жалкие обгорелые головешки. Если попытаться выбрать из письма М.Горького все слова, которыми он определяет творчество Достоевского, то окажется, что это «пасквиль», «темное

---

² Савинич О. О здоровом духе // *Утро России*. 1913. 25 сентября.

пятно», «хулиганство», «садизм», «мазохизм», «гнилой яд» и т.д. Что же будет, если Достоевского в самом деле сдадут в архив? Этот вопрос возвращал читателя к полемике модернистов и позитивистов о природе пошлости.

Никакой литературы. Никаких гениев. По-видимому, по Горькому, сейчас России не до литературы и не до гениев. «Никто не станет отрицать, что на Руси снова наступают дни, требующие дружного единения умов и воли, крайнего напряжения всех здоровых сил нашей страны» (цитата из письма Горького. – *А.Ю.*). Ну вот видите, где уж тут время копаться в «бесформенной и пестрой несомненно русской душе» Федора Карамазова! Где уж тут время заниматься так называемыми «высшими вопросами духа», которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела». Ну их, эти «высшие запросы»! В архив! Ату их! А если вам все-таки кажется, что какая-то художественная литература, даже и в дни, «требующие дружного единения умов и воли», нужна, то ясно, что нужна литература, имеющая обязательно светлый фон и безусловно полезная с социально-педагогической точки зрения³.

Автор заметки увидел противоречие в словах и мыслях Горького: ведь пролетарский писатель позволял себе в своих произведениях жестокие сцены насилия, грубости, сквернословия. Однако внешняя грубость в описании того, как живут люди «на самом деле», ничто в сравнении с ложными вопросами духа, которые разлагающе воздействуют на людей, заставляя их искать высший духовный смысл. Таково оно – «органическое представление у М.Горького о здоровом духе», заключал автор.

В этом же номере газеты приводилось короткое интервью корреспондента газеты *Вечерние известия* с писателем М.Арцыбашевым. И вновь – в самом основании суждения о позиции Горького – звучит модернистский мотив неприятия утилитарной морали, морали здоровых нервов и сытого желудка.

В приписке к своему письму Горький так определяет свою задачу:

«Я убежден, что проповедь со сцены болезненных идей Достоевского способна только еще более расстроить и без того нездоровые нервы общества». Этим достаточно определено все его мирозерцание и все его устремления. Здоровые нервы да сытый желудок, а все остальное –

---

³ Там же.

от лукавого: одно «уродство» и больше ничего. Я помню, как один правоверный социал-демократ сказал мне: «Зачем вы занимаетесь вопросами любви? У нас в программе этот вопрос давно решен!..» Конечно, для человека, у которого решение всех вопросов бытия находится в его «программе», не только Достоевский, а и закон всемирного тяготения – ни к чему. Одно беспокойство и расстройство нервов.

«Долой Достоевского!» – с таким провокационным названием (и в том же номере газеты *Утро России* от 25 сентября) была опубликована заметка французского философа русского происхождения, Александра Койранского. Название заметки он объяснял тем, что так могло бы быть названо само письмо Горького. Суть социальной педагогики, по мнению Койранского, сводится к запрету постановки «Бесов», а раз так, то надо быть последовательным – и потребовать «торжественного сожжения на костре всего, что написал Достоевский». Так был заявлен протест против утилитаризма, против чечевичной похлебки «социальной педагогики», которая измеряет ценность и полезность писателя в соответствии «с преходящими требованиями общественной гигиены»⁴. Надличное здесь прямо угрожает сверхличному лишением права на жизнь.

26 сентября в газете *Утро России* было опубликовано Открытое письмо М.Горькому от коллектива Художественного театра (утвержденное 24 сентября). В этом письме противопоставлены «общественная совесть», как ее понимал Горький, и «высшие запросы духа», отвергаемые тем же Горьким.

...Нас не то смущает, что Ваше письмо может возбудить в обществе отношение к нашему театру, как к учреждению, усыпляющему общественную совесть, – репертуар театра, в целом, за 15 лет вполне ответит на такое обвинение. Но нам тяжело было узнать, что М.Горький в образах Достоевского не видит ничего, кроме садизма, истерии и эпилепсии, что весь интерес «Братьев Карамазовых» в Ваших глазах исчерпывается Федором Павловичем, а «Бесы» для Вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера, и что к великому богоискателю и глубочайшему художнику Достоевскому Вы предъявляете обвинение в растлении общества. Наша обязанность, как корпорации художников, напомнить, что те самые «высшие запросы духа», в которых вы видите лишь праздное «красноречие, отвлекающее от живого дела», мы считаем основным назначением театра. Если бы Вам удалось убедить нас в

---

⁴ Койранский А. «Долой Достоевского!» // *Утро России*. 1913. 25 сентября.

правоте Вашего взгляда, то мы должны были бы отречься от искусства, как утратившего свою цель. В то же время мы должны были бы отречься и от всего лучшего в русской литературе, отданного служению именно тем самым «запросам духа»⁵.

В том же номере газеты была заметка «Леонид Андреев contra М.Горький». В ней сообщалось, что Л.Андреев собирается защищать Достоевского. Он не согласен с узкими параметрами оценки творчества великого писателя. Значение таких творцов культуры, как Достоевский и Толстой, состоит в том, чтобы определять мировые и общечеловеческие проблемы, а не служить интересам современного общественного движения.

27 сентября петербургская *Речь* опубликовала статью, автор которой под псевдонимом «Чужой» рассказал много интересного и загадочного о письме М.Горького. Корреспондент заставил читателя задуматься над странностями всей этой истории. Он отметил, что артистическая корпорация поначалу составила резкий ответ писателю, но потом, после двух дней острых дебатов, представила на суд общественности ответ сильно смягченный. Между тем резкий ответ поддерживала большая часть труппы. Значит, были аргументы и для компромисса. Но главное не в этом, – реакция Горького настолько запоздала, что это само по себе не могло не удивлять:

В кругах, близких к Художественному театру, между прочим, обращают внимание на одну подробность в письме Максима Горького. Она, между прочим, говорит, что, подражая Художественному театру, Незлобинский театр⁶ поставит «Идиота». Между тем названный театр уже давно сыграл «Идиота» в сценическом приспособлении Ф.Ф.Комиссаржевского, – в минувшем сезоне. Спектакль этот обратил внимание, о нем писали во всех московских газетах. Трудно таким образом предположить, чтобы Максим Горький, не относящийся безразлично к вопросу об инсценировке романов Достоевского, мог тогда пропустить мимо внимания факт этой постановки. В названных кругах поэтому скорее склоняются к мысли, что то открытое письмо, которое опубликовано на днях, было написано много раньше, вероятно, вскоре после того, как стала известна

---

⁵ *Открытое письмо М.Горькому – Московский Художественный театр. 24-го сентября 1913 г. // Утро России. 1913. 26 сентября.*

⁶ *Театр Незлобина – частный театр, созданный в 1909 г. режиссером и актером К.Н.Незлобиным.*

мысль Художественного театра инсценировать «Бесов». Но почему-то тогда письмо осталось в письменном столе автора. И только теперь Горький дал ему ход. Почему именно теперь решил он опубликовать письмо, – на этот счет в театральных кругах различные догадки⁷.

Какие именно «догадки» были в театральных кругах, автор не сообщил. Но при этом читатель вправе знать, что если бы Горький хотел отменить постановку спектакля в самом деле, то надо было выступать с протестом в «минувшем сезоне»: «По крайней мере сам Максим Горький мог бы тогда питать надежду, что протест подействует, что Художественный театр пересмотрит свое решение и откажется от "Бесов". Вряд ли было бы так, потому что Художественный театр думал долго и осторожно, прежде чем решил постановку "Бесов". Но у автора то протеста могла бы быть надежда на такой практический результат. Публикуя же письмо с таким опозданием, только теперь, он, конечно, и сам не может рассчитывать на какой-нибудь практический результат. Спектакль почти готов, на него затрачена масса художественных усилий целой группы лиц. Все это заставляет особенно удивляться тому, что Горький, сначала задержав свой протест, затем все-таки его опубликовал, и в такое неподходящее время»⁸.

27 сентября в газете *Русские ведомости* была опубликована реплика, автор которой увидел в письме Горького умонастроение не писателя, а цензора, убежденного: практически любое литературное произведение опасно для общества, ибо люди, как нравственно падшие существа, могут неправильно понять те или иные идеи, сделать неправильные выводы... Литература как вид искусства, в сознании Горького, имеет прямое и необратимое воздействие на человека, – это ли не странно?

Я прочитал письмо г. Горького, направленное против постановки «Бесов» в Художественном театре, и мое внимание более всего остановила одна фраза: «Кто знает, не повлияла ли инсценировка Карамазовых на рост самоубийств в Москве?» <...> В самом деле, если один роман, только один, способен повернуть читателя к забвению сильнейшего из всех инстинктов, – инстинкта самосохранения, – если число самоубийств в Москве возросло из-за постановки «Карамазовых» на сцене Художественного театра, то другое литературное произведение может сразу изменить тенденции самоубийцы, вернув его к инстинкту жизни, заразив

⁷ Чужой. М. Горький и Художественный театр (От нашего московского корреспондента) // Речь. 1913. 27 сентября.

⁸ Там же.

его радостным стремлением к счастью, к труду, к общественному служению, ко всем добродетелям мира. <...> Никто так глубоко не убежден во «внезапности» литературного влияния, как цензор. Карамазовщина порождает самоубийства, – долой карамазовщину, не допускать ее на сцену. «Лето» и «Мать» проводят какие-то идеи, – запретить «Лето», сжечь все экземпляры «Матери». Это логично, и, если признать внезапность литературного влияния, иначе поступать нельзя. <...> литературное или сценическое произведение имеют быстрое и особенно сильное действие потому, что читатель нестойк, что он – нравственная слякоть, тряпка, колеблемая ветром во все стороны. И если даже «Мать» удержит его от самоубийства, а «Лето» заставит работать, то насколько упорна будет эта работа? Стоит ли радоваться сохранению жизни субъекта, который завтра же может вновь пойти в Художественный театр и покончить с собой? Бедный, несчастный г. Горький, убежденный, что он пишет для нравственной мрази!⁹

29 сентября в газете *Русское слово* было напечатано письмо Д.В.Философова, который согласился с Горьким в том, что, возможно, и не стоило ставить спектакль по роману Достоевского. «Но Боже, – писал он, – к какому ужасающему средству прибегает он для "оздоровления" русской интеллигенции! Это – метод "Великого инквизитора"». Как один из ярких представителей модернизма, Философов удивлялся тому, как Горький докатился до признания одной «из самых ужасных форм насилия – насилия над свободой слова». Да, свобода «вещь опасная». Но никакие «злоупотребления ею не могут поколебать основного принципа: свобода священна». Письмо Горького, считал Философов, обладает своей значительностью, но оно обесценено призывом к насилию: «Лучше вредные пьесы, нежели цензурный намордник. И очень жалко, что Горький закончил свое благородное письмо призывом к своеобразному цензурному запрещению. Он совершил великий грех против свободы слова»¹⁰.

30 сентября¹¹ в газете *Руль* была опубликована статья А.Адуева. Автор согласился, что роман Достоевского «Бесы» – пасквиль: «ожесточенный, несправедливый пасквиль на молодую Россию бурной эпохи

---

⁹ Игнатов И. «Бесы» и г. Горький // *Русские ведомости*. 1913. 27 сентября.

¹⁰ Философов Д.В. Опасный путь (письмо в редакцию) // *Русское слово*. 1913. 29 сентября.

¹¹ В тот же день в газете «Речь» напечатан «Дневник художника» А.Бенуа, в котором сказано, что Горький «дешевит реальную ценность» сегодняшнего дня и делает это, как «яремочный шарлатан».

семидесятих годов во всех ее проявлениях, от утонченного аристократа и эстета Тургенева до озлобленных нигилистов-нечаевцев»¹². Но... Горький «ставит вопрос шире и глубже, и от "Бесов" переходит к Достоевскому в целом». Ошибка «социальной педагогики» заключается в том, что с ее помощью Горький предлагает «путем запрета бороться с тлетворным влиянием вредных книг и театральных зрелищ».

Социально-воспитательное значение художественной литературы невелико на самом деле: «Не "Свадьба Фигаро" сделала великую Французскую революцию».

Словом, «Бесы» вряд ли могут угрожать дальнейшим историческим судьбам России, и нам незачем мешать Немировичу-Данченко занимать публику инсценировкой этого гениального памфлета, которому за давностью лет можно, пожалуй, даже простить его клевету. Лишь бы эта инсценировка не была антихудожественна...

8 октября 1913 г. в вечернем выпуске *Биржевых ведомостей* была опубликована большая подборка мнений ведущих писателей о письме М. Горького. Публиковались даже их подписи, чтобы не было сомнений в подлинности слов. В преамбуле к публикации давалась довольно резкая оценка творчества Горького за границей и его сентябрьского письма: «Последняя выходка г. Горького – публичный протест против Достоевского – вызвала кое-где справедливое негодование и возмущение, кое-где – иронический смех»¹³.

Первым в этой подборке был А.И.Куприн. Он уловил причинно-следственную связь письма и общественной деятельности Горького: «Причиной вмешательства Горького в постановку "Бесов" Достоевского я считаю его *слишком долгую причастность к партии с[оциал]-д[емократов]*. От этого он привык на все смотреть под известным углом зрения и во всем искать и видеть тенденциозность (курсив мой. – А.Ю.). Выступление Горького было бы понято со стороны какого-нибудь партийного деятеля, а не крупного русского писателя. Письмо Максима Горького является бестактным и по отношению к Художественному театру, и к публике, чтущей Достоевского.

Что касается самой инсценировки "художников", то, если считать, что типы Достоевского вредны на сцене, тогда, значит, они вредны и в литературе вообще. Ведь от сцены до литературы один шаг; но тогда нужно

¹² Адуев А. Горький против Достоевского // Руль. 1913. 30 сентября.

¹³ О выпаде г. Горького против Достоевского. Мнения писателей // Биржевые ведомости. 1913. 8 октября (вечерний выпуск).

изъять Достоевского и из библиотек, – того Достоевского, который сумел прозреть все глубины русской души, который сумел их выявить с удивительным мастерством! Это – абсурд»¹⁴.

Затем высказался писатель и поэт А.Н.Будищев. Он не соглашался с Горьким в характерной для писателей модернистского лагеря стилистике, в которой существенны такие фигуры речи, как «гордый бунт», «пламень и мятеж», «трясины косности» и т.д.:

Нет таких условий и нет такого положения, когда труды гения оказались бы вредными и служили бы попятному движению человеческой мысли. А Достоевский без сомнения гений. И как гений, он всегда прогрессивен. В самой основе своего духа он пламя и мятеж, гордый бунт от земли до неба, с дымом и пеплом потрясающий болотные трясины косности. Когда же такие писатели являются вредными? Я не знаю другого, более революционного писателя, чем Достоевский.

В словах Будищева о революционности Достоевского звучали модернистские мотивы и главный среди них – неприятие пошлости как «болотной трясины».

Революционность Достоевского – несомненный факт, если считать, что личность в сверхличностной перспективе определяет собой духовный вектор развития всего человечества. Но Достоевский – совершеннейший реакционер, если, как Горький, видеть в личности только отражение общественных процессов, если в личности нет ничего, кроме вторичности, определяемой факторами *надличного* процесса.

Для Г.Г.Ясинского был существен такой вопрос: «Разве Тургенев и Достоевский не согрели преемственно лучами своего гения и дарование самого Горького?» При этом он высказал весьма смелую догадку: «...у Максима Горького раздвоенная душа, как это бывает у писателей с нетвердой волею, подпадающих под деспотическое влияние той или иной, правой или левой, цензуры»¹⁵. Ясинский по существу так же, как и Курприн, увидел причину беспокойного письма Горького в том, что он стал «рабом злободневных течений, в которых не всегда даже разбирается, пишет под страхом исключения из партии и усердно зарывает в этом мусоре свое яркое самородное дарование».

Популярный в то время беллетрист И.Н.Потапенко признался, что у него осталось «жуткое» впечатление от письма. Писательская фантазия

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

увлекла его в мыслимое будущее, где Максим Горький стал министром, причем «чего угодно», это не важно.

И я увидел, что в трескучие морозы на перекрестке улиц жгут для общего пользования не дрова и не торф, а томы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Белинского, Добролюбова, жгут немилосердно, во всех концах России, по приказанию г. министра М.Горького, жгут писателей, некогда осмелившихся мыслить иначе, чем М.Горький, и заколачивают досками входы в театры, осмелившиеся ставить пьесы, не удостоившиеся цензурного штампа М.Горького.

Скорее примирительным, чем ругательным, было письмо Д.С.Мережковского. Он явно не хотел резко критиковать Горького. Его больше раздражал Художественный театр, который, обращаясь к Достоевскому, не способен подняться в своем искусстве над простейшим реализмом до более высокого реализма – религиозного. О письме он высказался кратко: «Горький неправильно подошел к вопросу и, конечно, ничего не отстоял, а ведь Горький имеет правду, которую мог бы преодолеть ложь Достоевского – я говорю о вере Максима Горького в освобождение России»¹⁶.

Федор Сологуб не скрыл от читателя, что письмо Горького произвело на него тягостное впечатление, «как и всякое другое покушение на свободу творчества»¹⁷. Сологуб обратился к аргументу, который мог воспринять только тот, кто схожим образом думал о святости свободы личности. Горькому были чужды всякие разговоры о терзаниях души как о факте конституциональном. Он бы с отвращением отвернулся от таких слов Ф.Сологуба:

Жестокое заблуждение думать, что слово может быть вредно. Величайшее общественное благо искусства в том и состоит, что в нем выражается стремление человеческого духа к свободе. Сомнительная польза, которая могла бы быть достигнута запрещением художественного произведения, парализуется развратом общественной совести, – внушением мысли, что высокие создания духа могут быть подвергаемы гонениям.

Свое мнение высказали также А.М.Ремизов, С.А.Венгеров. Ф.Д.Батюшков обратил внимание на то, что в М.Горьком социальный педагог «слишком выдвигает утилитарные задачи искусства»¹⁸. Заключение

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

список тех, кто отправил письма в редакцию газеты, Р.Иванов-Разумник. Прекрасно знавший историю общественного движения в России, он увидел прямую связь между письмом Горького и дискуссией 1905 г. между позитивистами и модернистами о природе мещанства:

Когда-то в 1905 году М.Горький в целом ряде статей ожесточенно нападал на Льва Толстого и Достоевского, *считая их «мещанами» русской литературы* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.)... Это печальное выступление забылось, к тому же его можно было слегка извинить, – М.Горький ходил тогда в марксистских шорах. Но вот почти десять лет с тех пор уже прошло, а он все еще стоит на прежнем месте, все по-прежнему идет на Достоевского. И с каким оружием идет на него! С оружием общественной цензуры, с черной проскрипционной книгой, со словом не только осуждения, но и запрета. Достоевский вреден; его не надо ставить на сцене. Еще один шаг, – и Горький станет протестовать и против издательств, печатающих сочинения Достоевского. Это недостойно ни М.Горького, ни русской литературы. Кто против враждебных идей хочет бороться *внешней силой* (начиная от штыков и кончая запретами – разница тут только в степени), тот не верит, или недостаточно верит, в силу своих целей, тот бедно и бледно верит в силу своей веры. Неужели же это судьба и М.Горького?

1 октября в газете *День* была опубликована заметка «М.Горький и Художественный театр», в которой содержалась рефлексия по поводу всего опубликованного в прессе. И вот тут оказалось, что мнения видных деятелей культуры, писателей модернистского лагеря, отвергавших ложный пафос Горького, не повлияли на ту молодую Россию, которая не переставала мечтать о революции. Напротив, молодежи хотелось поддержать Горького, ибо царское правительство не разрешало ему вернуться в Россию, а критика изгнанного революционного писателя рассматривалась как неблагоприятная в отношении будущей революции.

10 ноября в газете *Утро России* появились два материала о публичном диспуте (состоялся накануне в аудитории Политехнического музея), посвященном роману «Бесы» и его инсценировке в Художественном театре. Вечер был устроен редакцией журнала *Маски*.

Первым выступил В.Г.Сахновский. Он дал яркую характеристику творчества Достоевского, но раскритиковал Художественный театр за неудачную постановку: «...театр взял из Достоевского только то, что

наиболее легко может быть усвоено, легко понято толпой»¹⁹. Потом выступили М.М.Бонч-Томашевский, Ф.Ф.Комиссаржевский, А.Н.Вознесенский и др. Аудитория бурно реагировала на любые слова о письме Горького, многие в зале не давали говорить тем, кто критиковал это письмо: «...когда г. Абрамович начинает в резком тоне говорить о Горьком, "разъяснением" Достоевского, аудитория поднимает страшный шум и шиканье».

Марк Криницкий тоже был в аудитории и опубликовал в том же номере газеты заметку под названием «"Бесы" о "бесах"». В ней писатель описал свое впечатление от публичного диспута. Ему очень не понравилось, что никто никого не хотел слушать: «Отстаивали Достоевского с пеной у рта, бия себя кулаком в грудь. В ответ неслись протесты, крики, свист, шум и гам, – вскакивающие и размахивающие фигуры, искаженные нетерпимостью лица. С обеих сторон вырываются непарламентские выражения. Ораторы заявляют о "совершенном духовном убожестве части нашего общества". С мест публики им кричат о намеренном искажении текста письма Максима Горького».

Один эпизод Криницкий выхватил из хаоса, чтобы показать, насколько поддержка Горького была сильнее в зале, чем в периодической печати: «Н.Я.Абрамович, спокойный, но бледный, презрительно цитирует выдержки письма. Мужчина среднего роста, лысый и с длинной бородой, вскочив с места и потрясая кулаком, кричит: "Максим Горький отсутствует. Вы можете нападать смело!" Его поддерживают дружными аплодисментами под робкое шиканье незначительной части зала. Чувствуется, что победил Горький. Тень писателя, не имеющего права въезда на родину, на момент встает перед слушателями».

Председатель собрания, Сергей Глаголь, пытался умиротворяющим жестом руки снять напряжение в аудитории, но собравшиеся в зале настаивали на том, что «нельзя защищать Достоевского, потому что прав Горький, называющий его оплотом реакции. И Горький прав потому, что он страдает в изгнании».

Криницкий сочувственно описал обращение к публике неизвестного человека, которого многие просто не захотели услышать:

...он говорит столько же словами, сколько и неподдельной страстной дрожью голоса, говорит, всеми жестами кричит:

– Ведь это же и есть то самое попрание свободы, за которую стоят защитники Максима Горького. Не надо нам зажимающей глотку цензуры

---

¹⁹ *Утро России. 1913. 10 ноября.*

во всех ее видах. Ведь это же насилие над творчеством! Достоевский – поэт униженных и оскорбленных. Он настоящий и подлинный демократ. Но он, в то же время, искатель вечной истины. Да, он искал и видел бесов, и он нашел их не в узком мещанском круге, а в водовороте интеллигентских страстей. Нет, мы еще не умеем ценить подлинной свободы, мы верим только в ярлыки и, рабы всегда, рабы по натуре, мы заслужили свое рабство.

Вновь выступил С.Глаголь, пытаясь примирить враждующие стороны: «В доме повешенного не говорят о веревке. Мы *отравлены проклятием все мерить на политическую мерку* (курсив мой. – А.Ю.). Надо быть прежде всего людьми и людьми»²⁰ ...

Свои впечатления от состоявшегося диспута М.Криницкий подытожил так:

И дико, и странно было слышать одинаково и «защиту» великой тени гениального писателя, и быть свидетелем рокового непонимания. Казалось, что нами вновь и вновь *овладевает бес упрощенного восприятия жизни и быстрого и прямолинейного решения наболевших и сложных вопросов* (курсив мой. – А.Ю.). Не об таких ли бесах всю жизнь болел и толковал Достоевский. Но он не выгнал их, а только распугал. И в диком и странном танце они крутились теперь, как и в былые дни, над нашими глазами. При всем уважении к личности и таланту узника острова Капри чувствовалось, что все-таки не он и не его прямолинейная доктрина призваны изгнать бесов из русской жизни. Не так-то легко выбросить Достоевского из нашего прошлого и настоящего. Здесь какой-то мучительно затянувшийся узел нашей жизни. И когда он развяжется и кто его развяжет – пока неизвестно.

11 ноября 1913 г. в газете *Столичная молва* был опубликован материал С.Глаголя, в котором он вновь сказал о негативном влиянии политики на сознание русской культуры, упомянув при этом не дебаты в Политехническом музее, а лекцию В.П.Потемкина в Педагогическом собрании. В диспуте, состоявшемся после лекции, вновь возник яростный спор о письме Горького. И вновь проявили себя горячие сторонники социальной революции в России:

Вот, например, лекция В.П.Потемкина в Педагогическом собрании и последовавший за нею диспут, обратившийся в пронятие (так в тексте. – А.Ю.) писателя как клеветника на молодую Россию, пасквильанта русской

---

²⁰ Там же.

революции и проповедника обскурантизма. Никогда, должно быть, мы не опомнимся. Никогда не перестанем все мерить политикою, к каждому явлению подходить с точки зрения его партийной окраски? Нам мало, должно быть, что теперь, нанимая машиниста на паровоз, железная дорога прежде всего требует от него политической благонадежности, а какой он машинист, это вопрос второстепенный!.. А не то ли же самое звучит и в отношении Достоевского за то, что он будто бы написал в «Бесах» пасквиль на русскую революцию?! Все забыто: и глубокий психологический анализ, и прозорливость человека, заглянувшего в самую суть внутренней жизни, и мука, которую переживал писатель, охваченный клубком собственных внутренних противоречий. Все забыто и все снова измерено партийным аршином...²¹

С.Глаголь постарался защитить Художественный театр от политических обвинений:

Поставив «Бесов», театр тщательно вымел со сцены всю политику, какую только возможно, и сосредоточил интерес на психологии действующих лиц. И что же?! Театр сейчас обвиняют в мракобесии, в подыгрывании реакции, в оплевывании всего, что для русского общества должно быть святым. Доходят до того, что винят театр за его высокую художественность. Как смеет он поднимать искусство на такую высоту, сосредоточивать на искусстве внимание общества, когда оно должно бороться за свои погрязшие права?!

В своей заметке автор затронул очень болезненную сферу в сознании интеллигенции из позитивистского лагеря – самоцензуру – и ранимое отношение к любым фактам разоблачения, даже после того, как было раскрыто предательство Азефа.

Что и как раскрыто в человеческой душе, – это нас не интересует. Главное – чья взята душа. Если вообще, то пожалуйста, а нашу – не тронь. Если завтра большой писатель нарисует картинку того, как мерзавец мужчина, обманув красотой своих речей, увлечет за собою девушку ребенка, надругается над нею и, не оглянувшись, пройдет мимо ее трупа, валяющегося в грязи, нас прежде всего займет вопрос: кто обличен. Если гвардейский офицер – великолепно. Доктор или адвокат – туда сюда, но если террорист, то разве это можно? Это пасквиль, донос и пр.!! Для нас революционер все еще душка. Мы все еще думаем, как институтки, что достаточно хотеть хорошего и светлого, достаточно стремить-

---

²¹ Глаголь С. *Искусство за неделю // Столичная молва. 1913. 11 ноября.*

ся к нему, чтобы сейчас же сделаться и хорошим и светлым. И это после всех предательств и Азевов! Воистину все те же бесы владеют нами и создают все тот же чертов водевиль.

По свидетельству *Русских ведомостей*, у Горького нашлись сторонники в Париже среди левой интеллигенции²², – несмотря на приверженность духу свободы, она поддержала запретительный тон отшельника с Капри.

**Ответ Максима Горького:
мещане, циники и нигилисты**

В статье «Еще о "карамазовщине"» пролетарский писатель дал ответ своим критикам, не согласившись ни с одним из высказанных замечаний.

Горький демонстрировал, что письмо вышло из-под его пера не случайно, а закономерно. Он ни о чем не пожалел, и уж тем более не собирался сдаваться. Начальное звено всех его рассуждений – признание мещанства во всякой личности, стремящейся к культурной и правовой автономии. Вторичность такой личности и первичность надличностных структур («народ», «человечество») – формула оппонирования тем, кто критиковал его за попытки утвердить общественную цензуру.

Некоторые замечания газетных критиков его задели лично:

...один литератор приписал мне намерения крайне свирепые. Он говорит, что если бы я был министром, то сжег бы Достоевского. Министром я не надеюсь быть. Не сожгу, ибо русскую литературу люблю и ценю не менее почтенного литератора. Он очень громогласно объявил городу и миру о своем безграничном свободолобии, но каждый раз, когда я слышу такие объявления, мне хочется спросить объявителя:

– А вы от чего желаете освободиться? Не от всех ли обязанностей человека и гражданина? Ибо русское понимание «последней свободы» почти всегда скрывает за собою стремление от деяния к созерцанию, от культуры – к дикости и варварству. Горький не против Достоевского, а против того, чтобы романы Достоевского ставились на сцене²³.

М.Горький считал, что одно дело – читать Достоевского, и другое – «видеть образы его на сцене, да еще в таком талантливом исполнении,

---

²² Белоруссов. *Отклики жизни. О формах общественной борьбы // Русские ведомости. 1913. 19 ноября.*

²³ Горький М. *Статьи. 1905–1916 гг. Пг., 1917. С.166.*

как это умеют показывать артисты Художественного театра»²⁴. В чем же разница? «В книгах для внимательного читателя ясны и реакционные тенденции Достоевского, и все его противоречия, все те страшные натяжки, которых никому другому не простили бы», – писал он.

Горький подвергал сомнению один из главных тезисов Достоевского – о ценностном приоритете индивидуальности (в образе ребенка) в сравнении с любой безличной идеей, претендующей на высшее добро и высшую справедливость: «Всматриваясь в словоблудие Ивана Карамазова, читатель видит, что это – Обломов, принявший нигилизм ради удобств плоти и по лени, и что его "неприятие мира" – просто словесный бунт лентяя, а его утверждение, что человек – "дикое и злое животное", – дрянные слова злого человека. Читатель видит также, что Иваново трагичное рассуждение о "ребеночке" – величайшая ложь и противное лицемерие, тотчас же обнажаемое самим нигилистом в словах: "Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних". Ближний – это и есть ребенок, человек, который завтра унаследует после нас все доброе и злое, совершенное нами на земле, а если Иван не понимает, как можно любить его, – значит, все, что он говорит о жалости к "ребеночку", – сентиментальная ложь. "Весь мир познания не стоит слезок ребенка", – говорит *нигилист*, но читатель знает, что это – тоже ложь. Познание есть деяние, направленное к уничтожению горьких слез и мучений человека, стремление к победе над страшным горем русской земли»²⁵.

Итак, на сцене, в отличие от процесса чтения, возникает театральный обман, переносящий зрителя из области мысли в темную область эмоций и чувств, в область гипноза и внушения, не допускающей спора, рефлексии: «...на сцене зритель видит человека, созданного Достоевским по образу и подобию "дикого и злого животного". Но человек не таков, я знаю»²⁶.

Что же происходит на сцене? Все отрицательные свойства русского человека, которые собрал и изобразил Достоевский, приобрели, благодаря талантливой игре актеров, большую «убедительность и завершенность, чем на страницах книг». В этом Горький и видел социальный вред постановки: «Я считаю это социально вредным, ибо человек – не "дикое и злое животное", и он гораздо проще, милее, чем его выдумывают российские мудрецы. А протест общества против того или иного ли-

²⁴ Там же. С.167.

²⁵ Там же. С.168.

²⁶ Там же. С.166–167.

тератора одинаково полезен как для общества, которому пора осознать свои силы и свое право борьбы против всего, что ему враждебно, так и для личности»²⁷.

Горький продолжал говорить, что вредная художественная литература в самом деле существует, даже если ее творец не только талантлив, но и гениален: «Не Ставрогиных надобно ей (публике. – А.Ю.) показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии – к демократии, к народу, к общественности и науке». Отвечая многочисленным критикам, собратьям по перу, он занял бескомпромиссную позицию. Все писатели, талантливые и даже гениальные всегда меньше, чем страна и народ, всегда духовно ничтожнее, и об этом не следует забывать: «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее – значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря обо всех нас»²⁸.

Именно это различие масштабов страны и отдельной личности (в ценностной оценке) давало Горькому основание наделять модернистов, его злейших врагов, свойствами, которые имели смысл только в рамках позитивистской модели объяснения. Горький полагал, что модернист и циник – это синонимы. Он утверждал, что «модернизм» и «цинизм» – одно и то же. Для него очевидно, что модернизм – это современная пошлость. Пошлость нигилистов... Попробуем разобраться в логике такого усмотрения сущности в понятийных сферах литературного позитивизма.

В 1908 г. Горький написал программную статью «О цинизме». Не зная контекста, можно подумать, что писатель занялся морализаторством и стал учить тому, как избежать всякого рода неверия в высокие идеалы. Ан, нет! Никакого морализаторства в этой статье нет, – это программное обличение *всего* модернизма как явления культурной и общественной жизни. Исходный мотив рассуждений все тот же – «...народ есть неиссякаемый источник энергии, единственный способный претворить возможное – в необходимое, все мечты – в действительность...»²⁹.

Все понятия, о которых уже шла речь, выстраивались им в определенный ряд, выражавший собой единую сущность: мещанство, цинизм (как вариант: «пессимизм»), нигилизм.

---

²⁷ Там же. С.167.

²⁸ Там же. С.170.

²⁹ Там же. С.66.

Первично мещанство – оно прячется от действительности в разных уголках, которые Горький определял так: «Бог, метафизика и цинизм». Цинизм вторичен по отношению к мещанству, ибо это средство, а не цель: таким оружием защищаются от напора «исторической справедливости» те, кто не признает за организованной в класс и в партию массой людей права на более высокую ступень развития в сравнении с возможностями отдельной личности. Видя старания модернистов в обосновании новой эстетики, не сопряженной с передачей личных прав безличному коллективу, Горький отождествлял «цинизм» со сторонниками «новой красоты». Он так и писал: «Цинизм является перед людьми в пестрых одеждах "новой красоты"». Красота для пролетарского писателя – в образах народных, в мечтах человечества. В творчестве отдельной личности не может быть подлинной красоты, ибо «мелкие души» не способны ни на что, кроме своих детских забав.

...отовсюду смотрят полуслепые, гнойные глаза нищеты, везде развешены ее драные лохмотья, со всех сторон тянутся за милостыней тысячи грязных, костлявых рук – какая красота! В хаосе полумертвого от голода тела, в черном вихре рубищ, вертится обожженный развратом и болезнями циник, с бессильными мускулами, с размягченными костями, с безумной, предсмертной жаждой острых наслаждений и тусклыми глазами на желтом лице под голым черепом, это – «новая красота»? Он ходит по городам, как мародер по полю битвы, как вор по кладбищу, и говорит:

– Служу красоте!

И становится на колени перед кучей пестрых пустяков, прячется от безобразия окружающего за грудой жалких выдумок – тут рисуночки, игрушечки, статуэточки, изящные книжечки – маленькие плоды напряженного труда мелких душ. <...> «Новая красота», говорят циники, углубляясь в созерцание мелочей и стараясь забыть, что красота бессмертная – в любви, а не похоти, в деянии, а не в покое – в росте духа человеческого, в воплощении мечты. Раскололи мещане маленькие души свои на мелкие кусочки и все более раскалывают их – и живут в рознице, плененные крошечными забавами своими³⁰.

Любое обнажение своего «Я» как факта, конституирующего реальность, означало для Горького «цинизм» – непризнание красоты надличной, общечеловеческой, народной. Он высмеивал «циников», деливших

---

³⁰ Там же. С.74.

людей на героев и толпу: «Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское "я"; мещанин зовет героя на помощь себе – приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадура»³¹.

Циник иногда апеллирует к стыду и совести, но он не догадывается, что эти понятия не от метафизики производны, – они суть «память вида» или рода человеческого.

Горький уловил, что для писателей модернистского направления была важна «последняя свобода», как возможность освободить себя от гнета традиции и обыденности:

– Ищу последней свободы! – торжественно возвещает он, проповедуя и демонстрируя однополюю любовь. А насилая мальчиков, провозглашает возрождение эллинской красоты и философствует на тему о том, что природа создала женщину, преследуя свои цели, но эти цели – узы и цепи для человека, а потому...

– Долой узы!

Цинизм, в его понимании, – это пренебрежение к подлинным источникам духа, которые таятся в глубинах классового, партийного, народного «Мы». Зло модернистов заключается в том, что они стремятся, по выражению Горького, к «разобществлению личности»³².

Истинный индивидуализм в будущем, он – за социализмом, он не может быть достигнут человеком наших дней и он – не по фигуре ему, как рыцарские латы не по фигуре горбуну. Не «Я», но «Мы» – вот начало освобождения личности!³³

Итак, мещанство – это всякий осознанный индивидуализм, цинизм – это средство защиты себя от любых коллективистских начал жизни, нигилизм – отрицание этих начал как фундамента в построении нового социалистического общества. Мещанин не может не быть циником, циник не может не быть нигилистом – такова нехитрая философия Горького, категорически не верившего в возможность личности быть личностью (до построения социалистического общества).

В конфликте вокруг письма Горького столкнулись противоположные позиции – позитивистов и модернистов. Но были и те, кто выпол-

---

³¹ Там же. С.77.

³² Горький М. *О современности* // Горький М. *Статьи. 1905–1916 гг.* С.101.

³³ Горький М. *О цинизме* // Горький М. *Статьи. 1905–1916 гг.* С.80.

нял роль своеобразного теоретического буфера, – это неонародники, с которых, собственно говоря, и началась история вторичной концептуализации понятия «мещанство». Именно народники в России породили интерес к проблеме мещанства, сделав ее центральной для всех идейных направлений.

Неонародничество: генезис понятия «мещанство»

Неонародничество осуществило рефлексию своего опыта борьбы с самодержавием в 60-х – 80-х годах XIX в., произвело редукцию, оставив в своем политическом, философском

багаже самое ценное, без чего нельзя обойтись.

Одним из самых ярких представителей этого направления был Р.Иванов-Разумник. Он писал в Предисловии к своему сборнику статей (1910): «И пусть погубило старое народничество, как временное и переходящее общественное учение: оно не может не возродиться в новых формах, углубляющих и расширяющих понимание вечной истины, лежащей в его основе». Такой вечной истиной для неонародников была идея о двуединстве реальной личности и блага народа: «Человеческая личность – с одной стороны, благо народа – с другой стороны, являлись с давних пор такими вечными ценностями для русской общественности, для русской литературы; громадное и мощное течение русской общественной мысли – народничество, от Герцена и до Михайловского, – имело своим стержнем эту вечную ценность»³⁴.

Р.Иванов-Разумник

Неонародничество вступало в дискуссию и с позитивизмом, и с модернизмом, обнажая таким образом не только несовпадение взглядов, но и те смежные области теории, в которых проявлялось согласие, совпадение взглядов и с теми, и с другими. Иванов-Разумник писал о пограничном состоянии публицистики нового народничества: между эпигонами марксизма, «с безнадежно упрощенным и уплощенным социали-

³⁴ Иванов-Разумник Р. *Литература и общественность*. СПб., 1910. С.VII–VIII.

стическим методом в руках», для которых определение «упадочное мещанство» завершало анализ произведения, и наследниками старого «декаденства», для которых литература – «это они и только они, они цель всего предшествующего и зерно всего будущего»³⁵.

Что, по мнению Иванова-Разумника, не принимают новые народники в творчестве модернистов? Прежде всего – мистицизм как концептуальную основу культуры сверхличности. Никакого мистицизма, когда речь идет о реальной личности, укорененной в текущей жизни! Никакого сверхчеловечества, никаких чудес духовного преображения! Цель исторического движения – установление гармонии между *реальными* интересами личности и *реальным* благом народа. Иванов-Разумник определял позицию нового народничества как «реализм» в отличие от символизма, который он приписывал модернистам, правда, оговариваясь, что реалисты и символисты хорошо вооружились в борьбе друг с другом сильными сторонами друг друга.

Неонародническая концепция «имманентного» человека исключала модернистскую трактовку сверхличности, в этом отрицании запредельного было желание приобщиться «к подлинной плоти мира, к жизни, к живому человеку, к народу, к человечеству, – и приобщение не в словесных схемах, а в живой, действенной работе, не в словах, а в деянии»³⁶.

Что, по мысли Иванова-Разумника, отличало неонародников от позитивистов-марксистов? Категорическое неприятие тезиса о вторичности личности в сравнении с такими понятиями, как народ, природа, человечество. Гармония индивидуума и социума зиждется *на примате личного*, индивидуального бытия, которое не может быть подавлено надличными структурами, ибо у них нет преимущественных прав, кроме права помогать личности выражать себя во всех сферах ее реального, а не мнимого бытия. Иванов-Разумник настаивал на том, что отцы-основатели народнической философии, А.И.Герцен и Н.К.Михайловский, обосновали подлинный индивидуализм, при котором главенство личности в их теории не противоречит обществу, ибо его интересы обязаны формироваться на реальной почве индивидуализма.

Да, это несомненно: глубокий раскол между народниками и марксистами есть в основе своей раскол социально-этический. Центральный вопрос о социальном и этическом значении и положении человеческой

---

³⁵ Иванов-Разумник Р. *Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пг., 1922. С.16–17.*

³⁶ Там же. С.119.

личности, различное понимание не только роли этой личности в истории, но и ее значения в святая святых всего мировоззрения, в нашей теодицее и, выражаясь по аналогии, в нашей антроподицее – вот та преграда, которая стоит между народничеством и марксизмом, вот основа второго великого раскола русской общественной мысли³⁷.

Доводя свою мысль до отточенной формулы, Иванов-Разумник писал о радикальном расхождении «любителей народа» со стороны народничества и со стороны марксистов: «Индивидуалистическое общественное учение и антииндивидуалистическое общественное учение были и будут двумя несводимыми друг к другу воззрениями реалистической части русской интеллигенции»³⁸.

Но почему антииндивидуалистическое общественное учение вызвало у него протест гораздо больший, чем мистические упражнения модернистов? В позитивизме марксистов Иванов-Разумник отчетливо видел ограниченность и неспособность измерить человеческий дух какой-нибудь другой «линейкой», кроме экономико-материалистической:

Что же не могут понять могикане ортодоксального марксизма? Они не понимают, что их социально-экономический критерий бессилён проникнуть в глубь явлений, что есть вещи навеки недоступные для их плоского, поверхностного измерения, что никакими сложнейшими социально-экономическими формулами не передать и не объяснить простейшего вопроса философии: зачем жизнь, зачем смерть? Они не хотят понять того, что социально-экономический критерий остается в своей силе, но что сверх него и за ним неизбежен другой критерий – этический, философский, религиозный. <...> Вы будете беспомощно лепетать, что Достоевский – «мелко-буржуазный» разночинец, а Толстой – «крупно-буржуазный» дворянин? Пусть так; это отметил еще за четверть века до вас Михайловский, и в этом есть доля истины; но дальше? Дальше идти вы не можете, а потому и утверждаете, что дальше ничего нет и ничего не нужно; в этом и заключается наша марксистская истина. Во всем это ясно сказывается та основная черта марксизма, о которой мы говорили выше: пренебрежение к глубокой, неповторяемой, индивидуальной *человеческой личности*, к ее жгучим и болезненным запросам, к ее внутренней сущности. Личность эта вырастает на социальной почве, но глу-

---

³⁷ Иванов-Разумник Р. *Литература и общественность*. С.109–110.

³⁸ Там же. С.110.

бочайшие этические запросы этой личности могут быть объяснены только этическими и философскими критериями³⁹.

В отличие от позитивистов, Иванов-Разумник ставил вопрос о смысле жизни и считал его важнейшим вопросом в философии. Он ясно продемонстрировал различие между двумя направлениями, обращенными своими ценностными приоритетами к целям Человечества: «Целью исторического процесса является Человечество, – говорят позитивисты-объективисты, – земное устроение его; история имеет трансцендентный смысл лишь по отношению к человеку, но имманентный – по отношению к Человечеству, которое идет к ясной объективной конечной цели, к блаженной жизни в будущем золотом веке. Цель исторического процесса лежит в Человеке, – говорят "имманентные субъективисты" (которые могут быть и мистиками и позитивистами, но не могут мириться с объективно-трансцендентной целью, лежащей вне человека); история не имеет никакого объективного смысла, но вкладываем в нее великий субъективный смысл, имманентный ко всякому человеку, который и является самоцелью»⁴⁰.

По мнению Иванова-Разумника, нет никакой объективности вне человека, нет никакого объективного процесса вне человека, нет никакой объективной истины вне человека. Смысл создает человек сам, и его бытие таково, каково полагание смысла (узкое или широкое): «...смысл жизни создаем мы сами, что от нас зависит расширить свой мир до пределов вселенной или низвести его до комочка грязи, что объективный смысл жизни не нужен для того, кто субъективно осмысливает свою жизнь»⁴¹.

Расхождения и сближения неонародничества с позитивизмом и модернизмом видны в рассуждениях Иванова-Разумника о судьбе понятия «мещанство», которое первым концептуально осмыслил А.И.Герцен. Из простого обозначения городских обывателей выросло фундаментальное понятие о смысле человеческой деградации. Герцен верил страстно в немецанский путь развития России и не верил в Европу, которая, по его мнению, утонула в мещанстве. Мещанство – «это смерть общества, начало его разложения». Формально оно возникает с развитием капитализма и становлением буржуазного (потребительского) общества, но Иванов-Разумник категорически возражал против такого сужения тео-

---

³⁹ Там же. С.113–114.

⁴⁰ Там же. С.208.

⁴¹ Там же. С.215.

рии Герцена, видевшего мещанство явлением, прежде всего, всесловным, а не только буржуазным.

В этом пункте – важнейшее расхождение между позитивистами и модернистами. Если исходить из мысли, что Герцен был противником буржуазии и в ней только видел мещанство как способ существования, то тогда грех мещанства в изначальном индивидуализме. Если же находить в теории Герцена расширенное понимание мещанства, как это делал Иванов-Разумник, то тогда грех мещанства в утилитаризме, в подавлении личности. Так своеобразно Герцен стал *родоначальником* толкования мещанства и в теориях модернистов, и в теориях позитивистов.

Иванов-Разумник обвинил Максима Горького в том, что тот сознательно изменил герценовский (расширительный) смысл «мещанства» в свою пользу. Рецензент «Мещан» в *Русском богатстве* даже отметил, что у Горького «мещане» имеют исключительно «сословное значение»! Впрочем, тот же рецензент высказал сомнение в отношении расширительного толкования этого понятия. Иванов-Разумник отметил, что и понятие «индивидуализм», едва ли не впервые осмысленное Герценом и Михайловским, часто употребляется в негативных контекстах: как «эгоизм» или «антиобщественный принцип».

Между тем Герцен и Михайловский рассматривали «индивидуализм» как «диаметральную противоположность мещанству»: это положительное понятие было необходимо теоретикам народничества, чтобы показать еще и еще раз, что в основе их теории утверждение о «главенстве личности и ее интересов, при необходимом синтезе ее с обществом»⁴².

Суммируя свои возражения марксистам и Г.В.Плеханову лично, Иванов-Разумник писал: «Мещанство, характерное для буржуазии, распространяется на все другие классы, на все общество – такова была мысль Герцена»⁴³.

В борьбе с позитивистами и модернистами в области искусства новые народники видели себя как единственный проект будущего, не затемняющий, а проясняющий смысл человеческого существования. Но этот смысл роковым образом открывался только в буферной зоне конфликта между эстетиками-декадентами и сторонниками «чистого» демократизма – только в конфликтных тисках была осязаема перспектива неонародничества.

---

⁴² Там же. С.42.

⁴³ Там же. С.119.

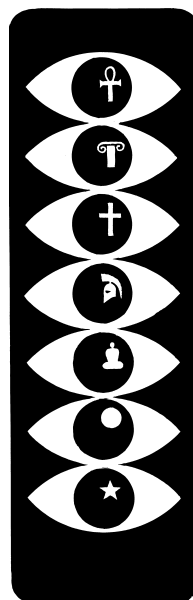
Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом нормальности и ненормальности господствующих на свете отношений.

Томас Карлейл

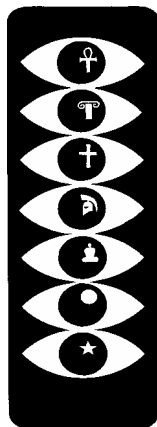

**Эмиграция – капля крови нации,
взятая на анализ.**

Мария Розанова

Андрей Савин

«МЫ БЕЗЗАВЕТНЫЕ ГЕРОИ ВСЕ...»

**ФЕНОМЕН
СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
В СВЕТЕ ЕГО ГЕРОИЗАЦИИ
(1920-е – 1930-е годы)¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
323; 37.035.4

Героизм был и продолжает оставаться одним из наиболее эффективных средств легитимации коммунистического режима. В то же время сотворение героев являлось действенным инструментом формирования советских элит. Возникновение «героической» квазисоциальной прослойки населения стало наиболее ярко выраженным образчиком социальной мобильности советского общества. Прослеживается генезис этого явления: от культа павших героев времен революции и гражданской войны через «постгероический» нэп до «времени героев» второй половины 1930-х годов, знаменовавшегося целевой функционализацией образа героя. Отдельное внимание уделяется роли «героического» нарратива.

Heroism was and remains to be one of the most effective tools of Communist regime legitimization. At the same time creation of heroes was an effective tool of the Soviet elites formation. Rise of “heroic” quasi-social layer of population became the most pronounced example of social mobility in the Soviet society. The author traces genesis of this phenomenon from the cult of fallen heroes of the revolution and civil war through the “post-heroic” “New Economic Policy” period up to “the time of heroes” of the second half of the 1930s. This later period was marked with a hero’s image functionality. A particular attention is paid to the role of the “heroic” narrative.

Ключевые слова: СССР; герои; героизация; советские элиты; социальная мобильность.

Key words: the USSR; heroes; glorification; Soviet elites; social mobility.

E-mail: a_savin_2004@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

В апреле 1939 г. Советский Союз принял участие в Нью-Йоркской Всемирной выставке, проходившей под девизом «Мир будущего». Спустя 14 лет после дебюта на Парижской Всемирной выставке, молодое советское государство в последний раз перед мировой войной демонстрировало всему миру свои победы и достижения, не жалея на это сил и средств. В Нью-Йорке на смену воздушным авангардистским конструкциям небольшого советского павильона 1925 года пришло монументальное здание из мрамора, перед которым возвышалась 22-метровая скульптура рабочего, водруженная на 54-метровый обелиск². Внутри советского павильона посетителей встречали скульптуры Ленина и Сталина, установленные по обе стороны огромного (9×16 кв.м.) панно «Знатные люди Страны Советов». Панно было создано специально для выставки, на коллективном портрете художник В.П.Ефанов изобразил шестьдесят человек³, являвшихся гордостью СССР. По замыслу автора, все персонажи составляли коллективный портрет, отмеченный «типическими чертами людей советской эпохи»⁴.

Если интерпретировать основной посыл, обращенный к посетителям павильона СССР, то расшифровывался он достаточно просто: революция создала невиданные возможности для расцвета личности в СССР. Страна Советов вырастила десятки тысяч новых людей из народных глубин: летчиков, комбайнеров, металлургов, подводников и т.п., считающих за счастье отдать свою жизнь на пользу Родины. Новый советский человек является, в первую очередь, человеком героическим, а Советский Союз превратился в страну героев, хозяев своей судьбы, которым по плечу любые подвиги и свершения. В этом отношении уст-

² Подробнее о выставке см.: «Русские большевики затмили всё на Нью-Йоркской выставке» (1937–1941) // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1999. №1. С.115–140. – Архитектором советского павильона в Нью-Йорке являлся Б.М.Иофан, по проекту которого также был построен павильон СССР на Всемирной выставке 1937 г. в Париже.

³ По другим сведениям – 48 человек, каждый из которых был идентифицирован на специальной схеме. – Центральное место занимали летчики (В.П.Чкалов, М.М.Громов, В.К.Коккинаки, И.С.Юмашев, П.Д.Осипенко, В.С.Гризодубова, М.М.Раскова), полярники (во главе с И.Д.Папаниным и О.Ю.Шмидтом), а также герои труда (А.Г.Стаханов, П.Ф.Кривонос, Е.В.Виноградова и М.И.Виноградова). Компанию им составляли акын Джамбул, артисты И.М.Москвин, В.И.Немирович-Данченко, А.К.Тарасова, писатель А.Н.Толстой и другие представители советских элит.

⁴ Творчество. 1939. №7. С.5.

роители павильона СССР уделили «героическому» чрезвычайное внимание. Только для размещения «палатки т. Папанина и других экспонатов, посвященных освоению Арктики, был построен на отдельной площадке специальный павильон кубатурой 2.500 куб. м.»⁵. В числе экспонатов, фигурировали также бивень моржа с гравированными рисунками, посвященными челюскинской эпопее; полярный костюм И.Д.Папанина; летный шлем Чкалова; макет ледокола «И.Сталин». Перед входом в «арктический» павильон был установлен самолет АНТ-25, на котором В.П.Чкалов, Г.Ф.Байдуков и А.В.Беляков совершили перелет в США через Северный полюс.

Панно «Знатные люди Страны Советов». Художник В.П.Ефанов

Кроме того, уже в ходе выставки возникла идея разместить на специальных стендах сведения о количестве награжденных (кроме военных) по состоянию на 1 января 1939 г. с разбивкой по промышленности, сельскому хозяйству, народному образованию, медицине, культуре и

⁵ «Русские большевики затмили всё на Нью-Йоркской выставке». С.127. – Для сравнения: павильон СССР на Парижской выставке 1925 г. располагался на площади всего около 325 кв. метров.

т.д. С просьбой предоставить требуемые статистические данные комиссар советской части международной выставки обратился в июле 1939 г. в Отдел по учету и регистрации награжденных при Президиуме Верховного Совета СССР. Была ли реализована эта идея, нам неизвестно, но соответствующая справка была составлена и сохранилась в архивных фондах⁶.

Презентация советских героев и прославление советского героизма в Нью-Йорке знаменовали и одновременно наглядно выражали апогей процесса героизации довоенной советской действительности, стремительно набиравшего обороты в начале 1930-х годов. Героизация советской повседневности и создание целой плеяды героев являлись, вне всякого сомнения, многомерными явлениями, которым было свойственно множество самых разнообразных аспектов. Настоящая статья призвана ответить на несколько главных вопросов:

- как протекал генезис героизации советского общества и осуществлялось «making of heroes»;
- в какой степени эти процессы нашли свое отражение в развитии советской наградной системы;
- в чем заключалась специфика советского героизма;
- каким образом государство использовало феномен героизма, в том числе как инструмент формирования советских элит и восходящей социальной мобильности населения.

**Создание советского героя:
от героя-мученика
к герою-созидателю**

«Не жертвы – герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали

прекрасно». Так гласила одна из восьми эпитафий, сочиненных А.В.Луначарским специально для «Памятника борцам революции», установленного на Марсовом поле Петрограда (ноябрь 1919). Метафоры, использованные в этих строках, написанных античным «героическим» гекзаметром, метафоры жертвы, которая была принесена революционными героями ради счастья и благополучия всего народа, адекватно отражают парадигму почитания «павших героев», героев-

---

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.7523. Оп.10. Д.237. Л.1. – Анализ данных, приведенных в справке, см. ниже.

мучеников, которая стала доминировать в формировании советского героического культа практически сразу же после прихода большевиков к власти. Ритуалы «красных похорон» сложились задолго до революции 1917 г., тогда же революционеры хорошо осознали и научились использовать пропагандистский эффект такого рода массовых публичных мероприятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что героический культ стал формироваться в Советской России в годы гражданской войны, в первую очередь, именно как культ «павших героев», а их смерть, более чем когда-либо, стала политическим событием⁷.

Почитание в широких масштабах героев здравствующих было проблематичным. В первую очередь, этому мешало утопическое стремление к всеобщему равенству как к одному из основных принципов жизни нового общества. Поэтому, несмотря на появление в годы гражданской войны первых тысяч «официальных» героев (кавалеров ордена Красного Знамени) и формирование нескольких квазисоциальных героических групп, таких как старые большевики и красные партизаны⁸, господствовала эгалитаристская точка зрения. В соответствии с нею героями были все трудящиеся, вступившие в борьбу с «эксплуаторами», или, как пелось в «Марше красных конников» (1920), «Мы беззаветные герои все».

НЭП по праву можно расценивать как постгероическую эпоху, время выживания, восстановления и реконструкции, не испытывавшее особой потребности в героизме. Реакция коммунистической элиты на нэп как на время декаданса ярко охарактеризована внимательным наблюдателем событий, выдающимся немецким философом и писателем Вальтером Бенямином: «Поколение, прошедшее гражданскую войну, стареет, если не от времени, то от испытанного напряжения. Похоже, что стабилизация внесла и в их жизнь спокойствие, порой даже апатию [...] Команда "стоп", которую партия вдруг дала военному коммунизму, вводя

---

⁷ Более подробно о советских ритуалах почитания павших героев см.: Merridale C. *Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland*. München, 2001.

⁸ Красные партизаны еще в ходе гражданской войны поставили под вопрос свои претензии на роль правых советских героев, продемонстрировав свою непокорность большевикам участием в антикоммунистических восстаниях и эксцессах «красного бандитизма» (См.: Шишкин В.И. *Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск, 1992. С.3–79; Посадский А.В. *Феномен красных партизан. 1920-е – 1930-е годы // Вопросы истории*. 2010. №1. С.78–91).

нэп, была серьезнейшим ударом, сбившим с ног многих бойцов партийного движения. Тысячи сдали тогда партбилеты. [...] Траур по Ленину для большевиков одновременно и траур по героическому коммунизму». В своем «московском» дневнике в записи от 7 января 1927 г. Беньямин назвал истинного героя нэповской эпохи: «Я слышал о людях, которые платят больше трех миллионов рублей налогов. Они являются антиподами героев военного коммунизма, героическими нэпманами»⁹.

Такого рода моральный надлом, равно как и нэповская действительность, оставляли не так много места подвигу. В полном соответствии с духом постгероического нэпа были прекращены¹⁰ представления к награждению орденом Красного Знамени за подвиги, совершенные в период до 1 января 1923 года. Президиумы ВЦИК и ЦИК СССР регулярно отклоняли во второй половине 1920-х годов и даже в 1930-е годы ходатайства отдельных лиц и местных органов власти о награждении участников гражданской войны. И это невзирая на то, что в числе представляемых к наградам нередко оказывались руководители партии и советского государства¹¹. Так, осенью 1930 г. Президиум ВЦИК проинформировал Северо-Кавказский крайисполком в ответ на его запрос от 20 марта 1930 г.: «Ходатайство крайисполкома и отдельных ответственных работников о награждении 81 товарища орденом Красного Знамени в связи с 10-летием существования советской власти на Северном Кавказе не может быть удовлетворено». Список представленных к ордену возглавляли И.В.Сталин, К.Е.Ворошилов, С.М.Буденный,

---

⁹ Беньямин В. *Московский дневник*. М., 2012. С.211, 103.

¹⁰ На основании Постановления Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г., дублировавшего соответствующий приказ Реввоенсовета СССР о прекращении награждений.

¹¹ В течение всего советского периода участники гражданской войны считали, особенно на фоне массовых награждений 1940-х – 1970-х гг., что их заслуги серьезно недооценили. В результате компетентные органы власти регулярно получали от них предложения об учреждении специальных знаков отличия исключительно для участников гражданской войны. Так, в 1970-е гг. неоднократно предлагалось ввести ордена «гражданской войны» двух степеней, медали «Участника гражданской войны 1918–1922 гг.»; учредить звания «Герой революции», «Герой гражданской войны»; ввести нагрудный знак «Красногвардеец – участник Великой Октябрьской социалистической революции» и т.д. (Более подробно см.: Савин А., Деннингхаус В. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то "Знак Почета" попадает...». *Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история*. 2014. №2. С.127–149).

Г.К.Орджоникидзе, С.И.Сырцов, И.П.Белов и В.Н.Толмачев. Спустя месяц, 20 ноября 1930 г., Президиум ВЦИК отклонил ходатайство облисполкома Ингушской автономной области о награждении орденом Красного Знамени двенадцати человек во главе с Г.К.Орджоникидзе, А.М.Назаретяном, Ю.П.Фигатнером и Н.Ф.Гикало¹².

Дополнительный заслон на пути достаточно активных попыток местных советско-партийных элит организовать массовые награждения в связи с целым рядом юбилеев создания автономных республик и областей, воздвигло постановление Президиума ВЦИК от 30 декабря 1930 г. «О награждении местных работников в связи с юбилеями отдельных административно-территориальных единиц». В частности в постановлении говорилось: «Признавая, что награждения орденами должны производиться вне связи с юбилеями АССР, автономных областей, краевых (областных) объединений, установить, что все ходатайства о награждении орденами, связанные с юбилеями, подлежат отклонению»¹³.

Но если награждения орденом Красного Знамени все же время от времени во второй половине 1920-х годов совершались¹⁴, то награждения орденом Трудового Красного Знамени РСФСР были крайне редки. VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 23–29 декабря 1920 г., принял Постановление об «установлении» ордена «Трудовое Красное Знамя»¹⁵. Но полноценной наградой этот знак отличия так и не стал. Согласно данным секретариата Президиума ВЦИК от 20 марта 1928 г., «награжденных орденом Трудового Красного Знамени по РСФСР как коллективов, так и персонально с 25 апреля 1921 г. по сие время всего значится 124» – 34 коллектива и 90 человек¹⁶. В результате этот полузабытый орден фактически был учрежден заново в сентябре 1928 г. уже как орден СССР.

Не могли изменить ситуацию коренным образом также робкие попытки героизации в виде переименования городов, улиц и учебных

¹² ГАРФ. Ф.1235. Оп.136. Д.13. Л.1, 3–8; Д.14. Л.1.

¹³ Там же. Д.11. Л.1.

¹⁴ Здесь надо особо выделить две юбилейные наградные кампании: к 10-летию Октябрьской революции и к 10-летию РККА.

¹⁵ Порядок награждения регулировался декретами ВЦИК от 24 марта 1921 г. «О порядке награждения орденом Трудового Красного Знамени» и от 1 февраля 1923 г. «О порядке направления ходатайств о награждении орденом Трудового Красного Знамени».

¹⁶ ГАРФ. Ф.1235. Оп.136. Д.10. Л.1.

заведений в честь героев гражданской войны и революции, типа города Троицка или военной академии им. Толмачева. Тем более что в данном случае в качестве героев выступали исключительно вожди, деятели партии и государства, входившие в высший эшелон советской элиты. Рядовой гражданин страны Советов мог испытывать к ним пиетет, но трезво расценивал свои шансы стать вторым Троцким или Фрунзе, следовательно, он с трудом мог себя идентифицировать с этими немногими героями 1920-х гг. В результате нэп так и не создал позитивного массового образа советского героя. Кроме того, не стоит забывать, что в рядах советской элиты в 1920-е гг. были сильны настроения против героизации отдельных персон, против «красных икон»; вместо этого на роль героев предлагались трудящиеся массы, целые рабочие коллективы¹⁷.

В связи с этим весьма показательна история награждения¹⁸ участников одной из самых знаменитых строек первой пятилетки – Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба). Стремление не плодить «красные иконы» привело здесь к тому, что из числа участников грандиозного строительства было награждено орденами Трудового Красного Знамени РСФСР всего десять человек, в том числе секретарь Казахстанского крайкома ВКП (б) Ф.И.Голощекин и начальник строительства В.С.Шатов. Всем остальным работникам и служащим строительства было объявлено, что рабочий коллектив также награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в трудовых книжках была сделана следующая запись: «В бытность на работах Турксиба коллектив работников Строительства награжден постановлением ВЦИК РСФСР от 19 апреля 1930 г., протокол №46, орденом Трудового Красного Знамени. Основание: Телеграмма НУПСТР Шатова от 12.5.1930»¹⁹. После публикации постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1931 г. «О правах и преимуществах лиц, награжденных орденами РСФСР», сотни бывших строителей Турксиба в массовом порядке стали обращаться во ВЦИК и

---

¹⁷ Naumann H. „Held“ und „Volk“ in Osteuropa. Eine Annäherung // Osteuropa 57 (2007). Heft 12. S.15.

¹⁸ Она красочно показана в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок». В описании торжеств смычки упоминается костыльщик-ударник, который старался «не смотреть на орден Красного Знамени, только что приколотый к его рубашке», а также «инженер-краснознаменец».

¹⁹ ГАРФ. Ф.1235. Оп.136. Д.40. Л.111. – НУПСТР – начальник управления строительством.

ЦИК СССР с требованиями выдать якобы причитавшиеся им ордена; некоторые даже предлагали оплатить стоимость ордена «телеграфом по почте». Такая практика награждения целых коллективов в качестве альтернативы массовым личным награждениям широко практиковалась в конце 1920-х – начале 1930-х годов²⁰. Однако граждане «Страны Советов» быстро избавились в 1930-е годы от наивного «коллективистского» отношения к наградам, предпочитая и добиваясь индивидуальных наградений.

Конец «декадансному» нэпу положила сталинская революция сверху, большевики вновь перешли в наступление. Однако, как ни парадоксально, сталинская революция не сумела сначала выйти за рамки старой парадигмы и создать новый типаж героя. В первые годы коллективизации и индустриализации по-прежнему доминировал культ «мертвых героев», героев-жертв, героев-мучеников, на этот раз павших от рук кулаков, подкулачников и саботажников-вредителей. Двумя наиболее яркими представителями этого героического типа являются пионер Павлик Морозов и «огненный» тракторист Петр Дьяков.

В обоих случаях пропагандистская советская машина сделала все, чтобы создать мифологический образ героев-мучеников²¹, но ни Морозову, ни Дьякову так и не было суждено стать полноценными героями всего советского общества. В случае с Морозовым, возможно, свою негативную роль сыграл антисемейный, антипатриархальный привкус всей истории, в которой мальчик-подросток, выступивший против старших, наделялся гораздо большим общественным весом, чем взрослые, пусть даже эти взрослые и принадлежали к категории официально дискриминируемых социальных групп. Как отмечала Катриона Келли, в следственном деле Павлика Морозова в первую очередь обращает на

---

²⁰ Например, в начале 1930 г. орденами Трудового Красного Знамени были награждены коллективы строителей Сталинградского тракторного завода и ледокола «Ф.Литке». Показательно, что в октябре 1935 г. ряд бывших членов команды ледокола обратился в наградную комиссию ЦИК СССР с просьбой сообщить, «являемся ли мы героями труда и имеем ли право пользоваться льготами, установленными для лиц, награжденных орденами Союза» (ГАРФ. Ф.1235. Оп.136. Д.38. Л.20).

²¹ О формировании мифа Павлика Морозова и роли, которую сыграл в этом М.Горький, см.: Дружников Ю. Доносчик 001: Вознесение Павлика Морозова. М., 1995; Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М., 2009.

себя внимание контраст между бесправными взрослыми и этим мальчиком. Такое анархическое начало вряд ли могло понравиться Сталину, который, по слухам, заявил на просмотре в черновом монтаже кинофильма «Бежин луг»²² С.М.Эйзенштейна о том, что «мы не можем допустить, чтобы всякий мальчик действовал как Советская власть». В случае с Дьяковым, очевидно, решающей стала запутанность истории самого покушения кулаков на 17-летнего комсомольца и колхозного тракториста, якобы облитого керосином и сожженного заживо. Несмотря на то, что советская пресса поспешила создать мифическую историю героя-мученика колхозного движения, а песня «По дорожке неровной» («Прокати нас, Петруша, на тракторе») облетела всю страну, «покушавшиеся» на Дьякова кулаки были оправданы советским судом, а сам Дьяков, как впоследствии выяснилось, «чудом выжил»²³. Но основная причина, не позволившая Морозову и Дьякову стать, по меньшей мере, провозвестниками нового типа героя, крылась по-прежнему в том, что они традиционно олицетворяли собой «страдающего героя-мученика», «советского святого».

Смена парадигмы образа героя произошла, начиная с 1933–1934 гг. С этого времени в СССР стартовал продолжительный период превознесения и празднования собственных достижений, где герои были призваны наглядно воплощать собой успехи советской державы. К.Келли пишет о начале 1930-х годов: «Создается целая индустрия по производству героев. Описание их подвигов вовсе не предполагало правдивого отображения действительности: подобно святым из легенд, распространявшимся католической церковью в средние века, эти герои должны были вызывать чувство восхищения, внушать благоговение перед их безоговорочной преданностью идеалам»²⁴. Но главным теперь было не только это, произошла серьезнейшая целевая «инструментализация» и «функционализация» образа героя. В результате новые советские герои – летчики, полярные исследователи, стахановцы – полностью соответ-

---

²² Сюжет фильма, над которым С.М.Эйзенштейн работал два года, основывался на истории Павлика Морозова, protagonистом фильма являлся пионер Степка Самохин. Как известно, практически готовый фильм был запрещен к показу, а впоследствии уничтожен.

²³ См., например: Шишкин В.И. Дьяков Петр Егорович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т.1. С.509.

²⁴ Келли К. Указ. соч. С.17.

ствовали духу времени, когда мерилom любой деятельности стала исключительно полезность советскому государству. Типаж героя-мученика уступил первое место герою-созидателю, герою-деятелю, который, хотя и совершает свои подвиги с риском для жизни, совсем не обязательно должен погибнуть. В результате новый советский герой 1930-х годов приобрел качество, универсальное для героев всех эпох и систем. Немецкий филолог и эссеист Ян Филипп Реемтсма в своем очерке, посвященном феномену героизма в истории человечества, так характеризует это качество: «Герой возникает – и это правило действует для всех культур – только в результате поступка, а не страдания [...] В случае с героем речь всегда идет если не о деянии, то хотя бы о действии. Если же к этому добавляются муки, то они всегда обусловлены делом, совершенным ранее»²⁵.

Если же говорить о главной специфической черте «новых» советских героев, она заключалась в том, что они являлись героями в архаичном смысле, то есть были не столько индивидуальностями, сколько «персонами», через которые наиболее выпукло и зримо выражало себя время. Индивидуальность у этих героев заменялась советской идентичностью. В результате «государственный героизм» становился маской, которую мог примерить на себя каждый гражданин, герой превращался в функцию, а СССР – в «страну героев» и «массового героизма». Эта черта советских героев была тонко подмечена М.М.Пришвиным, который, как свидетельствуют его дневники 1930-х годов, много размышлял о феномене советского героизма. В первую очередь Пришвина поразила именно эта утрата героями 1930-х годов своей индивидуальности в пользу общественной идентичности. Так, 9 октября 1933 г. Пришвин писал: «Этот современный "герой" вроде летчика Водопьянова сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он героически расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать [...] Во что бы то ни стало, к чему бы то ни было пристать. И так он пристаёт к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо»²⁶. В стахановцах, которые сначала привлекли Пришвина своим

---

²⁵ Reemtsma J.P. *Der Held, das Ich und das Wir* // *Mittelweg* 36. 2009. №4. S.41–64.

²⁶ Пришвин М.М. *Дневники. 1932–1935*. СПб., 2009. С.309.

«американизмом» и «ударом по уравниловке», он также достаточно быстро разглядел «личность, предусмотренную и как бы дозволенную» государством²⁷.

Пришвин вновь и вновь возвращался в своих дневниках к теме «государственной индивидуальности» советских героев. 25 июля 1936 г. он записал: «Стахановец или герой Сов. Союза мало чем в существе своем отличаются от природы: у муравьев есть подобная черта, наверно: это государственная индивидуальность, а мы хотим индивидуальную личность. Ни герой, ни изобретатель самолета еще не личность, потому что "герой", достигнувший такого положения тем, что "покрыл" 9 тыс. км, предполагает следующего героя, который покроет его рекорд. Наоборот, личность не может перекрыть другую личность, потому что личность неповторима» (подчеркнуто в оригинале. – А.С.)²⁸. Таким образом, общий тип советского героя 1930-х годов, по мнению Пришвина, представляли обезличенные «механизированные герои и орденоносные личности», с душой, затянутой в «коричневой коже», которые «за кожей и шумом пропеллеров» ничего не видят и не слышат – «ни детей, ни цветов, ни музыки»²⁹.

Смена парадигмы привела или, по меньшей мере, серьезно способствовала вытеснению со сцены «старых» героев. Лион Фейхтвангер писал в 1937 г.: «Я уже говорил о военных пьесах и военных фильмах, которые господствуют в репертуаре, о бесчисленных книгах и произведениях, воспевающих героизм партизан в гражданской войне и во время интервенции. Едва ли на фронте за четыре года мировой войны можно было увидеть столько убитых, сражений и боев, сколько я видел на сценах и экранах за десять недель моего пребывания в Москве»³⁰. Однако в том же самом 1937 г. красных партизан как квазисоциальную группу постигла настоящая катастрофа, впрочем, как и «старых» большевиков. Дегероизация красных партизан началась еще в период коллективизации, когда власти заговорили о «плохих партизанах», в массовом порядке активно выступавших против раскулачивания. В 1933 г. только в Сибири как участники так называемого белогвардейского заговора были

---

²⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С.697.

²⁸ Там же. С.272.

²⁹ Там же. С.685. Запись от 19 июля 1937 г.

³⁰ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С.35.

репрессированы около 800 бывших партизан³¹. В результате, как отмечает С.А.Папков, «недавних героев лишили ореола славы»³².

Окончательный удар по красным партизанам был нанесен в годы Большого террора, причем репрессии обрушились также на бывших руководителей партизанского движения, которых чекисты пытались представить как помощников военных – организаторов заговора в Красной Армии. Органам НКВД на местах были даны директивы о выявлении красных партизан как одной из целевых групп массовых операций. Так, 8 февраля 1938 г. в Управлении НКВД по Алтайскому краю проводилось оперативное совещание, на котором чекистам была дана установка «вербовать смелее [агентов] из той среды, которую собираетесь разрабатывать», в первую очередь «для активизации разработки бывших [красных] партизан и сектантов»³³. Оказаться на одной ступени с сектантами – социальными париями советского общества – вряд ли падение бывших героев могло быть более глубоким. Что же касается «старых» большевиков, то львиный вклад в их дегероизацию внесли московские показательные процессы. И хотя Л.Д.Троцкий в феврале 1937 г. заявлял, что «...московские процессы не лишают чести поколение старых большевиков, они просто показывают, что большевики состоят из плоти и крови и что они не могут бесконечно выносить маятник смерти», – публичные унижительные выступления бывших героев большевистской революции вкупе с пропагандой сделали свое дело.

М.М.Пришвин, который внимательно наблюдал за развенчанием ленинской гвардии и героев гражданской войны, сумел разглядеть родственную связь между «старыми» и «новыми» героями, указав на свойственный им внутренний «дефект». Запись от 30 июля 1937 г. в его дневнике гласит: «Если Гамарник и Тухачевский [враги народа], то в чем гарантия, что не Чкалов и Громов? Я хочу сказать, что даже перелет Москва – Сан-Франциско не гарантирует: можно перелететь и изменить, тогда как настоящий герой, как Лев Толстой или Достоевский, вполне

---

³¹ Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // *Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных статей*. Новосибирск, 2013. С.114.

³² Папков С.А. *Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири*. М., 2013. С.198.

³³ Отдел специальной документации Управления Алтайского края по культуре и архивному делу. Ф.Р-2. Д.11544. Л.112.

гарантирует. И не в одной трудности дело героя, а еще он как личность должен быть ясным и законченным»³⁴.

Важную роль в генезисе советского героизма 1930-х годов также сыграло стремление сталинского режима представить советскую действительность радостной и праздничной. Репрезентация героев, а также ритуалы празднований их геройских свершений действительно внесли новые краски в жизнь «Страны Советов». Американский посол Дж.Дэвис записал в своем дневнике, какое впечатление на него произвели летчики – Герои Советского Союза, приглашенные весной 1937 г. на прием в посольство США: «Великолепное появление этих людей – сильных, здоровых, с красивыми лицами – ошеломило. Форма сидела [на них превосходно] и сверкали разные знаки различия и награды, в числе которых были "Орден Ленина" и другие»³⁵. Всем своим видом, своими изображениями, сотнями тысяч растиражированными газетами, плакатами и открытками, своей белозубой «чкаловской улыбкой» советские герои говорили рядовым гражданам о том, что вождь не солгал, что жить действительно стало лучше и веселее.

Очевидно, знаменитые кремлевские приемы, на которых, начиная с 1935 г., Сталин и его соратники лично чествовали героев, неслучайно совпали с отменой карточек на питание, увеличением снабжения и общим улучшением повседневной жизни, в первую очередь, конечно же, в столичных городах. Этот «геройско-праздничный» дух времени точно отразила популярная песенка Л.Утесова: «На аллеях центрального парка майским утром растет резеда / Можно галстук носить очень яркий / И

---

³⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. С.698. – Пришвину на собственном опыте пришлось испытать подкупающую и искушающую силу наград. В начале 1939 г. он был награжден орденом «Знак Почета», чему посвящен ряд записей в его дневниках. В частности, 30 марта 1939 г. он писал: «...мне все говорят в Москве вместо поздравления: говорят, что я заслужил большего [...] – Тот ли орден заслужили вы, Михаил Михайлович? – После ордена телеграмма шла за телеграммой, письмо за письмом от читателей, и так долго: неделю, другую. Я, наконец, убедился, что в народе у меня есть настоящий читатель, которому действительно приятно увидеть меня орденосцем [...] В этом большом признании я почувствовал и радость тоже и от ордена [...] Так мало-помалу я пришел в себя, стал любить свой орден, носить его, пользоваться им на трамваях, в очередях, даже немного гордиться» (См.: Пришвин М.М. Дневники. 1938–1939. СПб., 2010. С.288).

³⁵ Цит. по: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн.1. Большие кремлевские приемы. С.244.

быть в шахте героем труда. / Как же так: резеда – И героем труда? / Не пойму, объясните вы мне. / Потому, что у нас / Каждый молод сейчас / В нашей юной прекрасной стране»³⁶. Если верить песне, теперь героя ожидали не столько самопожертвование, муки и смерть, сколько «яркий галстук» и счастливая созидательная жизнь на благо страны.

Контраст между тяжелой жизнью большинства советских граждан и бытием геройской плеяды, которое представало со страниц газет и кадров кинохроники все более блестящим, был настолько сильным, что автоматически порождал, в первую очередь у молодежи, притягательное стремление подражать героям и принадлежать к ним. Даже такой критически настроенный интеллигент, как М.М.Пришвин, записал в дневнике 8 октября 1933 г.: «Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы. И это очень многие... Жизнь такая ужасно нудная, а тут вот пример такого блестящего выхода. И, кажется, будто есть какая-то возможность, какое-то кольцо потянешь, ухватиться и полететь»³⁷.

Изменения, произошедшие к концу 1930-х годов как в обществе, так и в системе власти, хорошо иллюстрирует история с трансформацией звания «Героя Труда». Согласно Постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июля 1927 г., звание «Героя Труда» присваивалось лицам, имевшим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим по найму не менее 35 лет. Звание было также связано с целым рядом льгот в виде добавки к пенсии в размере $\frac{3}{4}$ заработка, освобождения от подоходного и единого сельскохозяйственного налогов, с жилищными и прочими льготами. В результате, как неоднократно отмечалось руководством ВЦИК, в ходатайствах профсоюзных организаций о присвоении звания «превалировал материальный момент – назначение или увеличение пенсии», а местные органы власти не использовали факты присвоения звания «Героя Труда» «в интересах политико-воспитательной работы»³⁸. Всего за 1928–1938 гг. этого звания было удостоено около тысячи человек. То, что было вполне нормальным еще в конце 1920-х годов, совершенно перестало устраивать власть к концу 1930-х годов. Очевид-

---

³⁶ См.: Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ей в фильме Олега Дормана. М., 2010. С.89–90.

³⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. С.308.

³⁸ ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.9. Л.1–2.

но, в первую очередь стал неприемлемым барьер в виде тридцатипятилетнего рабочего стажа и неразрывно связанный с ним «пенсионный», «старческий» имидж звания «Героя Труда», которое иногда присваивалось даже уборщицам. В результате эти положения бесследно исчезли из статута обновленного звания, а первым Героем Социалистического Труда, как известно, в декабре 1939 г. стал сам Сталин, подтвердив таким образом высочайший уровень новой награды.

В заключение темы генезиса героя очень важно отметить, что именно в 1930-е годы все увеличивается масштабы явления, которое Г.Мюнклер назвал «нарративно-литературным удвоением» героя³⁹. Речь здесь идет о той роли, которую средства массовой информации (в первую очередь газеты, радио, кинематограф и литература) сыграли в канонизации героев и создании мифа героев, в трансформации истории в мифологию, без чего немислимо возникновение героического культа. Время героев стало также и временем широчайшей манипуляции общественным сознанием под давлением государства. Л.Фейхтвангер писал в 1937 г.: «Несомненно, основным тоном Советского Союза и по сегодняшней день остался тон героический, способный увлечь художника [...] Но я не могу себе представить, чтобы героические темы заняли такое огромное место в книгах, фильмах и театрах, если бы это не поощрялось всеми средствами со стороны руководящих организаций. Несомненно, писателю, рискнувшему отклониться от генеральной линии, приходится не очень легко»⁴⁰.

Размах «литературного удвоения» дошел в конце 1930-х годов до того, что для прославления героев были задействованы даже такие архаичные формы словесного творчества, как былины. В первую очередь, здесь необходимо упомянуть о творчестве народной сказительницы М.С.Крюковой, которая в 1937 г. по поручению редакции газеты «Правда» стала сочинять к 20-летию празднования Октябрьской революции советские сказы, получившие название «новины». Особую известность приобрели плач о Ленине «Каменна Москва вся проплакала», новина «Слава Сталину будет вечная», былины в честь К.Е.Ворошилова, В.И.Чапаева и М.Горького, а также новина, посвя-

---

³⁹ Münkler H. *Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken / Hg. von K.-H.Bohrer und K.Scheel. Bd.61 (2007). H.8/9. S.742–752.*

⁴⁰ Фейхтвангер Л. Указ. соч. С.22.

щенная челюскинцам и полярнику О.Ю.Шмидту, в которой тот именовался не иначе, как «богатырь Поколен-борода»⁴¹.

Генезис наградной системы как зеркало героизации советского общества

Большевики сделали первый шаг на пути создания своей собственной наградной системы уже в 1918 г., учредив в РСФСР орден «Красное Знамя»⁴². Долгое время, целое десяти-

летие, советская наградная система оставалась фактически без изменений, пока в сентябре 1928 г. не был учрежден орден Трудового Красного Знамени, а в апреле 1930 г. – ордена Ленина и Красной Звезды. Настоящий прорыв в генезисе наградной системы знаменовало введение в апреле 1934 г. звания Героя Советского Союза. В ноябре 1935 г. был учрежден орден «Знак Почета», а в январе, октябре и декабре 1938 г. еще пять медалей – «XX лет РККА», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Окончательная точка в формировании довоенной советской наградной системы была поставлена с учреждением в декабре 1938 г. звания Герой Социалистического Труда. Существенное расширение наградной системы в 1930-е годы, особенно с апреля 1934 г., служит убедительным примером роста степени героизации советского общества. Наглядным подкреплением тезиса о целенаправленной политике, осуществлявшейся в 1930-е годы и направленной на героизацию советской повседневности, является статистика награждений по отдельным видам наград⁴³.

В течение четырех лет, с 1934 по 1937 г., звание Героя Советского Союза было присвоено 60 раз, а за следующие три года, 1938–1940, –

---

⁴¹ См., например: Крюкова М.С. // *Краткая литературная энциклопедия*. М., 1966. Т.3. С.859–860; Иванова Т.Г. *Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е гг. (о жанровой природе песенного советского эпоса)* // *Мастер и народная художественная традиция Русского Севера*. Петрозаводск, 2000. С.84–91.

⁴² Об ордене Трудового Красного Знамени РСФСР, учрежденном в 1920 г., а также масштабах награждения этим знаком отличия см. выше.

⁴³ Статистика награждений по отдельным видам наград приводится здесь и ниже по: *Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг.* // *Вестник Архива Президента Российской Федерации*. 1998. №3. С.132–157. – Необходимо отметить, что статистика награждений, в том числе в отношении довоенного периода, постоянно корректировалась отделом наград Президиума Верховного Совета СССР.

уже 560 раз, причем пять человек стали дважды Героями Советского Союза⁴⁴. Очевидная тенденция резкого увеличения награждений в последние предвоенные годы прослеживается и в отношении других наград СССР. Так, орденом Ленина за 1930–1937 гг. были награждены 3 204 человека, то есть около 400 награждений в год, тогда как за 1937–1940 гг. было произведено 3 403 награждения, то есть в среднем около 1 134 награждений в год. Особенно явно феномен предвоенной волны награждений становится очевидным на фоне статистики награждений двумя главными боевыми орденами СССР – Красного Знамени и Красной Звезды. За 1938–1940 гг. орденом Красного Знамени было награждено 16 720 человек, то есть больше, чем за все годы гражданской войны в целом (14 639 награждений за 1918–1923 гг.⁴⁵), не говоря уже о периоде 1924–1937 гг. (всего 3 544 награждения)⁴⁶. В случае с орденом Красной Звезды прирост награждений был еще более впечатляющим – 3 120 награждений за 1930–1937 гг. и 18 399 за 1938–1940 гг. Однако здесь следует учитывать, что основной прирост награждений этими орденами, очевидно, пришелся на военнослужащих, участников воен-

⁴⁴ Институционализация героев в виде введения звания Героя Советского Союза вызывала резкую неприязнь у М.М.Пришивина. 30 июля 1937 г. он записал: «Но самое неприятное – это подпись под напечатанной статьей: я – герой Сов. Союза. Можно воскликнуть "герой!", но нельзя буква за буквой набрать в типографии и напечатать, не может быть герой навязан, тем более от себя самого: я – герой и пр.» (Пришивин М.М. Дневники. 1936–1937. С.698).

⁴⁵ Не совсем понятно, учитывалось ли в данной статистике наград за годы гражданской войны награждение орденами Красного Знамени советских республик (Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР и Хорезмской НССР). В любом случае, в общей сложности этими орденами было награждено всего около 300 человек.

⁴⁶ Достаточно скромные темпы прироста награждений в первой половине 1930-х годов хорошо характеризует история с 20 тысячами экземпляров орденов Красного Знамени, изготовленных в конце 1931 г. с целью замены орденов «Красное Знамя», изготовленных еще в РСФСР. Но поскольку массовая замена республиканских орденов общесоюзными так и не была произведена (более того, до начала 1933 г. для награждений использовались ордена старого образца), то в результате из 20 000 орденов нового образца к началу 1935 г. было вручено всего 157 орденов, а к началу 1938 г. – 1 081 орден (См.: Дуров В., Стрекалов Н. Знак героев: как создавался орден Красного Знамени // Родина. 2006. №5. С.5–9. См. также: Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени: история учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006).

ных конфликтов на Хасане и Халхин-Голе, советско-финской войны 1939–1940 гг. и «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию. Что же касается награждений этими орденами за «достигнутые успехи в отраслях народного хозяйства», то орденом Красного Знамени было награждено в 1924–1937 гг. 105 человек, в 1938–1940 гг. – 9 человек, соответственно орденом Красной Звезды – 810 и 490 человек.

Этот прирост награждений боевыми орденами в 1938–1940 гг. выглядит символическим в свете Большого террора в Красной Армии. На фоне около полутора десятков тысяч арестованных из числа командного состава РККА за 1937–1938 гг., массовые награждения были призваны, в том числе, выступить своеобразной компенсацией репрессий, поощрить командиров и красноармейцев, продемонстрировать им, что руководство страны как никогда заботится о них, что им открыты все карьерные пути, особенно учитывая близкую войну. Очевидно, что в чисто «математическом» отношении количество свежеиспеченных орденосцев с лихвой компенсировало убыль орденосцев, выбывших в результате репрессий. По данным наградной комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР, за 1937 г. награжденные были лишены 271 награды, в том числе 62 орденов Ленина, 138 орденов Красного Знамени, 35 орденов Трудового Красного Знамени, 24 орденов «Знак Почета», семи орденов Красной Звезды, ордена Красного Знамени Грузинской ССР и ордена Красного Знамени Армянской ССР. Статистику дополнило почетное революционное оружие – три единицы⁴⁷.

Впрочем, даже если игнорировать «военный фактор» и обратиться к статистике награждений сугубо «мирными» орденами – Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», то и здесь мы увидим совершенно очевидный, хотя и гораздо более скромный, прирост. Так, орденом Трудового Красного Знамени за 1928–1937 гг. были награждены 3 202 человека, за 1938–1940 гг. – уже 4 920 человек, орденом «Знак Почета» соответственно за декабрь 1935 – 1937 г. – 5 015 человек, за 1938–1940 гг. – уже 9 532 человека.

Если же сравнивать между собой количество награжденных боевыми и мирными медалями, то здесь также можно говорить о массовых, по довоенным масштабам, награждениях, причем соотношение между

---

⁴⁷ Данные были неполные «ввиду неполучения из протокольной части выписки о лишении орденов на 33 человека» (См.: ГАРФ. Ф.7723. Оп.9. Д.269. Л.14).

награжденными за 1938–1940 гг. боевыми медалями «За отвагу» (25 996 чел.) и «За боевые заслуги» (21 252 чел.) и награжденными медалями за трудовые достижения «За трудовую доблесть» (7 780) и «За трудовые отличия» (11 332 чел.) составляет примерно 1 : 2,5⁴⁸. «Выпадает» из общей статистики только звание Героя Социалистического труда. За 1939–1940 гг. оно было присвоено лишь 11 раз. Итоговая динамика награждений орденами и медалями СССР за 1918–1940 гг. выглядит следующим образом: 1918–1923 гг. – 14 639 награждений, 1924–1937 гг. – 18 145 и 1938–1940 гг. – 119 911 награждений, итого было вручено 152 695 наград.

Любопытные данные содержатся в уже упоминавшейся выше справке о количестве награжденных, подготовленной в 1939 г. по просьбе руководства советской части Нью-Йоркской выставки. Они дают хорошее представление о специфике распределения наград между отраслями народного хозяйства, а также о соотношении между «мирными» и боевыми наградами. Итак, по состоянию на 20 июля 1939 г. «за выдающиеся производственные заслуги, стахановский труд, освоение новых производств, научно-исследовательскую и изобретательскую деятельность» орденами и медалями СССР было награждено 25 277 человек, в том числе работников промышленности – 9 963, строительства – 1 315, транспорта – 1 390. Из числа колхозников и рабочих совхозов наград удостоились 5 851 человек, в том числе 642 тракториста и бригадира тракторных бригад, 352 комбайнера, 58 свекловодов, 191 хлопковод. За заслуги в области спортивной работы были награждены 205 человек, за выдающуюся научную деятельность награды получили 164 человека, за заслуги в области просвещения (учителя сельских школ) – 4 138, в области искусства – 1 147 человек. Кроме того, орденами и медалями из числа работников тех же отраслей за другие заслуги были награждены 1 104 чел.

Количество награжденных «за заслуги в деле укрепления обороны СССР» немногим превосходило численность «мирных» награждений – 25 406 человек, в том числе 13 152 человека за боевые заслуги в период гражданской войны. Кроме того, за «образцовое и самоотверженное выполнение заданий правительства» награды получил 1 371 человек, еще 665 человек были награждены за акты личного мужества и отваги.

---

⁴⁸ Без учета юбилейной медали «XX лет РККА», которой были награждены около 37 тысяч человек.

Общее количество награжденных составляло на тот момент около 53 тысяч человек⁴⁹.

Еще более явным выглядит развитие советской наградной системы и резкое увеличение количества награждений во второй половине 1930-х годов через призму статистики за годы довоенных пятилеток. Так, за первую пятилетку (1928–1932) за трудовые заслуги было награждено 698, за вторую (1933–1937) – 8 716, за третью – 31 857 трудящихся. При этом надо учесть, что выполнение третьей пятилетки было прервано войной, в результате здесь приведены данные только с 1938 по 1940 год⁵⁰. Тем не менее, несмотря на резкий рост числа награждений, не происходило «размывания» наградной системы, не наблюдалась девальвация наград, к награжденным относился достаточно ограниченный круг советских элит. Для раннего сталинизма нельзя представить награждения сотен тысяч человек за выслугу лет, которые имели место в послевоенные годы, или кампании массовых награждений брежневского времени.

Не стоит забывать, что в советское время награждались не только люди, но и трудовые коллективы, общественные организации, воинские подразделения, а также города, области, края и республики. Практика такого рода награждений получила распространение именно в 1930-е годы. Так, если за 1918–1923 гг. орденом Красного Знамени был награжден только один город, то за 1924–1940 гг. награды получили уже 4 города, 2 области, 3 края, 4 союзных и 5 автономных республик⁵¹. Такая

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф.7523. Оп.10. Д.237. Л.4–11. – К приведенным в этом разделе статьи статистическим данным необходимо относиться критически, поскольку, как уже отмечалось, статистика награждений постоянно уточнялась и изменялась, цифры награждений за отдельные годы или отдельными видами наград могут варьироваться в ту или иную сторону даже на несколько тысяч. Так, цифра награжденных орденом Красного Знамени за заслуги в гражданской войне, которая приведена «наградным» отделом Президиума Верховного Совета СССР в 1939 г., – 13 152 человека – меньше, чем соответствующие данные 1970-х годов – 14 639 человек. Однако, несмотря на имеющиеся расхождения, приведенная статистика в целом верно отображает порядок явления и направление общего процесса «героизации».

⁵⁰ ГАРФ. Ф.7523. Оп.117. Д.3420. Л.60.

⁵¹ 5 декабря 1919 г. решением VII Всероссийского съезда Советов орденом Красного Знамени был награжден пролетариат г. Петрограда; постановлением ВЦИК от 26 февраля 1924 г. – орденом Красного Знамени – грозненский пролетариат; 14 апреля

же картина сложилась с награждением коллективов: если за 1918–1923 гг. был награжден 1 завод, то за 1924–1940 годы⁵² – уже 59 заводов, 6 фабрик, 23 шахты, 4 электростанции, 2 комбината и 1 метрополитен, а также 6 ледоколов, 141 колхоз, 37 совхозов, 49 МТС, АН СССР, Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), 3 университета, 15 вузов, 7 научных институтов, 1 техникум, 1 училище, 3 опытных станции, 20 театров, 2 консерватории, 6 филармоний, 1 ансамбль, 1 студия, 2 цирка, 1 библиотека, 6 газет, 1 журнал, 6 общественных организаций и 2 спортивных общества – всего 427 коллективов (без воинских частей и соединений).

Существенное расширение наградной системы и динамичный рост награждений сыграли весомую роль в героизации советского общества 1930-х годов. Кроме того, награждения выступали эффективным средством формирования, поощрения и дифференциации советских элит. «Был только один дозволенный способ как-то заявить о себе, проявить исключительность или значимость, – вспоминала Лидия Орлова, главный редактор советского "Журнала мод", – надеть свои награды, ордена и медали, они – и только они! – свидетельствовали о положении человека в обществе, о достижениях в профессии и даже патриотизме. Ордена и медали были главным украшением костюма как мужского, так и женского»⁵³.

**Новый советский героизм
как фактор социальной
мобильности**

Будущий «сталинский» нарком тяжелого машиностроения В.А. Малышев записал в своем дневнике 20 января 1938 г.: «В первый раз т. Сталин провозгласил тост за ста-

---

1924 г. были награждены рабочие городов Луганска, Царицына и Ташкента. 3 января 1934 г. орденом Ленина были награждены Кабардино-Балкарская автономная область, Татарская и Крымская АССР, Московская область, Горьковский и Западно-Сибирский края. 15 марта 1935 г. наград удостоились Белорусская, Грузинская и Азербайджанская ССР, Башкирская и Абхазская АССР, а также Воронежская область и Куйбышевский край; 27 июня 1935 г. наградили Чувашскую АССР, 23 декабря 1939 г. – Узбекскую ССР.

⁵² К сожалению, в материалах отдела наград отсутствует более дифференцированная статистика за данный период времени, но и без нее можно с уверенностью утверждать, что пик награждений пришелся на вторую половину 1930-х годов.

⁵³ См.: Юшкова А. Александр Игманд: «Я одевал Брежнева...». М., 2008. С.6.

хановцев и депутатов Верховного Совета. Во второй раз т. Сталин провозгласил тост за героев-летчиков. Тов. Сталин сказал, что больше всех любит летчиков»⁵⁴. Совершенно очевидно, что Сталин выделял летчиков из числа «простых смертных». Так, 24 июня 1932 г. он писал в письме Ворошилову: «Самое тревожное – аварии и гибель наших летчиков. Гибель самолетов не так страшна (черт с ними!), как гибель живых людей, летчиков. Живые люди – самое ценное и самое важное во всем нашем деле, особенно в авиации»⁵⁵. Свою любовь, уважение и почитание летчиков Сталин не раз демонстрировал публично, «и в горе, и в радости». Так, 30 января 1934 г., в дни работы XVII съезда ВКП (б), разбился стратостат «Осоавиахим-1», погиб весь экипаж в составе трех человек. Предполагалось, что в результате успешного полета стратостата будет «окончательно закреплено завоевание стратосферы за СССР». В похоронах летчиков-стратонавтов у Красной стены принимали участие все делегаты XVII съезда, фотографии запечатлели Сталина и Молотова, лично выносивших урны с прахом⁵⁶. В 1935–1941 гг. в Кремле был дан 41 официальный прием, из них шесть были непосредственно посвящены летчикам, два – полярникам и лишь один – работникам металлургической и угольной промышленности. Такая диспропорция в пользу летчиков и полярников наглядно свидетельствует, какой группе героев отдавал предпочтение лично Сталин⁵⁷.

Однако в выдвижении летчиков на первое место среди советских героев довоенного времени вряд ли все можно объяснить только личными пристрастиями вождя или военными соображениями. По своей сути, героический образ советских летчиков основывался на ценностях Просвещения, с его верой в прогресс, в торжество разума, в безграничность

---

⁵⁴ «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: дневник В.А.Мальшева (1937–1951) // *Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ*. 1997. №5. С.105.

⁵⁵ См.: *Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С.180–181.*

⁵⁶ «Причиной гибели послужило стремление поставить мировой сверхрекорд». *Документы о катастрофе стратостата «Осоавиахим-1»* // *Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ*. 1997. №2. С.108–109.

⁵⁷ См.: *Невежин В.А. Указ. соч. Кн.1. С.429–431.* – Больше всего приемов – 14 – было дано в честь представителей Красной Армии и Военно-Морского флота, но здесь речь идет главным образом о регулярных приемах в честь участников праздничных военных парадов и выпускников военных академий.

человеческих возможностей. Как и космонавты в хрущевско-брежневское время, летчики (в меньшей степени полярники) служили выражением всего самого передового, что есть в обществе, квинтэссенцией науки, техники и военной мощи, являя собой притягательный пример для подражания. Режиму нужны были не столько смелые фанатики, готовые отдать свою жизнь по первому требованию государства и партии, сколько образованные кадры, способные учиться и овладевать техникой. Если вспомнить, насколько косным большевики оценивали доставшееся им «в наследство» общество, которое якобы не желало учиться, работать и жить так, как это требовала власть, то летчики выглядели настоящими рыцарями прогресса⁵⁸.

Выступление Сталина 13 августа 1936 г. на приеме в честь Героев Советского Союза В.П.Чкалова, Г.Ф.Байдукова и А.В.Белякова свидетельствует, что вождь прекрасно осознавал: не только готовность идти на риск и самопожертвование – классические черты героев должны были характеризовать легендарных советских летчиков. В частности Сталин заявил: «Смелость и отвага – неотъемлемые качества Героя Советского Союза. Летчик – это концентрированная воля, характер, умение идти на риск. Но смелость и отвага – это только одна сторона героизма. Другая сторона, не менее важная, – это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями»⁵⁹.

Есть еще одно объяснение, почему именно «сталинские соколы», а не полярники или ударники-стахановцы, не говоря уже о военных и чекистах⁶⁰, стали главными героями довоенной советской эпохи⁶¹. Логично предположить, что летчики в качестве универсальных героев

---

⁵⁸ *Отношение темной российской деревни к авиации обыгрывается в сатирической форме в знаменитом рассказе М.Зоценко «Авиатор» (1923).*

⁵⁹ *Правда. 1936. 14 августа.*

⁶⁰ *В этом отношении весьма показательна судьба И.Д.Папанина, который восславлялся как главный советский полярник. Но при этом в героическом мифе Папанина практически «потерялась» его служба в ВЧК, в частности на должности коменданта Крымской ЧК в 1920 г. (См., например: Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920 – 1930-х годах. М., 2007. С.90).*

⁶¹ *О том, как формировался героический миф о «сталинских соколах», см. специальную главу в монографии Ганса Гюнтхера (Günther H. Der sozialistische Übermensch. M.Gor'kij und der sowijetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993. S.155–174).*

устраивали все советское общество, в том числе дискриминируемые группы населения. Если перефразировать, то значительная часть реципиентов героического мифа из числа молодежи, причем обоих полов, стремившихся двигаться вверх по советской социальной лестнице, могла без каких-либо проблем отождествлять себя с летчиками. Тем более что почитание и прославление летчиков как главных героев «нашего времени» было мировым трендом, стоит только вспомнить имена Чарльза Линдберга или Амелии Эрхарт. Именно высокая степень позитивной идентификации, позволявшая эффективно использовать героизм летчиков как социальный трамплин, выдвинула «сталинских соколов» на первое место среди советских героев. Желание им подражать позволило власти в том числе решить сугубо прагматическую задачу – организовать в предвоенные годы в массовых масштабах подготовку летно-технических кадров ВВС РККА⁶².

Стахановцы-ударники представляли собой менее универсальный и более «приземленный» типаж советского героя, адресовавшийся преимущественно к представителям рабочего класса. Они были близки к летчикам в своем стремлении к преодолению существующего уровня норм и технологий, но на этом сходство заканчивалось. Стахановцы были также в меньшей степени классическими героями. Ведь вероятность героически погибнуть у них была гораздо ниже, чем у летчиков, а создание мифологического образа героя, его «нарративно-литературное удвоение», давалось в их случае гораздо труднее⁶³. Что же касается военных в целом, то на них, как на потенциально главных героев, тень бросили чистки командного состава Красной Армии 1936–1940 гг.

Еще одной специфической чертой советского героизма являлся его дуальный, манихейский характер. Сталинское общество существовало в состоянии перманентного кризиса и борьбы с многочисленными внутренними и внешними врагами. Чем больше по мере продвижения к

---

⁶² Количество летных училищ ВВС увеличилось с 12 (на 1.10.1937) до 83 (на 22.06.1941). По данным М.И.Мельтюхова, численность личного состава ВВС составляла на май 1940 г. 291,2 тыс. человек, а к началу Великой Отечественной войны советские ВВС превратились в крупнейшие в мире (См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М., 2000. С.357).

⁶³ Аналогичную точку зрения о подчиненной роли стахановцев представляет в своей монографии Г.Гюнтер (См.: Günther H. Op. cit. S.167).

социализму, согласно сталинскому тезису, обострялась классовая борьба, тем большая роль отводилась борьбе с врагами. Дитмар Нойтатц отмечает: «Выполнение первых пятилеток проходило в стиле военного похода, этот факт стал [...] выражением глубоко укоренившегося менталитета [...] Активное ядро общества чувствовало себя как на войне и действовало так, как будто бы оно находится на фронте, неустанно сражаясь с врагами». Умножению врагов-антигероев могли противостоять только новые советские герои. На эту роль как нельзя лучше подходила молодежь. Юноши и девушки, детство которых пришлось на революцию и гражданскую войну, мечтали о своих собственных героических свершениях, не желая оставаться в тени старших поколений⁶⁴.

Основная функциональная роль советского героизма заключалась в том, что он выступал своеобразным социальным трамплином, стимулом и одновременно каналом восходящей социальной мобильности. В обществе, которое дискриминировало значительную часть своих граждан по различным объективным и субъективным критериям, героизм и культ героев парадоксальным образом таили в себе возможность для большинства советских граждан завоевать социальный престиж и почет «в тени» главного героя СССР – И.В.Сталина. Уже сама по себе потенциальная возможность вхождения в квазисоциальную группу советских героев превращалась в эффективный инструмент политики форсированного социального выдвижения и мощный карьерный лифт, который позволил множеству выдвиженцев, главным образом из числа молодежи, успешно адаптироваться к сталинской власти и реалиям советской действительности. Как отмечает Бенно Эннкер, «Сталин восславлялся как главный герой и образец для всех советских граждан, но зачастую, на том же дыхании, рядом с его именем назывались имена других героев, представлявших все сферы общественной жизни [...] Это была стратегия репрезентации власти, которая практически не имела аналогов со стороны правых вождистских режимов»⁶⁵.

---

⁶⁴ Neutatz D. *Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert*. München, 2013. S.157.

⁶⁵ Цит. по: Эннкер Б. *Визуальная репрезентация «вождистских» режимов Европы XX века. Рукопись выступления на публичном семинаре Фонда Тиссена «Многоликий социализм: теория и практика в XX веке» (Новосибирск, 14 октября 2013 г.)*. См. также: Ennker B. *Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts*. Marburg, 2010. S.347–378.

Насколько позволяют судить свидетельства, исходившие с самого верха властной пирамиды, использование героизма в качестве социального трамплина являлось вполне осознанной, зрячей стратегией. В этом отношении особый интерес представляет реакция И.В.Сталина на инициативу некоего И.Н.Бажанова, который посчитал, что заслуги вождя недостаточно отмечены наградами. Чтобы компенсировать эту несправедливость, Бажанов «переуступил» Сталину собственный орден. В письме от 16 февраля 1933 г. Сталин поблагодарил дарителя и отказался принять награду. «Ордена, – писал Сталин, – созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом, – для таких людей-героев, которые мало известны и которых надо сделать известными всем. Кроме того, должен вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно, – уверяю Вас»⁶⁶. В этом отношении весьма показательным, что Сталин не дал своего согласия на учреждение ордена Сталина или ордена Ленина-Сталина. А в конце 1930-х годов такого рода предложения содержались в тысячах ходатайств как простых советских граждан, так и коллективов трудящихся⁶⁷. В одном из таких писем, датированных январем 1938 г., отмечалось, что «товарищ Сталин не из числа тех, чьи заслуги можно измерить в наградах, не из тех, кому дают ордена, он из тех, кому ордена посвящают»⁶⁸. Минимизировав свои собственные награждения и заблокировав инициативы по введению ордена собственного имени, Сталин убедительно сыграл роль *primus inter pares*, подчеркивая таким образом, что вакантных мест в рядах советской элиты достаточно. Как пройти этот путь наверх, что для этого требуется – наглядно демонстрировали его герои, его «сталинские богатыри»⁶⁹.

⁶⁶ Сталин И.В. Сочинения. М., 1955. Т.13. С.235.

⁶⁷ Последние попытки ввести орден Сталина были предприняты уже после Великой Отечественной войны (См.: Дуров В. Орден Сталина Сталин не утвердил // Родина. 2005. №4. С.143–144).

⁶⁸ ГАРФ. Ф.7723. Оп.9. Д.292. Л.7–8.

⁶⁹ «Слава сталинским богатырям» – название статьи в газете «Правда» от 15 июля 1937 года. Фритьоф Шенк в монографии, посвященной многовековой истории героического культа Александра Невского, высказывает важную мысль: сталинские герои представляли собой связующее звено между Сталиным, находившимся на верхушке иерархической пирамиды, и остальным советским народом (См.: Schenk F.B. Alexander Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis 1263–2000. Köln, 2004. S.339).

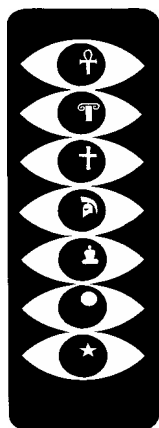
**Вместо заключения.
Постгероическое общество
и тоска по герою**

Героизм был и продолжает оставаться одним из наиболее эффективных средств легитимации коммунистического режима в СССР. Современные властные элиты России в свою оче-

редь также испытывают большой соблазн сделать сталинских героев частью легитимации и культурного наследия современной России. Это вполне объяснимое желание, тем более для постмодернистского, или, по определению Х.Мюнклера, постгероического, общества, испытывающего тоску по герою. На фоне его сегодняшних героев – идолов поп-культуры, звезд кино и шоу-бизнеса – герои прежних эпох «были героичней, битвы – кровопролитней, победы – грандиозней»⁷⁰. Современному российскому обществу действительно необходимы герои, на которых его граждане могли бы ориентироваться и с которыми они могли бы себя идентифицировать. Однако в своем стремлении рассматривать сталинских героев и феномен советского героизма как неотъемлемую часть истории России российским элитам необходимо также совершенно четко понимать и осознавать роль героического мифа в становлении сталинизма и неразрывно связанные с ним стратегии манипуляции обществом.

---

⁷⁰ Münkler H. *Op. cit.* S.742–752.

Жорес Медведев

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929.82-94

Предпринятые руководством Брежнева попытки реабилитации Сталина и усиления цензуры, привели к возникновению в СССР умеренной демократической оппозиции, в основном среди творческой и научной интеллигенции. Это явление получило определение как «диссидентское движение». Для борьбы с этой оппозицией начали применяться новые репрессивные меры, увольнения с работы, суды с обвинениями в «клевете на советский государственный строй», ссылки, помещения диссидентов в психиатрические больницы и другие. Однако по отношению к широко известным фигурам среди оппозиции возникли такие новые репрессивные меры, как принуждение диссидентов к эмиграции, лишение советского гражданства и даже насильственная высылка из страны. В этой группе «лишенных советского гражданства» оказался в 1973 году и биолог Жорес Медведев. В своих воспоминаниях «Опасная профессия», отрывок из которых публикуется в настоящем очерке, автор рассказывает о том, как сложилась его жизнь в «западной ссылке» и о том, какие проблемы возникали у других знакомых ему диссидентов, тем или иным путем изгнанных из родной страны. В публикуемом отрывке рассказаны эпизоды первого года жизни автора в Англии, а также о «встрече» с Западом его недавних друзей Мстислава Ростроповича и Александра Солженицына.

The attempt by the new Soviet leadership in 1965 to increase all forms of censorship and other repressive measures created opposition among many intellectuals which developed into "dissident movement". To suppress this dissent the KGB started to use different repressive measures, including the pressure to emigrate, deprivation of some dissidents of Soviet citizenship with confiscation of their passports and the deportation. Zhores Medvedev, biologist, was deprived his Soviet citizenship in July 1973 while officially arranged research trip to London. In his Memoirs "Dangerous profession", extracts of which are published here, he describes some episodes of his first year as an exile and the problems of some other dissidents, in this story Mstislav Rostropovich and Alexander Solzhenitsyn forced out of the USSR in 1974.

Ключевые слова: Испания; диссиденты; Ростропович; Солженицын; поправка Джексона; Сахаров; Нобелевская премия.

Key words: Spain; dissidents; Rostropovich; Solzhenitsyn; Sakharov; Nobel prize; Jackson Amendment.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Журнал предлагает читателю серию отдельных глав из книги воспоминаний Ж.А.Медведева «Опасная профессия», не публиковавшихся в России.

Испания–1974

6 июня я² сходил на берег в Малаге, столице Андалузии. Об Испании мое поколение советских людей знало намного больше, чем о других европейских странах, в основном благодаря Гражданской войне 1936–1939 гг. Советский Союз активно поддерживал республиканцев оружием и опытными кадрами, тогда как Италия и Германия еще более активно помогали армии генерала Франко. Школьником в Ленинграде (а затем в Москве) я читал в газетах ежедневные сводки с фронтов, переживал многомесячную осаду Барселоны и Мадрида. Начиная с 1937-го, в СССР пошел большой поток испанских детей, беженцев из северных баскских провинций, подвергавшихся бомбардировкам главным образом с германских самолетов. Юные беженцы прибывали по морю в Ленинград. Уже в 1965 или в 1966 году я прочитал в оригинале на английском знаменитый роман Эрнста Хемингуэя «По ком звонит колокол», сюжет которого давал очень ясную картину Гражданской войны в Испании. Сцены из этого романа в 1974 г. еще прочно держались в моей памяти.

В Малаге, большом курортном и портовом городе со смешанной марокканско-испанской архитектурой, я провел лишь один день, просто прогуливаясь по улицам. Я тогда не знал, что Андалузия почти семь веков, до 1492 г., была мусульманским халифатом. Однако меня удивили не столько архитектурные шедевры прошлого, сколько явные при-

---

² Жорес Александрович Медведев – ученый биохимик-геронтолог. Родился в 1925 г., ветеран Великой Отечественной войны. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию им К.А.Тимирязева (1950). Был лишен советского гражданства в июле 1973 г. во время научной командировки в Англию. Работал в Лондоне старшим научным сотрудником отдела генетики Национального Института медицинских исследований. Восстановлен в советском гражданстве в 1990 году. Автор книг по биохимии старения и по проблемам молекулярной биологии, а также по истории.

Наиболее известными являются книги: «Взлет и падение Т.Д.Лысенко» (английское издание в 1969, русские – в 1993, 2004 и 2012); «Ядерная катастрофа на Урале» (английское издание в 1979, русское – в 1990 и в 2004); “The Legacy of Chernobyl”, Oxford; N.Y., 1990 (на русский язык не переводилась). Второе издание в Англии в 2011 году; «Неизвестный Сталин», в соавт. с Р.А.Медведевым (издания в 2002, 2004, 2007 и 2011); «Полоний в Лондоне» (М.: Молодая гвардия, 2008); «Питание и долголетие: очерки о здоровом образе жизни» (М.: Права человека, 2007; М.: Время, 2011); «Собрание сочинений Жореса и Роя Медведевых»: в 16 т. (М.: Время, 2011–2014. Т.1–9).

знаки и символы современного фашистского государства. Повсюду висели портреты генерала Франко. В некоторых витринах можно было увидеть не только испанскую, но и немецкую фашистскую символику. В конце Второй мировой войны в Испанию из гитлеровской Германии переехали сотни тысяч человек, многие из них селились на Южном побережье или уплывали через Малагу в Аргентину и в другие страны Южной Америки. В магазинах антиквариата встречались и российские изделия прошлого века, явные трофеи войны, в одной из витрин в центре города я увидел старинный самовар.

По дороге на Мадрид я остановился на один день в Толедо, средневековой столице Испании. Здесь было много памятников архитектуры прошлых эпох. Над всем городом доминировала огромная крепость-дворец, превращенная в музей одного из решающих сражений Гражданской войны, в котором силы восставших националистов и пришедшей им на помощь из Марокко армии генерала Франко одержали победу над республиканцами.

В Мадриде я пробыл неполных два дня. Ходить по музеям не стал, для меня музеем был сам город. Главное удивление и здесь вызывала открытая фашистская пропаганда и культ каудильйо, или лидера Испании генерала Франко, остававшегося диктатором страны с 1939 г. В витринах книжных магазинов стояли разные издания биографии Франко, книги о подвигах «Голубой дивизии» испанских добровольцев, воевавшей в составе гитлеровского Вермахта под Ленинградом в 1941–1943 гг., и откровенно антисемитская литература. Судя по всему, некоторые испанцы даже гордились тем, что они участвовали в давно закончившейся войне на стороне друзей Франко, Гитлера и Муссолини. Было очень необычным встретить в 1974 г. в Европе столь откровенный фашизм. Самому каудильйо исполнилось уже 82 года, и по установленному декретами порядку его, в случае смерти, сменял принц Хуан Карлос, становившийся королем.

Я, конечно, понимал, что сохранению власти «фалангистов» (так называлась испанская фашистская партия) способствовало то, что в условиях «холодной войны» Франко стал надежным союзником США, хотя Испания не входила в НАТО. В Испании были созданы военные базы США и американские бомбардировщики В-52 могли патрулировать воздушное пространство над Испанией, имея на борту атомные и термоядерные бомбы³.

---

³ В США был запрещен иммиграционный въезд из других стран коммунистов и анархи-

В Испании у меня не было встреч, связанных с наукой или политикой, и я был рад вернуться, наконец, в Лондон.

**Мстислав Ростропович
в Париже**

В конце июня мы с Ритой⁴ поехали в Париж для участия в трехдневном симпозиуме по проблемам старения. Еще в 1971 г. Европейский парламент при утверждении ежегодного бюджета на научные исследования выделил большой грант на исследования старения. Обоснованием гранта послужил факт быстрого увеличения в Европе пропорции людей пожилых возрастов и появления, как важной проблемы, болезней старости. Благодаря этому гранту в Голландии, во Франции, в ФРГ, в Италии и в Австрии возникли новые геронтологические институты, в основном при больницах и клиниках, а не при университетах⁵. Грант был быстро дополнен ассигнованиями фармацевтических компаний, которые хотели определить возрастные особенности в действии лекарств. Наличие фондов привело к появлению новой межнациональной геронтологической организации, названной “Eurage”. Поездка в Париж была вторым случаем моего участия в работе “Eurage” и четвертым визитом во Францию. Зашел я, по обыкновению, и в редакцию газеты *Русская мысль*. Это была единственная в

стов и людей, имевших судимость. Однако в американских правилах въезда в страну существовала секретная оговорка о том, что политические мотивы не должны распространяться на тех ученых и инженеров, которые обладали уникальными квалификациями, отсутствовавшими у ученых и инженеров в США. Эту поправку ввели для приглашения и перевоза в США многих тысяч немецких ученых инженеров и конструкторов, которые в нацистской Германии разрабатывали во время войны ракетное, атомное и химическое оружие. Среди них был и знаменитый Вернер фон Браун, создатель тех баллистических ракет, которыми в 1944–45 гг. обстреливали Лондон. От них погибли десятки тысяч человек. В Великобритании и во Франции фон Браун считался нацистом и военным преступником, использовавшим на подземных заводах принудительный труд рабочих, доставляемых сюда в основном из концлагеря в Бухенвальде. В США фон Браун, вместе со своей немецкой командой, стал главным разработчиком американской ракетной и космической программ. Немецких ученых и инженеров снабжали в США фальшивыми «чистыми» биографиями и американским гражданством.

⁴ Медведева Маргарита Николаевна – жена Жореса Медведева, специалист по биохимии, работавшая в Лондоне его добровольным ассистентом в отделе генетики.

⁵ В Западной Европе «институтом» часто называют отдельную лабораторию.

Западной Европе качественная русская газета-еженедельник. С главным редактором газеты, писательницей княгиней Зинаидой Шаховской, у меня установились дружеские отношения и переписка.

На этот раз Зинаида Алексеевна сразу спросила меня, знаком ли я с Ростроповичем? А услышав утвердительный ответ, сказала: «Поезжайте к нему обязательно... у него большие проблемы с въездом в Англию. Может быть, чем-либо можно помочь. Он в гостинице "Кинг Джордж"».

Я спросил номер телефона. «Поезжайте сразу, – ответила Шаховская, – он не выходит из номера, он все время в гостинице».

Я взял такси, заехал за Ритой и мы быстро приехали в гостиницу. Это был пятизвездочный отель недалеко от Булонского леса.

Мстислав Ростропович был необычайно рад, увидев нас. Последовали объятия, Ростропович всегда был очень эмоционален. Но его первый вопрос оказался неожиданным: «Жорес, что случилось с Саней?»⁶ – «А в чем дело?» – спросил я. – «Да вот звоню им в Цюрих. Подходит Аля⁷. Приветствую ее, позови Саню, говорю, я в Париже». – «Саня работает, – отвечает она, – подойти к телефону не может». – «Вчера звоню снова, то же самое... – "Саня работает, к телефону подойти не может". Сегодня утром опять только Аля, – "Звони, звони, – говорит, – всегда рады слышать твой голос". Я дал ей мой телефон в Париже, думал, Саня позвонит, но пока никаких звонков». Время было уже предвечернее.

– «Солженицын не любит говорить по телефону, – сказал я, – это у него давно... он считает, что все его разговоры по телефону прослушиваются. Из "Нового мира" к нему в Рязань не мог позвонить даже Твардовский».

– «Но мне срочно, у меня большие проблемы, а главное – нет денег, я хотел у него подзанять».

Я сразу руку в карман, вынимаю бумажник. Из Лондона я всегда выезжал с резервом наличности... – «Спасибо, Жорес, – остановил меня жестом Ростропович, – мне много нужно, у Вас столько нет!» – "Увы, действительно нет, – подтвердил я, услышав названную сумму. – Но зачем Вам столько?" – спросил я невольно. – «Хочу срочно застраховать свою жизнь на миллион долларов, чтобы обеспечить семью на случай неожиданностей», – ответил Мстислав Леопольдович.

---

⁶ «Саней» многие близкие называли Солженицына.

⁷ «Алей» была для друзей Солженицына его вторая жена Наталья Светлова.

Я не удивился ответу. Страх за собственную жизнь появлялся у многих известных или знаменитых людей, покинувших Советский Союз и оказавшихся в «свободном мире». Западные артисты также боятся от всего, танцоры от переломов, певцы от простуд, пианисты от повреждения пальцев. Боятся и свои уникальные инструменты, скрипки, виолончели, рояли.

Когда мы сели, чтобы продолжить беседу, к Ростроповичу подошел огромный пес, породы сенбернар, – это очень крупные собаки с коричнево-белой длинной шерстью. Ростропович свою собаку, Кузю, очень любил. Номер в гостинице состоял из трех комнат, одна из них была отведена Кузе. Постепенно Мстислав Леопольдович рассказал и свою историю. Предысторию я знал...

Вместе с женой Галиной Вишневской, ведущей солисткой Большого театра, Ростропович в прошлом очень часто ездил за границу на гастроли и концерты, иногда надолго. Но после 1970 г., когда супруги поселились на своей даче в Жуковке Солженицына, эти поездки за границу почти прекратились. Великому виолончелисту разрешали поездки на гастроли в Венгрию, в Чехословакию и даже в Финляндию, но не в Англию или в США. Советское агентство «Госконцерт», через которое должны были заключаться все контракты, также было в СССР под контролем Идеологического отдела ЦК КПСС. Ни Ростропович, ни Вишневская не принадлежали к числу диссидентов. Они были лично знакомы с Брежневым, с Косыгиным, с министром культуры Фурцевой и нередко выступали на особых концертах в Кремле. У них было множество наград, премий и орденов и звания «Народных артистов». Но заграничные паспорта в СССР нужно было возвращать в МИД после каждой поездки и любое новое турне в западные страны требовало решения Выездной комиссии ЦК КПСС.

После высылки Солженицына в ФРГ (февраль 1974 г.) Ростропович и Вишневская сумели в конце марта передать через П.Н.Демичева, секретаря ЦК КПСС «по культуре», письмо лично Брежневу. Они просили Брежнева разрешить им выезд за границу с двумя детьми на два года. Неожиданно Брежнев распорядился удовлетворить просьбу Ростроповича и Вишневской.

В семье решили, что Мстислав Леопольдович поедет первым в Лондон, где у него было много друзей и постоянных приглашений, снимет дом или квартиру, после чего сюда приедут Вишневская с дочерьми-старшеклассницами, Еленой и Ольгой. Две виолончели и множество других вещей Ростропович погрузил в свой микроавтобус Мерседес и отправил в особом контейнере по морю из Ленинграда в Англию. Сам

он полетел в Лондон самолетом, вместе с собакой. Пассажирам первого класса это разрешалось, для животных в больших авиалайнерах есть особый отсек. Удивительным было, что никто при покупке билетов или при посадке в самолет не предупредил Ростроповича о том, что ввоз собак и кошек на Британские острова из других стран был запрещен особым Актом Парламента, принятым еще в 1901 г. и неукоснительно соблюдавшимся без всяких исключений. Это было сделано для предотвращения распространения на архипелаге инфекции собачьего бешенства. Собаки и кошки и некоторые другие животные, владельцы которых переселялись в Англию, должны были пройти шестимесячный карантин, в течение которого каждое животное содержалось изолированно от других. Все расходы на карантин оплачивали владельцы домашних животных. Возможно, что предупреждение было. Но знаменитые люди часто не могут поверить в существование правил без исключений.

М.Ростропович

В Лондонском аэропорту Хитроу таможенный контроль объяснил Ростроповичу правила. Он рассказывал об этом с явным возмущением. Встречавший русского виолончелиста в аэропорту его друг Бениамин Бриттен, знаменитый английский композитор, ничем не мог помочь. Ростроповичу объяснили, что по каким-то дням он сможет посещать свою собаку. Когда через несколько дней он приехал в карантинную зону на свидание с Кузей, оказалось, что пес был в депрессии и отказывался от еды. Собак содержали в больших клетках в особых питомниках. На прогулки их не выводили. Для очень крупной собаки и, особенно, для сенбернаров, выведенных для спасения людей в горах, условия были слишком трудными. Добрая душа Славы не могла этого выдержать,

и он вместе с Кузей улетел в Париж, не дожидаясь прибытия контейнера с виолончелями. Однако и в Париже, плотно застроенном многоквартирными домами без садов, существовали очень строгие правила для прогулок с собаками. В немногих парках висели объявления на французском и английском, запрещающие вход с собаками, «даже на поводке». Крупных собак нельзя было выводить из дома без намордни-

ка. В гостинице запрещалось входить с собакой в лифт. Номер «люкс» был на верхнем этаже и для прогулок оставался лишь балкон.

Мы пробыли у Ростроповича в гостинице около двух часов. Я оставил ему наш телефон в Лондоне и телефон нашего нового друга в Париже Сергея Петровича Дубровского, издателя и преподавателя русского языка. Он был надежным и опытным человеком и, как бывший артист Киевского драматического театра, переживший немецкую оккупацию, мог найти выход из любой ситуации. Через несколько дней, позвонив Ростроповичу, я узнал, что проблема с деньгами была решена авансом по контракту, который ему предложила французская студия музыкальной записи. Контейнер с Мерседесом и вещами был переадресован в Париж. Французские друзья подыскивали для Ростроповича квартиру в пригороде, где не было ограничений на прогулки с собаками.

Галина Вишневская с дочерьми прилетела в Париж, когда Ростропович жил уже в квартире. Им удалось в сентябре посетить в Цюрихе и Солженицына. В воспоминаниях-хронике «Угодило зернышко между двух жерновов» Солженицын написал об этой встрече очень кратко: «...Ростроповичей понесло изгоняющим восточным ветром – куда-то в Европу, они сами еще не знали куда... В таком растерянном, смущенном, неприкрепленном состоянии они и посетили нас в Цюрихе. Улыбались, – а горько. Стива пытался шутить, а невесело. В нашем травяном дворике сидели мы за столом до сумерок»⁸. С Ростроповичем я в последующие годы встречался лишь три раза, всегда после его концертов. Один раз осенью 1978 г. в Вашингтоне и два раза в Лондоне. В последний раз на его благотворительном концерте в Лондоне в пользу жертв землетрясения в Армении в декабре 1988 г. На этом концерте было собрано для Армении около миллиона фунтов стерлингов.

М.Ростропович и Г.Вишневская были лишены советского гражданства в марте 1978 г. – без всяких оснований, после их второго обращения в посольство СССР в Вашингтоне с просьбой о продлении срока действия своих паспортов. Им предъявили совершенно нелепые и вздорные обвинения в том, что... «в 1976–1977 годах они дали несколько концертов, денежные сборы от которых пошли в пользу белоэмигрантских организаций»⁹. К 1978 году Ростропович дал около 70 разных благотворительных концертов, он никогда не отказывался от подобных предложений. Один из них в Сан-Франциско (сентябрь 1976 г.) был «в

---

⁸ *Новый мир*. 1998. №9. С.75.

⁹ *Известия*. 1978. 16 марта.

пользу русских инвалидов Первой мировой войны». Несколько десятков русских инвалидов жили в Сан-Франциско в домах для престарелых. Никаких «белоэмигрантских организаций» в 1976–1977 гг., через 60 лет после Октябрьской революции, не существовало.

Подготовка к новой поездке в Америку

Еще в январе 1974 г. я получил из США письмо от Президента Геронтологического общества Этель Шанас, приглашавшей меня прочитать одну из четырех вводных лекций на симпозиуме, открывавшем XXVII Ежегодную конференцию Американского Геронтологического общества 28 октября 1974 г. в Портленде, штат Орегон. Поскольку на Открытие ежегодных конференций приглашались не только геронтологи, Э.Шанас предлагала мне и тему «Биологические перспективы долголетия» и просила сделать ее доступной для общей аудитории. Текст лекции следовало выслать заранее, так как его должны были опубликовать в журнале *The Gerontologist*. Геронтологическое общество оплачивало мои расходы на дорогу в оба конца и гостиницу.

Я ответил согласием, так как программа всей конференции, продолжавшейся до 1 ноября, была для меня очень интересной. Американское Геронтологическое общество, членом которого я был с 1961 г., избирало своих президентов лишь на годичный срок. Э.Шанас, профессора социальной геронтологии Иллинойского университета, я не знал. Но в Портленде пост президента общества переходил к другому ученому, и одним из кандидатов был биолог Джордж Сейчер, с которым я познакомился в апреле. Он был организатором симпозиума по эволюции долголетия и старения, на участие в котором я также получил приглашение.

Новую поездку в США, таким образом, нужно было готовить почти сразу после возвращения в Лондон. В конце июня мне позвонили из лондонского бюро известной американской газеты *The Christian Science Monitor*, выходившей в Бостоне, и попросили принять их корреспондента для интервью на общую тему о «разрядке» и советско-американских отношениях. На следующий день ко мне приехали два журналиста, и мы беседовали на разные темы довольно долго. “Medvedev Interview” заняло страницу газеты 9 июля. Неизбежно обсуждалась и «поправка Джексона». «Мистер Медведев предполагает, – излагали мою позицию журналисты, – что Государственный секретарь Генри Киссинджер может добиться больших уступок от советских лидеров, чем Джексон, потому,

что, когда Киссинджер оказывает на них давление, это не носит характера ультиматума».

10 июля мне позвонил один из беседовавших со мной журналистов и сказал, что он хочет соединить меня для разговора по телефону через их лондонское бюро с Вашингтоном. На проводе будет Сет Тилман, помощник сенатора Фулбрайта, Председателя Комитета Сената по иностранным делам.

Помощник сообщил мне, что в Комитете Сената по иностранным делам в августе начнутся особые Слушания по общей проблеме отношений США с коммунистическими странами. Его шеф прочитал мое интервью и хотел бы пригласить меня на эти Слушания как одного из докладчиков. Предполагается, что я дам в более развернутом виде те же тезисы. Первым на Слушаниях 15 августа будет выступать Аверелл Гарриман, вторым 20 августа – Джордж Кеннан, оба бывшие послы США в СССР. Одним из докладчиков будет также Г.Киссинджер. Его противником приглашается Джордж Мини – лидер американских профсоюзов. Проблема с моим приглашением состояла в том, что по каким-то актам еще прошлого века приглашения экспертов в Сенат из-за границы не предусматривались и поэтому мои дорожные расходы не могут быть оплачены. Из фондов Конгресса мне будут выделены лишь суточные на один день на гостиницу и питание в размере 25 долларов. При этом я должен подготовить свой доклад на английском и переслать заранее 50 экземпляров в Комитет для раздачи присутствующим. Слушания, с открытыми для прессы заседаниями два раза в неделю, будут продолжаться до октября. Если я соглашусь выступить в Сенате на этих условиях, то Председатель Комитета вышлет мне официальное приглашение. Я ответил, что принимаю это приглашение с благодарностью как большую честь и что, независимо от Слушаний, я предполагал приехать в США для участия в Геронтологической конференции в конце октября.

Через несколько дней я получил на институтский адрес официальное письмо сенатора Уильяма Фулбрайта. Он начинал свое письмо от 12 июля 1974 с объяснения традиции возглавляемого им Комитета организовывать открытые Слушания по важным международным проблемам (отношения Востока и Запада, Война во Вьетнаме, Американско-Китайские отношения и другие). Такие Слушания, как информационно-образовательные, открыты не только для прессы, но и для радио и телевидения. Они будут опубликованы в Докладах Конгресса. Фулбрайт спрашивал, готов ли я принять приглашение на участие в Слушаниях. Я ответил благодарным согласием. Фулбрайт, представлявший в Сенате штат Арканзас уже почти 30 лет, был хорошо известным и уважаемым

политиком, противником маккартизма и критиком американского участия в войне во Вьетнаме.

Второе письмо от Фулбрайта от 26 июля выражало удовлетворение моим согласием и сообщало о формате заседания. Мое вводное Заявление рассчитано на 30 минут, после чего я должен отвечать на вопросы членов Комитета. Предварительную дату моего Заявления наметили на 22 октября. «Надеюсь встретить вас в 10 часов утра в комнате 4221 в здании Сената». Третье письмо Фулбрайта, уже в августе, спрашивало мое согласие перенести заседание на более раннюю дату, 8 октября. К нему была приложена и полная программа Слушаний, которые начинались 15 августа и заканчивались 9 октября выступлениями сенатора Джона Стенниса и адмирала Томаса Морера.

В центральном Лондоне на улице Charing Cross есть газетный магазин, в котором продаются свежие газеты из разных стран. Здесь можно купить *Известия* и *Правду*, но также и *The Washington Post*. В номере этой очень большой газеты от 16 августа я нашел и отчет о заседании Комитета Сената, на котором делал свое Заявление А.Гарриман. Начиная свое выступление, Гарриман, которому было уже 83 года, объяснял: «...Я участвовал в переговорах с советскими лидерами в течение почти 50 лет, начиная с Льва Троцкого по поводу магниевых концессий. Я имел множество встреч со Сталиным по военным и политическим проблемам во время войны. Я вел переговоры с Никитой Хрущевым по проблемам ядерных вооружений. Я знаю Алексея Косыгина с 1942 года, и недавно я встречался с мистером Брежневым». По мнению Гарримана, приоритетом для США должно быть соглашение SALT-1 о сокращении стратегических вооружений. «Если поправка Джексона станет законом, то это будет контрпродуктивно и приведет к нежелательным результатам».

«Архипелаг ГУЛаг», том 2

Второй том знаменитой книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» был выпущен в Париже издательством *YMCA-PRESS* в июне 1974 г., и я смог купить его в Лондоне в начале

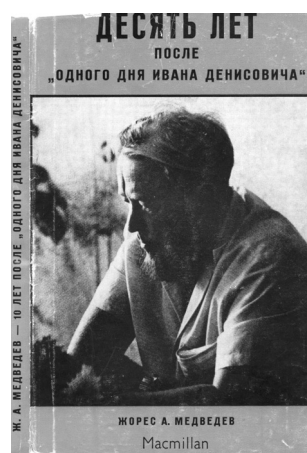
июля. Для многих моих знакомых выход второго тома был неожиданностью, так как по содержанию и по объему первый том производил впечатление вполне законченного произведения. Ничто в изданной в конце 1973 г. книге, включая краткое предисловие автора, датированное сентябрем 1973 г., не указывало, что за ней должен был последовать второй том, а за ним еще и третий. Во вводной фразе «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

собственными именами» Солженицын давал понять читателю первого тома, что перед ним находится завершённое произведение. Он передал за границу в 1968 г. микрофильм всей рукописи, в которой было больше 1 500 плотно напечатанных страниц. К ним в последующем добавились некоторые вставки и фотографии. Давая директиву издателям «немедленно публиковать», он ожидал, что русское издание и уже сделанные за четыре года переводы будут опубликованы в полном объёме.

По замыслу писателя книга была неделимой, «залпом», и многие важные обобщения, особенно по более близкому читателям послевоенному периоду 1945–1956 гг., входили именно в третий том, которого пришлось ждать ещё два года. В это же время, летом 1974 г., публиковались и переводы на английский, немецкий и другие европейские языки первого тома этой монументальной работы. Ни в самой книге, ни в рецензиях на нее не указывалось, что это лишь начало трилогии. Рецензии летом 1974 г. в большинстве западных газет и журналов были посвящены ещё первому тому «Архипелага» и рассматривали его как законченное произведение. Второй том русского издания не становился поэтому сенсацией. На русском языке он издавался в том же формате, как и первый, 50 тысяч экземпляров и отдельное «карманное» издание на очень тонкой бумаге. Но реализация тиража шла медленно. Через международную, субсидируемую из США сеть книжных распределителей для коммунистических стран “*Universal Book Exchange*” первый и второй тома «Архипелага» раздавались бесплатно. Меня пригласила в лондонское отделение этой сети ее управляющая Жоан де Балкар и предложила брать для друзей любое число экземпляров. Печатать сразу весь «Архипелаг», как я узнал позднее, было технически трудно и нецелесообразно, хотя набор был сделан. В этом случае пришлось бы увеличить формат страниц, уменьшить шрифт и выпускать чрезмерно большой том в твердом переплете. Работа затянулась бы на год, и высокая продажная стоимость тома могла сильно сократить тираж. Слишком большой размер книги, в трех вышедших томах было

Сборник воспоминаний и свидетельств современников.
Лондон, 1973 г.

1844 стр., не увеличивал, а уменьшал ее эмоциональный и политический эффект.

Рой¹⁰ снова, как и в прошлом году, получил от газет *The New York Times* и *The Washington Post* заказ на рецензию, которую он подготовил лишь к середине августа. Его рецензия на второй том была значительно более критичной, чем на первый, хотя, по его признанию, во втором томе было меньше неточностей или искажений. Но сам Солженицын был уже за границей, вне опасности, и это позволяло давать его произведениям более беспристрастную оценку. Рецензии Роя на каждый том «Архипелага» опубликованы на русском сравнительно недавно, в 2004 году, и я поэтому не буду воспроизводить здесь подробностей.

Лев Зиновьевич Копелев¹¹, прототип Рубина «В круге первом», наиболее близкий друг Солженицына, сыгравший ключевую роль в организации контактов между Солженицыным и Твардовским в 1962 г., прислал мне через немецких друзей свою очень критическую, но поспешно написанную рецензию. Он просил опубликовать ее анонимно, не раскрывая его имени. «Простите, что посылаю в таком получерновом виде, но не могу найти доверенной машинистки – ведь лето, но не хочу дольше задерживать. Очень, очень прошу, чтобы о подлинном авторе, кроме Вас, узнала только графиня Марион Денхоф (из Ди Цайт, Гамбург) и знала бы, что это только ей должно быть известно. Так до весны–лета 1975 г., тогда "подниму забрало" и объясню, почему должен был опускать его». Эта рецензия была с сокращениями опубликована в ежене-

---

¹⁰ Медведев Рой Александрович, брат-близнец Жореса Медведева, – историк. Р.А.Медведев в 1974 г. уже был известен на Западе своей монументальной работой «К суду истории. О Сталине и сталинизме», которая неоднократно издавалась в США и в Англии (*Medvedev R. Let History Judge. The origins and consequences of Stalinism*). Он поэтому считался наиболее компетентным историком именно по проблемам сталинского террора. В 1974 г. Р.А.Медведев, уволенный из института и исключенный из КПСС, жил и работал в Москве.

¹¹ Копелев Лев Зиновьевич – литературовед-германист, во время войны служил на фронте в подразделениях пропаганды, готовивших листовки и радиопередачи на немецком языке. Был арестован в 1945 г. Освобожден в 1954, реабилитирован в 1956. Автор книг о немецких классиках. В заключении работал в закрытом институте – «шарашке», где познакомился с Солженицыным. Исключен из КПСС и из Союза советских писателей в 1968 г. за протест в связи с вводом Советской армии в Чехословакию. Был другом Генриха Бёлля и через него передавал некоторые работы «самиздата» за границу. В 1974 г. был уже на пенсии.

дельнике *Die Zeit*. Копелев, находившийся в заключении с 1945 до 1954 г., был достаточно компетентен для анализа проблем «Гулага». Наибольшую критику у него вызвала глава 3 «Архипелаг дает метастазы». В ней появление и распространение исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) Солженицын связывал не с усилением политического террора и раскулачиваниями в период ликвидации НЭПа и начала коллективизации и индустриализации в 1929 г., а с инициативой Нафталия Френкеля, одесского коммерсанта и нэпмана, арестованного ОГПУ в 1926 г. «...Мучительно было читать в "Архипелаге", – писал Копелев, – заведомо неправдивые страницы о блатных, о коммунистах в лагерях, о Горьком, о Френкеле – очередной образ сатанинского иудея, главного виновника всех бед...»

Эти страницы второго тома о Френкеле вызвали сразу и у меня сомнения в достоверности, тем более что и имя было ранее мне неизвестно.

«На Архипелаге живет упорная легенда, что лагеря придумал Френкель», – писал Солженицын... Далее на нескольких страницах следовали подробности, являвшиеся результатом исследований самого автора: «Нафталий Аронович Френкель, турецкий еврей, родился в Константинополе. Окончил коммерческий институт и занялся лесоторговлей. В Мариуполе он основал фирму и скоро стал миллионером, "лесным королем Черного моря". В 1916 году учуял грозу... в 1917-м перевел свои капиталы в Турцию и следом за ними сам уехал в Константинополь.. Но какая-то роковая сила влекла его к красной державе... в годы НЭПа он приезжает в СССР». В отношении «роковой силы» Солженицын делает сноску: «У меня есть личное предположение, я выскажу его в другом месте»¹².

Во время НЭПа за скупку золота Френкель попадает в тюрьму.

«Его привозят в Соловки в 1927 году, но сразу от этапа отделяют... разрешают свободное передвижение по острову... С 1928 года он уже создает выгодное подсобное предприятие...

Как-то, году в 1929-м, за Френкелем прилетает из Москвы самолет и увозит на свидание к Сталину. Лучший друг заключенных с интересом беседует с Френкелем три часа. Френкель разворачивает перед Отцом Народов ослепительные перспективы построения социализма через труд заключенных. Многие из географии Архипелага, послушным пером опи-

---

¹² *Архипелаг ГУЛлаг. YMCA PRESS, Paris. 1974. III. С.75.*

сываемое нами теперь вослед, он набрасывает смелыми мазками на карту Союза под пыхтение трубки своего собеседника...»¹³.

Н.А.Френкель – это реальная фигура. Он родился в 1883 г. в Одессе. Окончил строительный техникум. Разбогател в основном в период НЭПа. Арестован и осужден в 1926 г. Был досрочно освобожден в 1930 г. за успехи в организации местных производств и в строительстве бани, остался на Соловках одним из начальников и выдвинулся в организатора работ при строительстве Беломоро-Балтийского канала. Беломоро-Балтийский ИТЛ, в котором числилось более 100 тысяч заключенных, был создан в ноябре 1931 г. именно на базе Соловецкого ИТЛ. Однако эпизоды с вызовом тогда еще неизвестного заключенного к Сталину и отправка за ним самолета показались мне недостоверными. Они не могли бы оставаться неизвестными до 1974 г. В прибытие Френкеля самолетом в Москву, минуя все инстанции ОГПУ, было трудно поверить.

Заканчивая описание головокружительной карьеры Френкеля, который «умер в Москве в 50-е годы в звании генерал-лейтенанта, в старости, в почете и покое», Солженицын почему-то дополнил от себя: «Мне представляется, что он ненавидел эту страну»¹⁴. Это заявление производило впечатление незаконченной мысли. Так оно и было. В то время Солженицын просто не решился ее закончить. Объяснение этой фразы он перенес в свою книгу «Двести лет вместе», опубликованную лишь в 2001 г. уже в Москве: «О Нафталии Френкеле, неутомимом демоне "Архипелага", особая загадка... Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России, не могу объяснить ничем. Пусть объяснит, кто может»¹⁵. Я уже упоминал о том, что Солженицын обещал высказать свое предположение о мотивах действий Френкеля «в другом месте». Этим местом и оказалась новая книга, материалы для которой Солженицын собирал более 30 лет.

Проверка информации о встрече Сталина и Френкеля в 1929 г. стала возможной лишь после публикации (начиная с 1996 г.) в журнале «Исторический архив» списков всех посетителей кремлевского кабинета И.В.Сталина в 1924–1953 гг. По этим спискам составлялись в 1998 и в 2008 гг. аннотированные алфавитные справочники. В 1929 или в 1930 г.

---

¹³ Там же. III–IV. С.73–76.

¹⁴ Там же. С.140.

¹⁵ Солженицын А.И. *Двести лет вместе (1795–1995)*. М.: Русский путь, 2001. Ч.2. Гл.20. С.579.

Н.А.Френкель в Кремлевском кабинете Сталина не появлялся. Он в составе группы ведущих начальников НКВД, вместе с наркомом внутренних дел Генрихом Ягодой, первый раз побывал в кабинете Сталина 21 марта 1936 г. Тогда Френкель в звании дивизионного инженера был уже начальником Байкало-Амурского ИТЛ. Второй раз Френкель встречался со Сталиным 5 мая 1940 г. На приеме присутствовал и Л.Берия. Френкель был уже начальником Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР¹⁶. С появлением Интернета о генерал-лейтенанте Френкеле, трижды награжденном орденом Ленина, умершем в 1960 г. в Москве, появилось множество разных историй и исследований не только на русском, но и на иностранных языках. Многие из них были стимулированы именно «Архипелагом». Френкель, судя по другим источникам, родился не в Турции, а в Одессе, в семье служащего. Там нашлись и родственники. Была найдена и его соловецкая «Карточка заключенного». В ней местом рождения упоминалась Хайфа, в 1883 г. это была территория Османской империи. Внутренних паспортов в 1920-е годы в СССР еще не было. Сведения о месте рождения в то время обычно записывались со слов самого заключенного, и достоверность их сомнительна. Серьезные западные исследователи Гулага не подтверждают обобщений Солженицына о Френкеле¹⁷.

**Старший научный сотрудник
отдела генетики**

В конце июля мне прислали из Медицинского совета, под управлением которого находился и наш институт, толстый пакет. В нем я обнаружил формальное письмо, предлагавшее мне зачисление на должность старшего научного сотрудника Отдела генетики Национального института медицинских исследований, сроком на один год. К письму была приложена брошюра с объяснениями обязанностей и правил для работников Медицинского совета, которые относились к категории государственных служащих. Третьей бумагой в пакете был проект договора между Медицинским советом и мною, в том случае, если я принимаю предложение. Никаких документов, типа копий дипломов об образовании или об ученых степенях, от меня не требовалось. Для зачисления на должность мне следовало подписать

---

¹⁶ *Исторический архив. 1998. №4. Специальный выпуск «Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина».*

¹⁷ *См.: Applebaum A. Gulag. A History of the Soviet Camps. L.: Penguin Books, 2004.*

проект договора и проставить дату, с которой я смогу приступить к работе. Поскольку в сентябре мне предстояла поездка в Скандинавию, а в октябре в США, откуда я возвращался лишь к 10 ноября, то я поставил датой начала своей регулярной научной работы 15 ноября.

Конкурсного заполнения научных должностей, подобного советской практике, в Англии не было. Институты здесь не имели и Ученых советов, которые проводили бы открытые защиты диссертаций и избрания сотрудников по объявленному конкурсу. Зачисление на один год было «испытательным». По окончании годового срока Медицинский совет мог предложить продление работы еще на пять лет. Если такого предложения не было, договор считался завершенным. Это же правило относилось и к пятилетнему продлению. Зачисление на постоянную должность было возможно лишь после пяти лет работы по первоначальному договору. Присуждение ученых степеней производилось в Англии не публично Учеными советами институтов или факультетов, а небольшими комиссиями из трех–четырёх человек, признанных специалистов в той области знания, которой была посвящена диссертация. Для всех фундаментальных наук существовала лишь одна степень: Ph.D, или «Доктор философии». В Советском Союзе ее приравнивали к «кандидатской», так как эта степень завершала аспирантуру. Эквивалента советской степени «Доктор» каких-либо наук, защищаемой уже немалыми учеными, в Западной Европе и в США не было. За пределами аспирантуры были важны репутация и научные публикации, а не степени. Не было в Англии и отдельного дипломирования ученых степеней и ученых званий и утверждения всех степеней и званий в каких-то государственных инстанциях, типа советской Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

В конце июля я получил из Москвы от Роя печальную новость. Умер от инфаркта в собственной квартире мой друг и покровитель академик Борис Львович Астауров. Ему было 69 лет. Я послал телеграмму жене. Через месяц Рой в конфиденциальном письме сообщил мне обстоятельства:

«Астауров вышел из больницы с улучшением проблем с аденомой. Но в апреле в Риме на каком-то конгрессе остался "невозвращенцем" зав. отделом института Шапиро, бросив в Москве две семьи. Как водится, была Комиссия, которая нашла идеологическую работу в институте неудовлетворительной и предложила ряд мер, в том числе смещение с руководящей работы трех заведующих-евреев, включая твоего друга А.А.Нейфаха. В Комитете по Ленинским премиям работа Астаурова была

снята по требованию Цицина и Дубинина, которое поддержал и Келдыш...»

Илью Моисеевича Шапиро, я знал, но историю с его отказом возвращаться из Италии пропустил, в апреле–июне я был в США. Из Италии он переехал в Швецию, где сразу получил должность в Каролинском институте. Академик Н.П.Дубинин стал требовать смещения Астаурова с поста Президента Всесоюзного общества генетиков и селекционеров. Астауров был смелым и принципиальным человеком, но это были удары в спину.

Нобелевский институт

Вернувшись из США в начале июня, я нашел, среди накопившихся за два месяца писем, несколько приглашений из Скандинавии. Меня приглашали для лекций на общие темы и

по проблемам старения. Главным среди них было письмо от профессора Иогана Фогта, Президента норвежского ПЕН-клуба. Он от своего имени и от имени бывшего премьер-министра Норвегии Эйнара Герхардсена приглашал меня в Осло для лекции 2 сентября об оппозиционных политических и демократических течениях в СССР. Лекция предназначалась для общей аудитории. Местом для лекции был выбран большой зал Нобелевского института. Что такое Нобелевский институт в Осло, я тогда не знал. По телефону проф. Фогт объяснил мне, что Нобелевский институт – это, прежде всего, большая библиотека книг по международным и гуманитарным проблемам. Однако именно в Нобелевском институте проводятся ежегодно и церемонии вручения Нобелевских премий мира, присуждение которых осуществляется особым комитетом норвежского парламента. Одним из выдвинутых кандидатов на Нобелевскую премию мира был с 1973 г. Андрей Сахаров. Это, однако, не означало, что его кандидатура была включена в список для голосования. Фогт заверил меня, что мое приглашение не имеет никакого отношения к проблемам этой премии. Более того, список кандидатов на премию является конфиденциальным, никаких публичных дебатов в пользу или против выдвинутых фигур не допускается. Различные лекции и семинары по международным проблемам в Нобелевском институте проходят еженедельно. Дополнительно к этой лекции меня также пригласили в университет в Осло для лекции о проблемах старения и долголетия.

В Осло я приплыл на пароме 31 августа. Меня встречал Пер Эгил Хегге, журналист, с которым я подружился еще в Москве в 1970 г.,

где он был корреспондентом от норвежской газеты *Aftenposten*. Он очень много сделал для организации протестов в период моего насильственного заточения в психиатрическую больницу. Хегге отвез меня к себе домой, он с женой Биргит и с пятью детьми жил за городом в большом деревянном доме. При доме были сад и сауна. На следующий день я познакомился с профессором Фогтом и с его другом Э.Герхардсеном. П.Хегге объяснил мне, что Герхардсен является наиболее популярным политиком в Скандинавии, «отцом» скандинавской модели социализма. В молодости был коммунистом. Он был премьер-министром от лейбористской партии три срока, почти 17 лет. Вышел в отставку в 1965 г.

В Нобелевском институте перед лекцией.
Слева И.Фогт , в центре Э.Герхардсен, справа Ж.Медведев

Предварительное сообщение о моей лекции было напечатано в понедельник 2 сентября в *Aftenposten* и в *Dagbladet*. Нобелевский институт оказался красивым зданием на небольшой центральной площади города. Рядом с ним был расположен Королевский дворец, напротив, на площади – посольство США.

Большая аудитория Института была полна. Я говорил на английском. Перед лекцией директор Института предупредил меня о том, что вопросы, связанные с ежегодным присуждением Нобелевских премий мира, в стенах Института не должны обсуждаться, так как список кандидатов является конфиденциальным. Однако полностью уклониться от этой проблемы мне все же не удалось. Когда после лекции перешли к вопросам, один из присутствовавших из второго ряда задал мне прямой вопрос: «Считаю ли я, что академик Сахаров является наиболее достойным кандидатом на премию мира?» В последующем мне сказали, что вопрос задал работник эмигрантского издательства *Посев* и член русской эмигрантской организации НТС Гунар Мое, живший в Осло. Я ответил, что затрудняюсь делать какие-либо сравнения, так как я не знаю статуса премии и имен кандидатов, которые рассматриваются Комитетом по премиям.

На 4 сентября у меня была встреча с Тругве Иогансеном, директором норвежского издательства *Tiden*, издавшего еще в 1957 г. роман «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева. По доверенности автора я уже больше года вел переписку, но не сумел добиться перевода небольшой суммы гонорара на счет автора в Лондоне. Личный визит в издательство, уже ставшего известным в Осло Медведева, принес плоды. 2 960 норвежских крон были вскоре уплачены автору, превратившись в Лондоне в 229 фунтов и 30 пенсов.

После лекции о старении на кафедре генетики университета Осло 5 сентября я уехал из Норвегии на поезде в Лунд, чтобы посетить профессора Айка Густафссона, возглавлявшего Институт генетики в Лундском университете. Он помог мне в декабре 1967 г. отправить микрофильм рукописи по истории генетической дискуссии в США проф. Михаилу Лернеру. Здесь была также запланирована лекция по генетическим аспектам старения. Из Лунда, через небольшой пролив, я приехал в Копенгаген. Меня пригласил в Данию профессор Олав Андерсен, президент Биологического общества. В среду 11 сентября была прочитана моя лекция, также по генетике старения. В Копенгагене я, кроме этого, выполнял долг доверенного лица Дудинцева. Ему причитался гонорар и в Дании от издательства *Fremad*. Датских крон было больше, 9 080, что составляло в то время около 800 фунтов. Открыткой я рапортовал об этом успехе своему другу и из Лондона сразу же выслал ему подарочный перевод во Внешторгбанк¹⁸.

---

¹⁸ «Подарочные» переводы в то время выдавались получателю в форме валютных серти-

Неожиданность

В Лондон я вернулся 12 сентября. На следующий день мне позвонил П.Э.Хегге и сообщил, что их газета получила «открытое» письмо Солженицына по поводу моей лекции в Нобелевском институте. Письмо было адресовано в газету *Times*, но Солженицын просит опубликовать его и в *Aftenposten*. По словам Хегге, письмо явно основано на ложной информации, но редактор все же хочет его напечатать, предоставив мне возможность ответа. Хегге выслал копию письма экспресс-почтой.

Среди советских диссидентов отправка разного рода «открытых писем» входила в моду. Но между лично знакомыми людьми было принято посылать первый экземпляр тому, кому оно адресовано. Я решил поэтому позвонить в Цюрих, на конфиденциальный номер, по которому по телефону отвечала жена Солженицына. Сам он никогда первый не снимал телефонной трубки. На мою просьбу прислать копию «Открытого письма» Наталья Дмитриевна ответила: «...читайте английские газеты», – и положила трубку.

На следующий день пришло экспресс-письмо из Норвегии с русским текстом «Открытого письма» и его переводом на норвежский. Хегге сообщал, что они его на днях публикуют, но предоставят мне для ответа место на той же странице. Письмо воспроизводилось как «Копия письма в лондонский *Times*». Между тем в Лондоне оно не публиковалось. По русскому тексту, полученному из Осло, я сразу понял почему:

«Удивительным образом Ж.Медведев всегда знает, – писал Солженицын, – что сейчас приятно советскому правительству, и именно то и говорит, так уместно и умно, как не умеет весь платный аппарат агитпропа ЦК. ...И Нобелевские премии мира давали бы только такие, какие приятны советскому правительству, или уж тогда совсем никаких. И если требуется опорочить нашего национального героя, то избирается самое удобное место – Нобелевский институт. Напоминает Ж.Медведев: "Вы должны проанализировать и взвесить, насколько велик был вклад академика Сахарова в дело построения мира или РАЗЖИГАНИЯ ВОЙНЫ!"»

В *Aftenposten* это письмо было опубликовано 20 сентября. Первым на него ответил проф. И.Фогт, заявивший, что Нобелевский институт для лекции Медведева был выбран норвежским ПЕН-клубом и что фразы,

---

фигатов, которые принимались в магазинах «Березка». Обычные переводы выдавались банком в рублях по сильно заниженному курсу.

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

приведенная Солженицыным, в лекции не произносилась. Мой ответ “Medvedev svarer Solsjenitsyn” был напечатан 26 сентября. В Лондоне сообщение о письме Солженицына, но без его текста было опубликовано Дэвидом Флойдом в газете *The Daily Telegraph* 17 сентября. Русский текст «Письма Солженицына в газету *Таймс* печатался в *Русской мысли* (Париж) и в *Новом русском слове* (Нью-Йорк), а также в журнале *Посев* (Франкфурт-на-Майне). Эти же газеты опубликовали и мой ответ. В *Посев* я ответа не посылал.

Д.Флойд и А.Солженицын в Цюрихе. 1974

Путем интенсивной переписки и телефонных разговоров с друзьями в Париже и в ФРГ я смог до конца сентября выяснить следующее. В Норвегии по заданию НТС (Народно-трудовой Союз, правление которого находилось во Франкфурте) по всем итогам моего пребывания в Норвегии (лекция, телевизионное интервью и газеты в Осло) была составлена на русском языке анонимная записка на 6 страницах «Конспект выступлений Жореса Медведева в Осло», датированная 5 сентября.

Именно в этой «Записке» были слова о «разжигании войны», но без выделения их крупным шрифтом и без восклицательного знака. Эту «Записку» разослали в русские издания на Западе, на радиостанцию «Свобода» и нескольким известным советским эмигрантам. Среди них был и Владимир Максимов, который позвонил в Цюрих Солженицыну и попросил его дать ответ именно в *Таймс*. Дэвид Флорйд¹⁹, каждый день приходивший в дом Солженицына для переводов с английского, взялся продиктовать письмо в Лондон на английском. В конечном итоге, и я смог получить копию «Записки». Ее составлял явно русский, но много лет живший за границей. Аналогичная «Записка» для НТС была составлена и об итогах турне Ж.Медведева в США в апреле–мае.

Подтверждение этой версии было сделано через много лет, когда Солженицын опубликовал автобиографические воспоминания «Угодило зернышко между двух жерновов»:

«В сентябре 1974 Владимир Максимов²⁰ звонит мне тревожно в Цюрих – просит моего заступничества Сахарову: Жорес в Стокгольме назвал Сахарова "едва ли не поджигателем войны" и возражал против Нобелевской премии мира ему. Как всегда в таких поспешных передачах и нервных просьбах отсутствует достоверность, отсутствует текст, стенограмма – да где и когда их добудешь?.. И я ввергаюсь еще в одну передрягу: написать газетный ответ Жоресу на не слышанное и не читанное

---

¹⁹ Дэвид Флорйд – специальный корреспондент лондонской газеты «Дейли Телеграф» «по коммунистическим делам». Свободно владел русским и работал в *Foreign Office* по советским проблемам. Работникам секретных служб в Великобритании запрещался брак с женщинами из стран Советского блока, где они бывали по служебным делам. Д.Флорйд нарушил это правило, женившись на чешке. Был после этого уволен из *Foreign Office* и перешел на работу в газету «Дейли Телеграф». Встретил Солженицына сразу после его высылки, взяв интервью на второй день в доме Г.Белля. После этого сопровождал Солженицына в Цюрих и переводил его интервью и заявления. Александр Исаевич ему полностью доверял. Подозрения возникли после публикации Флорйдом в известном немецком журнале «Шпигель» «интервью» с Солженицыным, в котором Солженицыну приписывалось намерение создать «Международный трибунал» для суда над советскими вождями. Это была выдумка, после которой Солженицын перестал доверять Флориду. Эпизод описан Солженицыным в «Зернышке» (*Новый мир*. 1998. №9. С.82–83).

²⁰ Максимов Владимир Емельянович – советский писатель. Был исключен из ССР за публикацию за границей романа «Карантин». Уехал во Францию в 1973, где основал эмигрантский литературный журнал «Континент», финансировавшийся немецким медиамагнатом Шпрингером.

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

мною выступление... А все тот же угодник Флойд (еще не заподозренный, – это до *Шпигеля*) берется поместить его в *Таймс*. Я пишу в Штерненберге, Аля шлет телефонами в Лондон, – проходит день, второй, третий – что-то застряло, новые волнения, новые перезвоны, вдруг заявление появляется в *Дейли телеграф* в ослабленном, искаженном виде, – значит, уже в *Таймс* не будет. Почему? *Таймс* опасается слишком прямых выражений о Ж.Медведеве, которые могут быть опротестованы через суд...

И надо сказать, что *Таймс* почувствовал верно... по западным правилам, Жорес вполне мог и судиться. Но правоты-то за ним не было, и он не решился». В этом позднем объяснении нет логики. Не мог ведь я судиться по поводу «Письма», которое не было напечатано, именно из-за опасений возможности суда. Стокгольм перепутан с Осло. «Вот в таких издержках проходит первое лето на Западе», – суммировал Солженицын историю со своим «Открытым письмом».

Мне же теперь стало ясно, что Д.Флойд и В.Максимов ведут совместную кампанию против «братьев Медведевых» в союзе с НТС. Для Флойда это была четвертая попытка моей дискредитации, для Максимова – вторая. Других участников этой кампании я смог определить позднее. Но кто являлся «заказчиком», мне было еще не ясно. Я смог с этим определиться лишь через несколько месяцев после многочасовой «беседы» с двумя сотрудниками Британской контрразведки, пригласившими меня письмом из Foreign Office в комнату 055 в здании Министерства обороны Объединенного королевства.

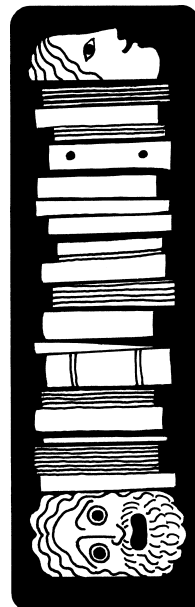
(Продолжение следует)

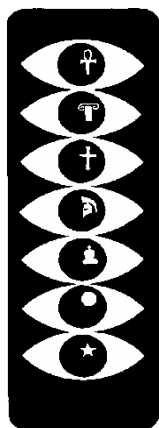
Международные дела могут вестись
листочками бумаги,
но использованные чернила –
это человеческая кровь.

Эрик Эмблер

Примирение с врагами говорит
лишь об усталости от борьбы, о
боязни поражения и о желании
занять более выгодную позицию.

Франсуа де Ларошфуко

Виктор Мальков

**«ЧЕЛНОЧНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ»
ГАРРИ ГОПКИНСА**

К ИСТОРИИ ПИСЬМА И.В.СТАЛИНУ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

327.82; 93/94(100)"1939/45"

Во время самого длительного мирового кризиса – Великой депрессии и Второй мировой войны – ближе всего к президенту США Ф.Рузвельту находился Гарри Гопкинс. Как советник и личный представитель Рузвельта на международных переговорах он показал свои лучшие качества – интеллект и искусство вести переговоры с мировыми лидерами. Осенью 1941 г. Гопкинс превратился в ключевую фигуру в советско-американских отношениях. Огромное значение в этом сыграл его визит в Москву в конце июля 1941 г. В центре статьи – неизвестное письмо Гопкинса И.В.Сталину от 12 сентября 1941 г. и обстоятельства, вызвавшие его.

During the World longest crisis – the Great Depression and the Second World War – in the USA one man stood nearest to the president Franklin D. Roosevelt. It was Harry L. Hopkins – trusted and loyal lieutenant of the president. From his work as a social worker in the New Deal through his most dangerous assignments during the war Hopkins demonstrated his best qualities – intellect and the art of creative diplomacy in negotiations with world leaders. By the fall of 1941 Hopkins became a key figure in US-Soviet relations. The main part of the article deals with the unknown Hopkins' letter to Stalin written by the special presidential envoy after his Moscow visit in July 1941.

Ключевые слова: Вторая мировая война; челночная дипломатия; Рузвельт; Черчилль; Сталин; Гопкинс; антигитлеровская коалиция; ленд-лиз; миссия Гопкинса в Москву.

Key words: The Second World War; shuttle diplomacy; Roosevelt; Churchill; Stalin; Hopkins; lend-lease; antinazis coalition; Hopkins visit to Moscow.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

Гарри Гопкинс – выдающаяся фигура в дипломатической истории Второй мировой войны. Ближайший советник президента Рузвельта, директор программы «Ленд-лиз», координатор «Манхэттенского проекта», участник международных конференций в Ардженте (Ньюфаундленд), Вашингтоне, Квебеке, Касабланке, Каире, Тегеране и Ялте. А также исполнитель множества «мелких» поручений президента, как правило, носивших чрезвычайный характер и от выполнения которых зависела жизнедеятельность «Великого Альянса», его внутренний тонус и прочность на разрыв. Он олицетворял собой особый тип исполнителя. Отдавая дань бесстрашию, энергии и природной сообразительности этого самобытного деятеля, в журналистских кругах его называли «личным госдепартаментом» президента. Доверительность отношений между Рузвельтом и Гопкинсом была столь велика, а востребованность общения с внешним миром Гопкинса как спичрайтера столь необходима после перехода вермахтом границ Бельгии и Голландии, что Рузвельт 10 мая 1940 г. настоял, чтобы его советник поселился в Белом доме. Так он всегда был «под рукой» в случае возникновения критической ситуации. Гопкинс занял апартаменты на втором этаже, некогда служившие кабинетом президенту А.Линкольну. Удивительное соседство президента и советника длилась вплоть до осени 1943 г.

Г.Гопкинс и Ф.Рузвельт

Гопкинс – бывший социальный работник, вынесший на своих плечах в годы Великой депрессии тяжелейший груз организации системы помощи обездоленным и организации системы общественных работ для безработных. Он ненавидел паркетных шаркунов из Государственного департамента, погрязших в фобиях и бюрократических стереотипах. Став «порученцем» и одновременно ближайшим советником президента по международным делам, Гопкинс продемонстрировал неординарный дар видеть картину мира в реальном свете, пронизательность, великолепную интуицию и очень точный глазомер при подборе соисполнителей, помощников и порученцев. В плане выстраивания отношений с высокими должностными лицами по антигитлеровской коалиции данное качество приобретало особое значение, так же как и чутье на подлинность и ложь, верность слову и долготерпение в переговорах. Очень хорошо этот набор достоинств Гопкинса, человека с репутацией неконформиста, характеризует отрывок из воспоминаний сына Ф.Рузвельта Эллиота, дружившего с Гопкинсом и оказавшегося рядом с отцом в сентябре 1941 г. во время встречи с У.Черчиллем в Арджантеи. Решался вопрос о военно-политическом сотрудничестве США и Англии и выработке платформы антигитлеровской коалиции. Другими словами, речь шла о спасении Англии, находившейся на грани катастрофы в войне с Германией после капитуляции Франции и неудач Красной Армии в Белоруссии, на Украине и в Прибалтике.

Рузвельт сказал Эллиоту, что одной из важнейших тем его разговора с Черчиллем будут планы поставок оружия для британских вооруженных сил. Премьер-министр явно нервничал, опасаясь оказаться в проигрыше.

«– Их беспокоил вопрос, какую часть производимых нами материалов, – говорил Рузвельт, – мы намерены отдавать русским.

– И что же?

– Мне уже известно, насколько премьер-министр верит в способность России продолжить войну.

– Отец жестом показал, что эта вера равна нулю.

– Очевидно, ты веришь в них больше, чем он?

– Гарри Гопкинс верит больше. А он способен убедить и меня»¹.

---

¹ Рузвельт Э. Его глазами. Пер. с англ. М., 2003. С.57.

Способность России продолжать войну и судьба Англии оказались сплетены в один тугой узел. Обе страны были заинтересованы в поставках оружия, и Рузвельту предстояло принять решение. Гопкинс настоял на оптимальном варианте с учетом интересов Лондона и Москвы. А еще раньше он занял отчасти более твердую позицию против мюнхенцев и умиротворителей Гитлера. Гопкинс полагал, что в критической ситуации после начала войны в Европе 1 сентября 1939 г. у Англии, а стало быть и у США, стоявших лицом к лицу перед японской угрозой на Тихом океане, не будет другого реального союзника, кроме Советского Союза. Предвидение имело под собой серьезную почву. Однако ни Гопкинс, ни Рузвельт не выдавали своих мыслей. Провозгласив себя противником изоляционизма и назвав своих оппонентов откровенными пособниками Берлина и Рима, Рузвельт избрал тем не менее стратегию выжидания. «Главное сейчас – выиграть время, работающее на мирные страны»².

Так комментировали политику Рузвельта внешнеполитические аналитики, разбираясь в хитросплетениях мировой политики. В условиях неподготовленности Англии, Франции, США к войне она казалась многим просто неизбежной. Но в такой же отсрочке нуждался и Советский Союз. И это в Вашингтоне тоже хорошо понимали, зная состояние его вооруженных сил. Гопкинс принадлежал к числу сторонников вышеозначенной хитроумной стратегии, считая, что она могла бы содействовать «ровным отношениям» между США и СССР, которым суждено будет сыграть свою роль в случае вполне вероятного военного конфликта между СССР и Германией, несмотря на пакт Молотова–Риббентропа.

Это предчувствие уготованной Советскому Союзу судьбы быть важным, а может быть и важнейшим, фактором в глобальной войне стало главным убеждением Гопкинса еще в дни Мюнхена, сблизившим его с теми деятелями американского антифашизма, которые сохраняли симпатии к Советскому Союзу, несмотря на эксцессы сталинского руководства. Другого выхода не было. Мужество англичан, проявленное в битве за Англию, не спасало. Страна в целом, судя по

---

² *Временный поверенный в делах СССР в США К.А.Уманский в своей телеграмме в НКВД СССР от 18 апреля 1939 г. с похвалой отзывался об этой расчетливой стратегии Рузвельта, также полагая, что агрессор не заинтересован в отсрочке большой войны (См.: Советско-американские отношения 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов. М., 2003. С.717).*

посланиям У.Черчилля, почти паническим, уже летом 1940 г. была близка к катастрофе, т.е. к капитуляции перед Гитлером. Американская помощь в виде поставок по ленд-лизу – наспех придуманному закону о передаче военной помощи «взаймы или в аренду» – могла и не успеть. Прибывшее же в Вашингтон подкрепление в лице главного теоретика экономики новейшего капитализма лорда Джона Мейнарда Кейнса скорее символизировало крик о помощи, чем миссию построения эффективного взаимодействия двух стран ради обороны на базе ленд-лиза. Гарантия успеха заключалась не в идее передачи займы Англии военного снаряжения и не в Кейнсе, а в исключительных способностях Гопкинса, который мог выжать из новейшего «изобретения» Рузвельта максимум полезного в счет будущего, одновременно не делая Америку стороной конфликта. Строго секретно Гопкинс получает задание заняться военно-мобилизационными мероприятиями на оборонных предприятиях на западе страны. Военные приготовления вытесняли заботы о латании дыр в экономике и занятости в кругу обязанностей Гопкинса³.

С этого рубежного момента в конце декабря 1940 г., проявившегося в целом ряде ответственных заявлений президента Рузвельта и скрытых от глаз публики действий его «заместителя», как назвал Гопкинса его биограф, начинается поспешный поиск способов спасения Англии и стратегического плана собирания коалиции, способной противостоять державам «оси». Надежд было немного, если не считать высокого духа англичан, хладнокровия Черчилля перед потерями от немецких бомбардировок и готовности многочисленных эмигрантских правительств (Норвегия, Польша и др.) участвовать в распределении американской материальной помощи по долевному принципу. Критические отклики американской прессы на взбудораживший всех визит Гопкинса в Англию заставили «личного представителя» президента стараться не быть замеченным в общении с первыми лицами английской политики и не раздавать обещаний. Прилетев в Англию 8 января 1941 г., Гопкинс избегал публичности и приемов с коктейлем, предпочитая в частных беседах знакомиться с личными качествами своих важных собеседников. Одним из первых встретивших его в Лондоне старожилов был знаменитый радиобозреватель «Коламбия Бредкастинг Систем» Эдвард Мэрроу, который пытался расспросить Гопкинса о «вашингтонской карусели», но через мгновение сам стал

---

³ Adams H.H. *Harry Hopkins. A Biography*. N.Y., 1977. P.140–143.

объектом пытливых расспросов. Все, что Гопкинс сказал ему о собственной миссии, он вложил в следующую туманную фразу: «Все, что вы можете сказать обо мне, это то, что я приехал сюда попытаться найти способ стать катализатором общения двух примадонн»⁴. Примадонны – это президент и премьер. В промежутке между разъездами по стране он был принят 30 января в Букингемском дворце королем Георгом и королевой Елизаветой.

Было очевидно, что Гопкинс сознательно преуменьшал значение своей миссии. Она скорее носила исследовательский, даже разведывательный, характер по отношению к лондонскому аристократическому обществу, к политической элите и медийным кругам – иными словами, к «политическому салону», вершившему делами. Разоткровенничавшись, он скажет Мэрроу: «Я попытаюсь понять Черчилля и людей, с которыми он встречается по ночам». Он был осведомлен о словах Черчилля, что тот собирается выслать Ллойд Джорджа из страны в случае вторжения Гитлера, чтобы не дать последнему сделать лидера английских либералов главой марионеточного квазисамостоятельного правительства⁵. Политический кризис мог разразиться в любую минуту.

Обсуждался ли между премьер-министром и «личным представителем» президента вопрос об изменении в военной стратегии Гитлера, о плане «Барбаросса» (от 18 декабря 1940 г.)? Ничего об этом не известно. А между тем и в Лондоне, и в Вашингтоне уже к концу 1940 г. была получена информация о решении Гитлера воевать на два фронта⁶. Месяцами, пишет современный американский историк, в посольствах и в разведывательных кругах на Западе распространялись слухи о скором нападении Германии на СССР⁷. К моменту отъезда Гопкинса из Лондона 8 февраля 1941 г. в военных ведомствах обсуждались первые итоги советско-финской войны и строились предположения о новой перегруппировке сил на мировой арене.

---

⁴ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, *an Intimate History*. In 2 Vols. N.Y., 1948. Vol.1. P.289.

⁵ McJimsey G.T. *Harry Hopkins. Ally of the Poor and Defender of Democracy*. Cambridge (Mass.), 1987. P.136. А также см.: Черчилль У. *Вторая мировая война*. В 3-х кн. Пер. с англ. М., 1991. Кн.1. Т.1–2. С.113–114.

⁶ Persico J.E. *Roosevelt's Secret War. FDR and World War II Espionage*. N.Y., 2001. P.98–101.

⁷ Brands H.W. *Traitor to His Class. The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt*. N.Y., 2008. P.592.

Как отразилась вся эта важная информация в разговорах Гопкинса с Черчиллем, приходится только догадываться. Имеющиеся документы об этом умалчивают. Скорее всего, она была принята к сведению. А возможно, и повлияла на желание Гопкинса обеспечить лучшие условия материально-технической помощи Англии и на ускорение принятия Конгрессом США закона о ленд-лизе⁸. Важно вместе с тем отметить, что Белый дом предусмотрел в нем возможность распространения его действия и на СССР. В Москве, видимо, были осведомлены об этих нюансах. Было ясно, однако, что подобрать ключи к Кремлю после всех его опасений по поводу вероятного англо-германского сепаратного мира будет очень трудно, если не полностью бесперспективно. Заметим, что состоявшийся 10 мая 1941 г. полет в Англию Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера по нацистской партии, только лишней раз подтвердил невозможность установить какой-либо контакт со Сталиным на предмет согласования любых превентивных мер⁹.

Гопкинс вообще сомневался, что даже при особом «расположении звезд» Англия и Советский Союз смогут наладить тесные отношения друг с другом¹⁰. Поэтому шансы использовать вероятность все большего охлаждения между Германией и СССР и налаживания серьезных контактов Англии и СССР он ставил невысоко. Будущее показало, что это было то ли ошибкой, то ли недооценкой некоторых жестов Черчилля. Но, так или иначе, было очевидно, что при всех обстоятельствах львиная доля материально-технической помощи, по мнению Черчилля, должна была принадлежать Англии, а всякая помощь (если вообще она могла состояться) Советскому Союзу ограничена минимумом. Антигитлеровская коалиция зарождалась трудно. Гопкинс даже не был убежден, что А.Иден, всегда критиковавший политику умиротворителей, придерживается твердых антигерманских настроений. Уж если Черчилль отказывал в патриотизме престарелому Ллойд Джорджу, все могло случиться под небом «Туманного Альбиона». В Атлантике разворачивалась подводная война, и никто не знал, чем она кончится.

---

⁸ Черчилль У. *Вторая мировая война. В 3-х книгах. Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн.1. Т.1–II. С.548.*

⁹ *Подробнее см. в фундаментальном исследовании: Городецкий Г. Миф «Ледокола» накануне войны. Пер. с англ. М., 1995. С.179–254. О том же писал и Черчилль (См.: Черчилль У. Указ. соч. М., 1991. Кн.2. Т.III–IV. С.35).*

¹⁰ *Kimball W.F. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P.92.*

Во время затянувшегося на целый месяц (9 января – 8 февраля 1941 г.) визита Гопкинса в Англию и вопреки тому, что круг его специальных интересов простирался достаточно далеко, его встречи носили вынужденно избирательный характер. Сказалась боязнь скомпрометировать Рузвельта вниманием к откровенно германофильским, прогитлеровским группировкам. Он избегал, например, встреч с леди Астор, устроительницей великосветского салона, богатой покровительницей фашиствующих элементов в консервативной партии. Поместье Асторов в Клайвдене стало колыбелью «клайвденской клики», источником прогерманских интриг и пропаганды, готовым в любой момент взять на себя ответственность теневого «Форин офиса» и добиваться выхода Англии из войны. Равнодушный к роскоши и аристократии, все равно по крови или по удачливости в денежных делах, Гопкинс каждый раз отклонял навязчивые приглашения побывать у леди Астор и ее друзей¹¹. Ему достаточно было видеть и по другим признакам, насколько опасна была ситуация для стабильности военного кабинета У.Черчилля.

Характерно, что и сам Черчилль мог быть удостоен резкой отповеди Гопкинса с оттенком чисто личного, а вовсе не предписанного инструкциями сверху отношения к упованиям Черчилля выбраться из беды за счет кого-то другого. Существует очень яркий рассказ Аверелла Гарримана, хорошо знавшего все детали тогдашней обстановки в Англии и всех персонажей только что начавшейся драмы, когда не все еще ощущали ее масштабы и предстоящие впереди жертвы и потери. Бывший посол США в СССР (1943–1946) начинает с эпизода прибытия Гопкинса в Англию и его первой же встречи с Черчиллем в местечке Дитчли вблизи Лондона, где во избежание ударов немецкой авиации размещалась временная резиденция премьер-министра. «После обеда, в первый же вечер в Дитчли, когда женщины ушли к себе, Черчилль начал говорить о послевоенных планах и о будущей счастливой жизни сельских жителей. Он был буквально поражен оборвавшим его Гопкинсом. "Мне наплевать на ваших сельских жителей. Я приехал сюда с тем, чтобы понять, как мы можем разбить этого сукиного сына по имени Гитлер". После минуты молчания Черчилль вскочил и предложил Гопкинсу проследовать за ним в библиотеку. Закрывшись в библиотеке, они

---

¹¹ Adams H.H. *Op. cit.* P.208.

проговорили до 4-х часов утра, обсуждая вопрос, как вести войну против гитлеровского Третьего рейха»¹².

Г.Гопкинс и У.Черчилль

Черчилль несколько не обиделся на Гопкинса за его весьма нелицеприятные слова. Очень многие отмечали, что тот умел придавать сказанному грубому слову различные оттенки свойственного ему, по признанию самого Черчилля, «язвительному юмору». К тому же хорошо было известно, как пишет Гарриман, что «очень давняя близость Гопкинса к Рузвельту давала ему возможность быть искренним по всем самым чувствительным вопросам»¹³. Непримиримо относившийся к Третьему рейху Черчилль вынужден был сносить критику Гопкинса по поводу неразберихи и не вполне ответственного отношения к организации обороны Англии. Одним словом, обиженным Черчилль

---

¹² *Harriman W.A. Foreword // Adams H.H. Op. cit. P.15, 16. – Гарриман сделал специальное примечание к этой истории: «Об этом эпизоде мне рассказал Дэвид Маргесон, бывший тогда государственным секретарем по военным делам, который присутствовал на обеде. Его рассказ в чем-то отличается от свидетельства других присутствовавших, но я убежден, что он является живым описанием тех ощущений, которые Черчилль испытал при первой встрече с прибывшим в Лондон Гопкинсом».*

¹³ *Ibidem.*

себя не чувствовал. По большому счету взгляды Черчилля и Гопкинса совпадали.

Отличия имелись, но они относились к глубине недоверия к позиции отозванного Рузвельтом в октябре 1940 г. из Лондона посла США Джозефа Кеннеди. Последний открыто и демонстративно поддерживал мюнхенца Невилла Чемберлена и требовал выхода Англии из войны с Гитлером под тем предлогом, что в случае продолжения она приведет к победе красных¹⁴. Гопкинс категорически отвергал этот вариант, полагая, что он ведет в будущем к удалению Советского Союза из перечня союзников и к полной глобальной катастрофе. Черчилль же допускал какие-то «просветы» и компромиссные решения с Гитлером в случае, если обстановка в США изменится в пользу изоляционистов или прямых сторонников отказа от рузвельтовского курса в пользу политики нейтралитета. Сразу же после отъезда Гопкинса из Лондона в марте 1941 г. Уинстон Черчилль и Клементина Черчилль принимали на Даунинг Стрит, 10 профессора Джеймса Конанта, президента Гарвардского университета и одного из руководителей созданного рузвельтовскими распоряжениями «Манхэттенского проекта». В каком-то смысле Конант был «простым американцем, дышавшим со всеми своими соотечественниками одним воздухом, кого было принято называть "корнями травы". Он сказал: "К великому несчастью, великое множество людей в Америке жаждут удержать Америку вне войны любой ценой..."»¹⁵

Что могло быть более убийственным для Черчилля, вынужденного наблюдать, как немцы захватывают одну за другой европейские страны: Польшу, Францию, Норвегию, Данию, Бельгию, Голландию, Югославию? А тем временем генерал Эрвин Роммель хозяйничает в Северной Африке. Премьер-министр видел, что положение Англии становится совсем безнадежным, если американцы не вступят в войну, даже формально не объявляя ее. Черчилль был близок к панике, его раздражали непонятные (для него) медлительность Рузвельта, публичные заявления президента о желании американцев «оставаться вне войны» и невозмутимость Сталина. Гопкинс даже опасался, что «игра в поддавки» может кончиться «замирением» Черчилля с Гитлером на почве уступок в колониальной политике и «русском вопросе». Чуть позднее, в самом начале сентября 1941 г., когда после нападения

---

¹⁴ Beschloss M.R. *Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance*. N.Y., 1980. P.214, 235.

¹⁵ Meacham J. *Franklin and Winston. An Intimate Portrait of Elic Friendship*. N.Y., 2004. P.101.

Германии на СССР был снят вопрос о его участии в войне, в ходе своего разговора с Рузвельтом Гопкинс, опираясь на свои впечатления о встречах в Англии, прямо указал на «в высшей степени депрессивное состояние» английского премьера и на близость общего кризиса в Великобритании. Эти впечатления были отражены и задокументированы в специальном меморандуме Гопкинса от 2 сентября¹⁶. В сущности это было обобщенное представление о единственно возможном тогда спасительном пути остановить гитлеровскую агрессию – сплочении трех великих держав.

Время давно уже было упущено, но какие-то шансы сохранились. Много зависело от дипломатического маневрирования, тем более что и в Лондоне, и в Вашингтоне, и в Москве работали выдающиеся дипломаты, настроенные позитивно к возобновлению контактов между тремя странами. Они примерно одинаково трактовали стратегический план Гитлера, открыто направленный против Великобритании, подразумевающий «окончательное решение русского вопроса» и выходящий за пределы Европы. Вполне определившееся уже во второй половине 1940 г. направление гитлеровской агрессии естественным путем приводило к сближению точек зрения на высшем уровне, пониманию тех или иных дальнейших шагов агрессора и неизбежности вооруженного сопротивления ему, чего бы это ни стоило.

Черчиллю давали это понять (чаще на неофициальном, нежели официальном, уровне)¹⁷ в долгих беседах с И.М.Майским, лордом Бивербруком и деятелями культуры Англии, с симпатией относившимися к Советскому Союзу. В Америке, остающейся нейтральной и уже убежденной, что Англия обречена¹⁸, преобладали исключительно фаталистические настроения. Накануне выборов в ноябре 1940 г. Рузвельт пообещал избирателям, что их сыновья не будут участвовать ни в одной войне за рубежом, но уже в марте 1941 г. он пробил через Конгресс закон HR-1776 о военной помощи воюющим с Гитлером странам (закон о ленд-лизе). Гопкинс участвовал в рождении

---

¹⁶ *Franklin D.Roosevelt Library (далее – FDRL). Papers of Harry L.Hopkins. Sherwood Collection. Box 308. Hopkins' Memorandum, September 2, 1941.*

¹⁷ *Робертс Дж. Черчилль и Сталин. Эпизоды англо-советских отношений (сентябрь 1939 – июнь 1941 года) // Война и политика 1939–1941 / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 1999. С.142–145.*

¹⁸ *Об этом см. в новой книге: Stone O., Kuznick P. The Untold History of the United States. N.Y., 2012. P.89.*

идеи этого закона и был одним из самых активных «теневых» лоббистов отмены «морального эмбарго» на торговлю с СССР, введенного в связи с советско-финским конфликтом. Он настаивал, рискуя прослыть «подпольным попутчиком» левых, на максимальной гибкости в определении того, какие страны могли войти в перечень имеющих право на помощь по ленд-лизу¹⁹. Президент и, естественно, сам Гопкинс были осведомлены о планах Гитлера напасть на Советский Союз, и принятые меры были верхом благоразумия, хотя сами по себе они реально ничего и не решали. Америка все еще не желала ничего слышать о войне.

Однако первым шагом в заданном самой историей направлении было решение президента назначить Гопкинса в начале марта 1941 г. исполняющим директором программы ленд-лиза с временной «резиденцией» в Белом доме. Став фактически главным администратором ленд-лиза и одновременно концентрируя в своих руках огромный аппарат системы общественных работ, он получил возможность направить трудовые ресурсы страны на создание объектов двойного назначения, строительство которых не было подконтрольно Конгрессу или местным властям. В скором времени он передал руководство военизированными объектами своему заместителю – армейскому офицеру, полковнику Харрингтону.

Выступив негласно в роли руководителя военной мобилизации, Гопкинс вынужден был глубже вникнуть в стратегические планы воюющих стран. Самые первые впечатления были двойственными, скорее даже пессимистическими. Позднее в докладе президенту он отмечал сомнительность расчетов руководителей английского военного кабинета выиграть войну с Гитлером, наращивая «постепенно» превосходство в воздухе и избегая ввода в действие больших масс сухопутных сил. Вполне логичным для такого образа мышления был и отказ английского министра иностранных дел А.Идена видеть поначалу в лице Советского Союза потенциального союзника²⁰. Подобная точка зрения и в военно-стратегическом, и в политическом отношении Гопкинсу представлялась, по крайней мере, легковесной, близорукой и даже пораженческой. Фактически – в этом он был убежден, – Англия,

---

¹⁹ Kimball W.F. *The Most Unsordid Act. Lend-Lease 1939–1941*. Baltimore, 1969. P.189; McJimsey G. *Op. cit.* P.151–155.

²⁰ Adams H.H. *Op. cit.* P.202–204. См. также: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. *Политическая биография*. М., 1968. С.325.

даже с учетом высокого морального духа народа и материальной поддержки США, продолжая войну в одиночку, могла думать только об обороне. Последующие события подтвердили, что тревожные предчувствия близкой катастрофы, охватившие Гопкинса, были более оправданны, чем мечтательность многих его собеседников (включая Черчилля) в Англии. Военные поражения на Ближнем Востоке и на Балканах весной 1941 г. привели Англию, пишет видный американский исследователь Бёрнс, на грань полного стратегического краха. В мае англичане оставили Крит. Английский флот в Атлантике понес тяжелые потери от немецких подводных лодок. Тонкая нить снабжения Англии продовольствием и военными материалами грозила вот-вот оборваться. Между тем президент США вопреки ожиданиям Лондона отказался пересмотреть свое решение о конвоировании судов, не позволявшее американскому военно-морскому флоту выполнять охранные функции. Это был один из тех случаев, когда Гопкинс не согласился с позицией своего патрона²¹.

О нападении Гитлера на Советский Союз в Вашингтоне стало известно поздно вечером в субботу 21 июня 1941 г. Шервуд, передавая реакцию Гопкинса на это радиосообщение, не скрывает, что оно исторгло у него вздох облегчения: «Гитлер повернул налево»²². Ключевая мысль: непосредственная угроза смертельного удара по Англии – этой передовой линии обороны США – отведена. Восточный фронт становится основным и главным театром военных действий. Какую позицию следовало занять Соединенным Штатам? Этот вопрос из плоскости чистых предположений перемещался в плоскость реальной политики. Госдепартамент имел готовый ответ: стараться держаться на дистанции, проявлять «сдержанность», не идти на сближение с СССР, если Москва это предложит, строго дозировать размеры помощи военными материалами, руководствоваться соображениями «целесообразности». Но что такое «целесообразность» и как ее понимать? В правительстве США на этот счет не было единого мнения. Дневники Оскара Кокса, ближайшего помощника и советника Гопкинса по администрации ленд-лиза, показывают, что Гопкинс, например, считал необходимым для правительства США без промедления объявить о своей поддержке Советского Союза и о распространении на него закона о ленд-лизе. Задание подготовить специальный меморандум с изложением доводов в пользу этой позиции

---

²¹ Adams H.H. *Op. cit.* P.222; Burns J.M. *Op. cit.* P.77, 88, 91, 101.

²² Sherwood R. *Op. cit.* V.1. P.494.

Кокс получил уже 22 июня 1941 г. Обычно точно улавливавший все оттенки мысли своего патрона, Кокс утром 23 июня передал ему все необходимые материалы. Пакет содержал три обширных меморандума:

- один обосновывал законность оказания Советскому Союзу военной помощи в рамках программы ленд-лиза;
- другой призывал президента немедленно сделать «заявление в поддержку России»;
- наконец, третий определял общие принципы, которыми следовало руководствоваться в связи с началом военных действий на Восточном фронте (автор озаглавил его «Три параграфа в связи с русской ситуацией»)²³.

Основная идея документа действительно укладывалась в рамки своеобразной триады. *Первое*. Россия всегда со времен «Майн кампф» рассматривалась Гитлером как «самый опасный враг и одновременно как важнейшее препятствие для осуществления его планов завоевания мирового господства». *Второе*. Сражаясь с Гитлером и изматывая агрессора, Россия не только делает недоступными для Германии ресурсы своей огромной территории, но и лишает ее «надежды на реализацию планов закабаления мира». *Третье*. «Практические соображения», которыми должны руководствоваться в сложившейся ситуации США, совершенно ясны: в интересах самих Соединенных Штатов («нравятся им или не нравятся различные аспекты внутренней и внешней политики России») оказывать ей всю возможную помощь²⁴.

И Гопкинс, и Кокс не могли не знать, что их точка зрения на «русскую ситуацию» плохо или вообще не согласуется с позицией влиятельных финансово-промышленных кругов, связанных с германским капиталом, военных деятелей, многих ведущих политиков в Конгрессе, да и в самой администрации. Многим, слишком многим в правящих кругах поражение Советского Союза представлялось сверхжелательным. Сенаторы Р.Тафт (республиканец) и Г.Трумэн (демократ) заявили, что победа «коммунистов» в войне с нацизмом для американского народа так же и даже более опасна, чем завоевание России Гитлером. Американский народ в своем подавляющем

---

²³ FDRL. O.Cox. Papers. Box 145. Diaries and Related Material, 23.VI.1941.

²⁴ Ibidem. – Рузвельт, выступая на пресс-конференции 24 июня 1941 г., высказался за предоставление помощи СССР. Причем сделал это примерно в тех же выражениях, что были в меморандуме Кокса, но уклонился от ответа на вопрос, какие формы она может принять и возможно ли распространение ленд-лиза на Советский Союз (New York Times, 25.VI.1941).

большинстве так не считал, о чем свидетельствовали опросы общественного мнения. В то же время для сбитого с толку пророчествами о неизбежном и скором поражении Советов американца найти верную позицию в этом потоке обрушившихся на него противоречивых и тенденциозных сообщений, предположений и прогнозов было делом сложным.

Выступление президента могло бы внести ясность и содействовать правильной ориентации американской общественности в принципиально новой ситуации. По-видимому, вопрос о таком выступлении Рузвельта обсуждался в Белом доме. В архиве Гопкинса хранится текст подготовленного для президента заявления в Конгрессе в связи с нападением Германии на Советский Союз. Рабочий вариант речи датирован 27 июня 1941 г. Интересно отметить, что основной тезис документа выглядит как контраргумент против доводов сторонников поражения Советского Союза («Поражение России освободит нацистов от угрозы на Востоке и позволит им обрушиться со всей силой против Запада»). Быть или не быть на стороне Советского Союза в этой войне с фашизмом для США это не вопрос, что предпочесть – выгоды нейтралитета или жертвы во имя общей победы. Речь идет о жизни и смерти американской нации, о существовании США как независимого государства. Эта центральная мысль была выражена в документе весьма образно и даже драматично. «Нападение нацистов на Россию, – говорилось в нем, – создает для нас одновременно и величайшую опасность, и величайшую возможность. Мы должны воспользоваться этой возможностью, пока опасность не стала для нас роковой»²⁵. Эта речь не была произнесена Рузвельтом – еще одна уступка правой оппозиции. Бёрнс считает также, что, находясь под впечатлением ежедневных докладов военных и посла в Москве Штейнгардта о безнадежности сопротивления русских, президент психологически не был еще готов принять решение, к которому его подводил весь ход событий²⁶.

Между тем с каждым днем Гопкинс все более убеждался, что информация, поступающая по каналам прессы, Госдепартамента и военного ведомства, односторонняя и ненадежная. У него не было особых оснований доверять Штейнгардту – человеку, плохо знавшему страну пребывания и склонному скорее верить слухам и сплетням, чем трезво анализировать объективное положение вещей. Гопкинс больше

---

²⁵ *FDRL. Papers of Harry L.Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. "To the Congress of the United States of America, 27.VI.1941"*.

²⁶ *Burns J.M. Op. cit. P.112.*

всего полагался на мнение Джозефа Дэвиса, подготовившего для него 7 июля специальный меморандум с оценкой всех «за» и «против» в отношении реальных предпосылок военного, экономического и дипломатического сотрудничества СССР и США в войне с гитлеровской Германией.

Общий вывод Дэвиса был абсолютно однозначен:

1. У США нет иной альтернативы помимо установления такого сотрудничества.
2. Советский Союз и его армия, несмотря на неудачи первых дней войны, располагают всеми возможностями преодолеть вызванные вероломным нападением трудности и нанести военное поражение вермахту²⁷.

По-видимому, во время беседы Гопкинса с Дэвисом 7 июля в Белом доме и родилась идея о поездке Гопкинса в Москву с целью ознакомления на месте с положением на советско-германском фронте и установления личных контактов с советскими руководителями. Вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, обсуждались также во время длительной беседы Рузвельта с Гопкинсом 11 июля. Назавтра стало известно, что Гопкинс снова летит в Лондон, и одновременно было обнародовано ответное послание Рузвельта на приветствие М.И.Калинина по случаю Дня независимости. Тон телеграммы президента позволяет судить, в каком направлении шло обсуждение в Овальном кабинете перспектив советско-американского военного сотрудничества. Американский народ, говорилось в ней, «связан с русским народом крепкими узами исторической дружбы, поэтому вполне естественно, что он следит с сочувствием и восхищением за мужественной борьбой, которую ведет в настоящее время русский народ в целях самообороны»²⁸.

Пребывание Гопкинса в Лондоне в этот раз было насыщено важными событиями неотложного характера. Встречи с Черчиллем, высшими чинами английского генералитета, советским послом И.М.Майским, выступления по радио. В 20-х числах стало известно о готовности советского правительства принять Гопкинса²⁹. 25 июля он шлет длинную телеграмму Рузвельту с настойчивой просьбой разрешить ему поездку в Москву. Согласие президента было получено незамедлительно. Перед

---

²⁷ FDRL. *Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 305. Joseph E. Davies to Hopkins, 8.VII.1941.*

²⁸ *Правда. 1941. 12 июля.*

²⁹ *Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1965. С.162.*

отлетом Гопкинс успел произнести по лондонскому радио речь, первый вариант которой, по его собственным словам, очень походил на объявление войны Германии³⁰. Орудя пером, Гопкинс смягчил отдельные места, но сказал о решимости президента США разбить Гитлера и оказать «всякую возможную помощь России и притом немедленно»³¹. 29 июля Гопкинс совершил 20-часовой рискованный перелет над Арктикой из Инвергордона в Архангельск. Разведывательный самолет английских ВВС типа «Каталина» не отличался комфортабельностью, и Гопкинсу пришлось проделать все путешествие в неотапливаемой кабине стрелка-радиста в хвосте самолета. К счастью, все, что от него потребовалось, это вести наблюдение за воздухом, но испытание холодом было самым жестоким. Теплая встреча в Архангельске позволила насквозь промерзшему и полубольному Гопкинсу найти силы для следующего четырехчасового перелета в Москву.

Первая же беседа с послом Штейнгардтом 30 июля подтвердила, как мало тот знал о реальной ситуации. После короткого отдыха Гопкинс потребовал устроить ему автомобильную поездку по улицам Москвы. Первое, что бросилось в глаза, – спокойствие и размеренность ритма жизни. Атмосфера в Лондоне была куда более «прифронтовой», хотя немцы не угрожали прямым образом столице Англии. Все, что увидел Гопкинс, совсем не сочеталось с почти паническим настроением Штейнгардта и его помощников. В тот же день вечером Гопкинс был принят в Кремле И.В.Сталиным. Встречи с главой Советского правительства 30 и 31 июля произвели большое впечатление на личного представителя президента США. И не только потому, что Гопкинс вопреки предположениям получил совершенно откровенную, точную и исчерпывающую информацию о положении на фронте, сильных и слабых сторонах вермахта, причинах временных неудач Красной Армии, стратегических планах советского командования и проблемах материально-технического снабжения армии. Больше всего Гопкинса поразила твердость и убежденность, с которой И.В.Сталин говорил о стабилизации фронта в ближайшие два–три месяца, и высочайшая решимость народа добиться победы. Уходя из Кремля 31 июля после четырехчасовой беседы, Гопкинс знал, что ни Москва, ни Ленинград не будут сданы противнику, хотя за это придется заплатить дорожную цену³².

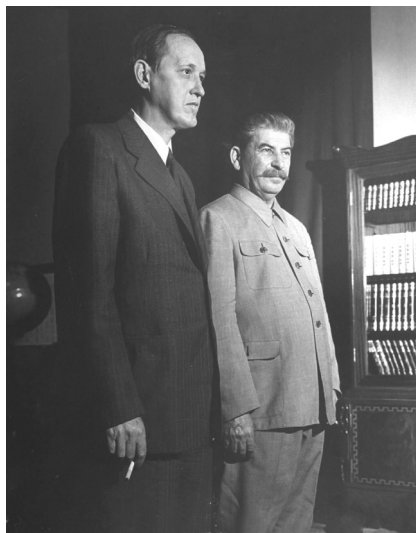
³⁰ *Sherwood R. Op. cit. V.I.P.516.*

³¹ *Правда. 1941. 29 июля.*

³² *FDRL. Papers of Harry L.Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Memorandum*

Русские выстоят – это бесспорно. Но значит ли это, что США могут ограничить свой вклад в борьбу с фашизмом поставками военных материалов, производство которых еще только предстояло наладить, сохраняя к тому же статус невоюющей, нейтральной державы? На этот законный вопрос, заданный ему в Москве, Гопкинс смог ответить лишь в рамках полученной им инструкции: «Наше (США. – *В.М.*) вступление в войну зависит главным образом от самого Гитлера»³³, т.е. от решения фашистского диктатора – воевать Германии с США или нет. По-видимому, сознавая двусмысленность этой позиции своего правительства, Гопкинс в день отъезда сказал журналистам, что по поручению Рузвельта он заявил советским руководителям следующее: «Тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте... США намерены оказывать помощь этой стороне»³⁴.

Г.Гопкинс и И.Сталин

“Conference Held on 31st July between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter at the Kremlin in Moscow – 6.30 p.m. to 9.30 p.m. First Draft”.

³³ *Foreign Relations of the United States, 1941. Washington, 1958. Vol.I. P.814. Memorandum by Hopkins of Conference with Mr. Stalin, 31.VII.1941.*

³⁴ *Бережков В.М. Становление антигитлеровской коалиции // Новая и новейшая история. 1973. №1. С.96.*

Возвратившись в Лондон тем же небезопасным путем, Гопкинс затем присоединился к Черчиллю, отплывавшему на встречу с Рузвельтом. Встреча состоялась в начале августа в бухте Арджентия. В ходе ее в присутствии высших военных чинов обеих стран Гопкинс доложил об итогах миссии в Москву. Увы, конференция еще раз показала, что ни США, ни Англия не готовы реально оказать поддержку сражавшемуся в трудных условиях советскому народу. К тому же Гопкинс был озадачен нежелательной, с его точки зрения, реакцией в прессе, вызванной пересмотром оценки возможностей Советского Союза выстоять и сокрушить агрессора. 5 сентября он писал послу США в Лондоне Джону Вайнанту: «Общественное мнение здесь (в США. – В.М.) обескураживает меня. То, что происходит в России, кажется, убедило всех, что Россия взялась самостоятельно нести все бремя войны, а поэтому от нас не требуется особой помощи. Такого рода настроения дают себя знать повсюду, и лишь президент считает, что настало подходящее время оказать нажим на Гитлера»³⁵. Атмосфера в столице США, куда Гопкинс вернулся после месяца отсутствия, действительно способна была навеять грустные размышления. Жизнь здесь шла своим давно заведенным порядком, в обстановке безмятежности и повседневных забот. А между тем на огромной территории России разворачивались сражения, от которых зависела судьба цивилизации. Пылали города, гибли солдаты, женщины, старики и дети, отдавая свою жизнь за право будущих поколений и народов разных стран самим решать свою судьбу. Вот это ощущение внутренней стесненности от сознания несоизмерности усилий, которые прилагали народы и правительства Англии и США в борьбе с общим врагом, сквозило в послании Гопкинса главе Советского правительства от 12 сентября 1941 г.

---

³⁵ *FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Hopkins to John G. Winant, 5.IX.1941.* – У себя на столе Гопкинс нашел меморандум заместителя государственного секретаря А.Бирла-младшего, полный критики в отношении «сентиментальных» деятелей, которые сочувственно отзывались о борьбе советского народа; предупреждений о возможных «переменах» в позиции Москвы; нелепых ссылок на историю, якобы подтверждающую «ненадежность» СССР как союзника и т.д. Бирл резко возражал против самой идеи военно-технического сотрудничества СССР и США в войне против Германии (*Ibid. Box 305. A.A. Berle, Jr. Memorandum for Hopkins, 30.VII.1941*).

Дорогой господин Сталин!

Я бы хотел, чтобы Вы знали, как высоко я ценю те многочисленные проявления внимания ко мне, которые Вы и Ваши соратники оказали мне, когда я был в Москве.

Мне нет необходимости говорить Вам, какое сильное впечатление на меня произвело мужественное сопротивление Вашей армии, флота и боевой авиации, оказываемое ими противнику с целью защиты отечества. Я уверен, что мы добьемся окончательной и полной победы в борьбе с Гитлером и его бесчеловечным воинством.

У меня было много встреч с послом Уманским после моего приезда из Москвы, и я уверен, что предстоящая конференция³⁶ будет иметь важные, далеко идущие результаты, которые будут способствовать вашей победе.

Я очень сожалею, что состояние моего здоровья не позволяет мне снова побывать в Москве. Но я буду надеяться, что мне удастся приехать в Советский Союз снова, когда эта война закончится.

Я уверен, что м-р Гарриман великолепно справится с работой, ибо его мотивация безупречна, а его знание промышленного производства в Соединенных Штатах и в Англии заслуживает самой высокой оценки.

Я желаю Вам удачи.

С самыми сердечными пожеланиями

Г.Л.Гопкинс³⁷

В только что вышедшем в свет фундаментальном документальном исследовании В.О.Печатнова и И.Э.Магадеева отмечается, что «переписка Сталина с Рузвельтом наладилась не сразу». Послание президента с просьбой принять Гопкинса было датировано 26 июля 1941 г. Первое совместное послание Рузвельта и Черчилля Сталину было получено в Москве 15 августа 1941 г. и явилось результатом обсуждения отчета Гопкинса о визите в Москву в ходе встречи двух лидеров на острове Ньюфаундленд. Сегодня очевидно, что Рузвельт как

---

³⁶ Гопкинс имел в виду предстоящие встречи советских представителей с прибывшими в Москву А.Гарриманом и лордом Бивербруком. На этих встречах подлежали обсуждению различные детали военной помощи Советскому Союзу, которую западные страны предполагали ему оказать. В принципе все главные вопросы были обсуждены в беседах И.В.Сталина и Гопкинса.

³⁷ FDRL. Papers of Harry L.Hopkins. Sherwood Collection. Box 306. Hopkins to Stalin. September 12, 1941.

лидер официально невоюющей стороны уклонялся от личных посланий Сталину, опасаясь неблагоприятной реакции оппозиции у себя в стране и испытывая опасения за прочность обороны Красной Армии перед наступающими ударными силами вермахта. Ему не могла быть неизвестной близкая к критической оценка Сталиным положения на фронтах в личных посланиях Черчиллю в августе–сентябре 1941 г.³⁸

Со вторым (на этот раз личным) посланием Рузвельта произошла весьма странная история. Написанное 17 сентября оно дошло до Сталина только 30 сентября 1941 г., причем его перехватила и расшифровала германская разведка. Оно моментально было использовано ею в сугубо провокационно-пропагандистских целях. Антирузвельтовская оппозиция в США узнала, что президент США, представлявший невоюющую сторону в мировом конфликте, обещает помощь «для борьбы с Гитлером коммунистическому диктатору»³⁹. Письмо Г.Гопкинса от 12 сентября 1941 г., таким образом, могло сгладить возникшую неловкость и оказалось удивительно уместным, поскольку косвенно поддерживало прямые контакты Сталина и Рузвельта посредством вмешательства «личного представителя» президента. Сделал ли это он по собственной инициативе или по поручению Рузвельта, не известно.

Когда Гопкинс писал Сталину, что собирается посетить Москву после войны, он, очевидно, не думал, как в принципе он близок к осуществлению этого стремления. Но, прежде чем он ступил еще раз на землю Москвы, прошла вся война, отгремели салюты, ушел из жизни Рузвельт, а в Белом доме поселился новый хозяин, вице-президент Трумэн. И в Лондоне, и в Москве одинаково задавались вопросом, как новый президент будет взаимодействовать с двумя другими ключевыми лидерами «Большой тройки». Ни Черчилль, ни Сталин ни разу с ним не встречались. Что Трумэн знал о текущих мировых делах и что являлось приоритетным в критической точке войны? Внезапная смерть Рузвельта заставляла предполагать, что новому президенту придется начинать в буквальном смысле с чистого листа. Рузвельт встречался с ним лишь дважды за время своего пребывания в должности президента после выборов в ноябре 1944 г. Оставаясь часто непроницаемым даже для

---

³⁸ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. *Переписка И.В.Сталина с Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2-х т. М., 2015.*

Т.1. С.45, 54–66.

³⁹ *Там же. С.76.*

своих ближайших коллег, Рузвельт не только не посвятил вице-президента в дела, связанные с производством «сверхоружия» – атомной бомбы, но и в планы послевоенного урегулирования территориальных и правовых вопросов, зафиксированных в ялтинских соглашениях. Их масштабность была несоразмерна пониманию малоизвестного политика, никогда не имевшего дела с дипломатическими документами. Между тем «маленькому человеку из штата Миссури» надлежало немедленно заняться и главным вопросом: перенаживанию отношений с Советским Союзом, которые после Ялтинской конференции едва ли не зашли в тупик.

Известный американский историк Роберт Даллек в своей недавно вышедшей книге «Потерянный мир» находит точные слова для определения ситуации, сложившейся в «политическом салоне» Вашингтона, которая требовала закрепления итогов войны в решениях первого послевоенного саммита трех (Потсдамская конференция). Эти решения еще не были согласованы окончательно, но модальность их вытекала из хода вещей. «Внезапное вознесение Трумэна в кресло президента, – пишет он, – деморализовало американцев, равно как и их союзников за рубежом, в связи с проблемой качества национального руководства в момент, когда множество критических послевоенных проблем встало во весь рост перед страной и всем миром. Отдавая себе отчет во всеобщих сомнениях в его способности заменить Франклина Рузвельта, Трумэн приложил все усилия для того, чтобы соответствовать реализации модели, предложенной Рузвельтом»⁴⁰.

К взаимному недоверию и настороженности, присущим всегда в отношениях между Сталиным и Черчиллем, прибавилась непредсказуемость нового президента Трумэна. Последний же считал, как выяснилось в частном разговоре, что США слишком долго «нянчились» с Кремлем и что настала пора добавить жесткость в обращении с ним. Черчилль и Трумэн очень скоро нашли общий язык, опротестовав признание Советским Союзом прокоммунистического правительства в Польше. Обвинение Сталина в несоблюдении достигнутых в Ялте договоренностей стало первым пунктом в длинном списке претензий западных союзников к Москве. Острое желание Трумэна «наказать» Сталина за невыполнение весьма спорных соглашений проявилось в заслуженно могущем быть названным

---

⁴⁰ Dallek R. *Lost Peace. Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945–1953*. N.Y., 2010. P.71.

вероломным прекращении отправки грузов по ленд-лизу морем в порты Советского Союза. Это случилось 12 мая 1945 г. Решение выглядело просто абсурдным, поскольку США были крайне заинтересованы вступлением СССР в войну с Японией⁴¹. Намеченный первый послевоенный саммит оказался под угрозой, что в случае перехода из вероятности в реальность могло закончиться срывом Потсдамской конференции «Большой тройки».

Но на этот раз сработала рузвельтовская модель поведения. По совету К.Хэлла, А.Гарримана и Ч.Болена Трумэн решил послать с очередной миссией в Москву Гарри Гопкинса – спасти положение. Вставший с больничной койки «мистер-Корень вопроса», как дружески его называл Черчилль, 23 мая 1945 г. в сопровождении жены вылетел в Москву на встречу со Сталиным. Позднее Гарриман присоединился к основным собеседникам в Кремле, Сталину и Гопкинсу. Переговоры шли целую неделю по пунктам, предлагаемым к обсуждению на будущей конференции. Они в присутствии Молотова, Гарримана и Болена были продолжены, всесторонне рассмотрены и фактически согласованы. Сделано это было, к удивлению очень многих в Вашингтоне и Лондоне, путем компромисса по «польскому вопросу», сопровождаемого заверением Гопкинса о недопустимости использования «польского ресурса» для сооружения «санитарного кордона» вокруг СССР. Сыграла свою роль и положительная реакция Сталина на специально поставленный Гопкинсом вопрос о приблизительном сроке вступления СССР в войну с Японией. Были подтверждены ялтинские решения о территориальной целостности Китая и дано согласие на предложение Рузвельта о встрече в Берлине «Большой тройки» после победы над Германией⁴².

Едва ли кто-либо из приближенных Трумэна в тот критический для советско-американских отношений момент мог взяться за выполнение многотрудной задачи перенастройки серьезно подорванного доверия между двумя ведущими членами антигитлеровской коалиции. Эта миссия еще раз легла на плечи Г.Гопкинса. Он и только он, как признавал Гарриман, смог «откровенно побеседовать с маршалом

---

⁴¹ Plokhy S.M. *Yalta. The Price of Peace*. N.Y., 2010. P.382.

⁴² См.: Из записи беседы Председателя Совета Народных Комиссаров с личным представителем президента США и послом США в СССР, 26 мая 1945 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. В 2-х т. М., 1984. Т.2: 1944–1945. С. 398, 401 и др.

Сталиным, как это он, Гопкинс, всегда имел возможность делать»⁴³. Переговоры со Сталиным, сообщал Трумэну после их окончания уже слегка раскаявшийся в своих метаниях Гарриман, принесли «огромную пользу»⁴⁴. Джордж Кеннан – второе лицо в американском посольстве в Москве, – обычно оппонировавший дипломатии Рузвельта–Гопкинса, высказался еще более категорично, но так же бюрократически сухо. Он заявил, что Гопкинсу удалось добиться максимально возможного результата⁴⁵.

Сам Гопкинс отнесся ко всему более эмоционально. Судя по протоколу, в его высказываниях звучали откровенно человеческие интонации. Вот отрывок из советского протокола беседы: «Гопкинс отвечает, что он не встал бы с постели, чтобы приехать в Москву, если бы он не был уверен, что благополучие многих миллионов людей во всем мире зависит от Соединенных Штатов и Советского Союза и что любые существующие между ними трудности могут быть улажены. Сталин говорит, что он надеется, что Гопкинс может оказаться правым»⁴⁶.

Гопкинс не участвовал в Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.). Он был болен, и ему не хотелось ничего «подсказывать» Трумэну в Берлине. Уход Гопкинса из новой администрации, довольно скоро поменявшей курс государственного корабля США, предопределил и его личную судьбу. В реальной жизни и в исторической памяти нации. Здесь уместно напомнить сказанное о нем Черчиллем в мемуарах последнего: Гопкинс «...в течение нескольких лет был главной опорой и вдохновителем самого Рузвельта. Вместе эти два человека, один – подчиненный и не занимавший какого-либо официального поста, а другой – глава могучей республики, были способны принимать решения, имевшие важнейшее значение для всех стран, говорящих по-английски»⁴⁷.

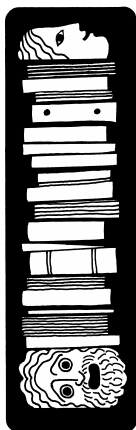
⁴³ Там же. С.402.

⁴⁴ Dallek R. *Op. cit.* P.104.

⁴⁵ Plokhy S.M. *Op. cit.* P.384.

⁴⁶ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т.2. С.401. – Существует американский протокол беседы, который фактически совпадает с записью, сделанной переводчиком Павловым.

⁴⁷ Черчилль У. Указ. соч. Кн.2. Т.3–4. С.18.

Валерий Журавлев, Любовь Лазарева

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

ПО МАТЕРИАЛАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ
1952 ГОДА¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
339.9

Статья посвящена анализу документов Международного экономического совещания, проходившего в Москве в апреле 1952 года. Авторы уточняют и расширяют общепринятую точку зрения на формирование внешнеполитической доктрины позднего сталинизма. Публикуемые документы являются наглядной иллюстрацией прагматичного решения советским правительством текущих задач внутренней и внешней политики. Читатель получает редкую возможность «увидеть» события в историческом контексте, «глазами» их участников, что особенно актуально в условиях современности.

This article analyzes the documents of the International Economic Conference held in Moscow in April 1952. The authors clarify and enhance the common point of view on the formation of foreign policy doctrine of late Stalinism. In addition, the published documents are a clear illustration of pragmatic solutions of current problems of internal and foreign policy of the Soviet government. The reader gets a rare opportunity to “see” the events in a historical context by the “eyes” of their members, which is especially relevant in the context of modernity.

Ключевые слова: поздний сталинизм; внешняя политика; экономические санкции; торговая блокада; международное совещание; публикация источника.

Key words: late Stalinism; foreign policy; economic sanctions; trade embargo; an international meeting; the publication of the source.

E-mail: kaf-annir@mgou.ru; Laz_dom@mail.ru

¹ В настоящей публикации документы воспроизводятся с сохранением стилистических особенностей источников; соблюдаются современные правила орфографии и пунктуации. Выявленные опечатки исправлены и не оговариваются. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом.

Мы становимся свидетелями разворачивающихся драматических событий: Соединенные Штаты Америки давят на Евро-союз, заставляя принимать все новые и новые санкции, направленные против Российской Федерации. Барак Обама в ежегодном послании Конгрессу в качестве примера успехов внешней политики говорит о том, что благодаря действиям Вашингтона экономика России «разнесена в пух и прах»². Растут военные бюджеты США и РФ. На фоне такой сложной международной обстановки мировое сообщество, забыв полученные уроки, играет в опасные «игры». Не прекращаются попытки «переписать» историю, пересмотреть события Второй мировой войны и роль в них Советского Союза. К сожалению, можно констатировать: со сменой поколений и отдаления от нас героических реалий двадцатого века ослабевает «прививка» против нацизма.

Все это делает актуальной работу по публикации документов советской эпохи, проводимую Российским государственным архивом социально-политической истории³.

Очерк и документы, представляемые читателям, посвящены проведению в Москве Международного экономического совещания (апрель 1952 г.), которое западная пресса оценила как «важную фазу мирного наступления Москвы»⁴. Они раскрывают наиболее важные аспекты подготовки совещания, дают возможность составить представление о целях СССР и стоявших перед советской делегацией задачах, характеризуют противоречия, не давшие закрепить достигнутый успех.

Материалы Международного экономического совещания служат наглядной иллюстрацией прагматичного решения текущих задач, расширяя и уточняя общепринятую точку зрения на внешнеполитическую концепцию позднего сталинизма. Важность и уникальность этих документов, прежде всего, в том, что они дают возможность как бы увидеть события в историческом контексте, глазами их участников.

---

² *Есть ли у президента США повод для гордости? // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/01/150121_5th_floor_obama*

³ *В рамках данного направления на базе фондов архива идет подготовка научно-издательского проекта «Документы современной истории: Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1950–1953 гг. Документы и материалы». Целью проекта является публикация комплекса документов, характеризующих, с одной стороны, теоретические аспекты сталинского видения политической экономики социализма, с другой, – пути решения практических вопросов экономического развития страны.*

⁴ *Статья из конфиденциального приложения к английскому еженедельнику “The foreign report” // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.137. Д.522. Л.118.*

Сегодня, на фоне недавно состоявшихся юбилеев Ялтинской конференции 1945 года и 70-летия Победы в Великой Отечественной войне представляется важным дать читателю возможность еще раз осмыслить процесс превращения союзников в соперников. Хочется верить, что объективное осмысление опыта прошлых лет помогает нам сегодня не повторять старых ошибок.

Международное экономическое совещание состоялось с 3 по 12 апреля 1952 года в Москве. В нем участвовал 471 человек из 50 стран, в том числе 339 человек из 38 капиталистических стран. Делегации приехали из пяти частей света. Самое большое количество участников прибыло из Франции (39), Англии (29), Индии (28), Италии (24), Западной Германии (23). От СССР, стран народной демократии, Китая, ГДР, Кореической республики, Вьетнама и МНР приняли участие в Совещании 132 делегата. Совещание не являлось межправительственным. Оно созывалось по линии общественности Международным инициативным комитетом. В Москве собрались представители деловых кругов, профсоюзов, кооперативные деятели, ученые и политики. Шире всего были представлены торговые фирмы и финансовые круги. На них приходилось 38,7% от общего числа делегатов. На втором месте – промышленники и аграрники (22,5%). На третьем – профсоюзные деятели – 15%. На ученых и журналистов, вместе взятых, пришлось лишь 14,7%⁵.

Приведенные факты делают понятным интерес исследователей⁶ к необычному «проекту» Кремля. Бесспорно, что с таким составом участников Совещание не могло быть «ручным». К тому же очевидно, что так много представителей бизнеса из самых разных стран мира не собралось бы в Москве для того, чтобы в очередной раз осудить гонку вооружения и ограничиться ничем не меняющей констатацией необходимости отказа от «всех форм дискриминации наций, ограничений и запретов»⁷.

Цель мероприятия была сформулирована так: «Наше Совещание посвящено одному из важнейших вопросов современной жизни большинства стран мира, а именно – вопросу изыскания возможностей улучше-

---

⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.790. Л.348; Ф.82. Оп.2. Д.752. Л.93–94.

⁶ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С.556; Катасонов В.Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М., 2014. С.137; Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – середина 1960-х годов. Дис. ... докт. ист. наук / Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2012; Хормач И.А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М., 2005. С.330–341.

⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.521. Л.162.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

ний условий жизни людей посредством мирного сотрудничества различных стран и различных систем, путем развития экономических связей между всеми странами»⁸.

Впервые Москва заявила: различные экономические и социальные системы не являются препятствием для расширения экономических и международных связей, основанных на равенстве и взаимной выгоде.

Концепция Совещания корректировалась по мере его подготовки. Анонсировано оно было в феврале 1951 года в Берлине на сессии Всемирного Совета Мира. Очень быстро выяснилось, что многие бизнесмены по политическим мотивам не желали принимать приглашение к участию в конференции⁹ от этой организации. В Кремле были еще не готовы к тому, чтобы «свести работу конференции к дискуссии по чисто коммерческим вопросам и создать у представителей деловых кругов иллюзию, что конференция окончится заключением торговых договоров»¹⁰.

К изменению формата мероприятия советское правительство подталкивало противоречие между ролью СССР в мировой политике, как одного из задающих тон лидеров, и состоянием его экономики. Советский народ заплатил за Победу высокую цену. Основные задачи пятилетнего плана 1946–1950 гг. состояли в том, чтобы восстановить «пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства»¹¹. Геополитические интересы заставляли СССР, еще не закончив восстановление народного хозяйства, оказывать помощь своим новым союзникам: странам народной демократии, ГДР, Китаю, МНР, Корею. Стратегия национальной безопасности, выбранная советским руководством, ставила на первое место интересы военно-промышленного комплекса. Конечно, это вело к дополнительным материальным трудностям, ложившимся на плечи населения. Поэтому фоном происходившего было внедрение в массовое сознание идеи постоянной угрозы со стороны западного мира.

Позиция самого И.В.Сталина была не столь однозначной. В знаменитом выступлении перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 г. он расставил приоритеты, подчеркнул, что именно тяжелая и военная промышленность создают гарантии для Родины от всяких случайностей¹². Свидетельства современников подтверждают, что советский лидер «не

---

⁸ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.74–75.

⁹ На первых этапах подготовки Международное экономическое совещание называлось Конференцией.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.521. Л.3.

¹¹ Правда. 1947. 7 ноября.

¹² Правда. 1946. 11 февраля.

только не исключал военного конфликта, но был уверен в его неизбежности и даже необходимости»¹³. В то же время на встрече 9 апреля 1947 г. с деятелем республиканской партии США Г.Стассеном Сталин сформулировал позицию, допускавшую возможность мирного сосуществования различных общественных систем¹⁴. Подводя итоги ноябрьской дискуссии 1951 года, анализируя изменения в международной экономической системе, он выделил в качестве ключевых факторов образование параллельных мировых рынков, противостоящих друг другу, и неизбежность войн между капиталистическими странами¹⁵. Выводы можно делать самые широкие: от полученной таким образом возможности иметь несколько лет «отсрочки» для подготовки к новой войне до существования СССР в биполярном мире.

**Обуодострое оружие
американских санкций**

Только людям, слабо разбирающимся в прошлом, может показаться, что санкционная политика сегодняшних лидеров США в отношении России представляет собой нечто новое и

оригинальное. Политическое и экономическое давление на СССР со стороны американских властных кругов было на время прервано лишь тогда, когда расползание нацистской угрозы стало угрожать их всеохватным геополитическим амбициям. Именно амбициям. Ибо непосредственной угрозы для США гитлеровская Германия, в отличие от Японии, не представляла. Но уже к концу 1940-х годов стало предельно ясно, что национальные интересы недавних союзников перестали совпадать. Усиление СССР пугало правящие элиты США и Великобритании, которые выбрали тактику «сдерживания» и «зеркального реагирования». План Маршалла расколол Европу на два лагеря, нарушив традиционные торговые связи. В марте 1948 г. США, введя лицензионный порядок, фактически установили эмбарго на вывоз промышленного оборудования в СССР и страны народной демократии. Продолжением эскалации конфликта интересов стало опубликование (июнь 1950 г.) списков, содержащих около 1 700 групп товаров, которые не должны

---

¹³ Данилов А.А., Пыжиков. А.В. *Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы*. URL: knigosite.org/library/read/84033 (дата обращения: 15.02.2015).

¹⁴ *Внешняя политика Советского Союза, 1947 год. Документы и материалы, январь – июнь 1947 г. М., 1952. Ч.1*. URL: <http://www.lawlibrary.ru/izdanie17749.html> (дата обращения: 15.02.2015).

¹⁵ Сталин И.В. *Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года*. М., 1952. С.71–87.

были экспортироваться в СССР и государства Центральной и Восточной Европы странами, получившими экономическую помощь от США. Вышедший в июне 1951 г. Закон о торговых соглашениях создал неблагоприятные условия для импорта товаров из СССР, Восточной Европы и Китая, а его 11-й раздел предусматривал прямой запрет ввоза некоторых товаров из СССР и Китая¹⁶.

Очень быстро выяснилось, что такая политика имела «побочный эффект»: трудности возникли не только у СССР и его союзников. Ограничения в экспорте и импорте мешали всей мировой экономической системе. Удельный вес экспорта из СССР на мировом рынке в целом был невелик. Но, как поставщик пшеницы или продавец пиломатериалов, ряда полезных ископаемых, Советский Союз был важным торговым партнером¹⁷. Еще значительнее была роль СССР в мировой торговле как импортера¹⁸. Учитывая, что еще в 1948 г. весь внешнеторговый оборот СССР составлял 11 млрд. руб., в том числе с капиталистическими странами – 4,4 млрд. руб., а в 1951 г. уже соответственно – 18 и 3,2 млрд. руб., можно говорить о значительном сокращении торговых связей¹⁹.

Вопреки запретам и ограничениям, деловые круги Западного мира были заинтересованы в торговле с Москвой. Например, Англия за счет ввоза из СССР удовлетворяла $\frac{1}{3}$ своих импортных потребностей в кормовом зерне и $\frac{1}{4}$ в пиломатериалах (данные за 1950 г.). США покрывали за счет советских поставок более чем половину импортной потребности в марганцевой руде (данные за 1948 г.)²⁰.

Исключение из полноценного торгового обмена к тому же и стран Восточной Европы еще больше обостряло ситуацию. Если в 1937–1938 гг. внешнеторговый оборот Чехословакии, Польши, Германии, Венгрии и Болгарии с капиталистическими странами составлял 22 млрд. руб., то в 1951 г. – 8,5 млрд. руб. (данные в ценах 1952 г.)²¹. В результате Европа получила рост безработицы и инфляции. Например, покупателем большей части шерстяных и хлопчатобумажных тканей у Франции были Чехословакия, Польша, Румыния. После введенных ограничений

¹⁶ РГАСПИ. Ф.84. Оп.1 Д.59. Л.4.

¹⁷ В 1930 г. в мировом экспорте пшеницы удельный вес СССР составил около 15%, а в 1936 г. в мировом экспорте пиломатериалов доля СССР была около 20% (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.791. Л.12).

¹⁸ В 1932 г. СССР закупал около половины мирового экспорта всех машин (без учета автомобилей) (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.791. Л.12).

¹⁹ Здесь и далее данные в ценах 1951 года (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.792. Л.4).

²⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.791. Л.13.

²¹ Вместо доли Германии в 1952 г. советские экономисты считали долю во внешнеторговом обороте ГДР (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.792. Л.75–100).

на торговлю со странами народной демократии, к началу 1952 г. в этой отрасли Франция имела 150 тысяч полностью или частично безработных²².

К тому же Москва, заинтересованная в экспорте товаров, отнесенных США к «стратегическим», предлагала закупки на выгодных условиях. Это усиливало недовольство бизнес-элиты, терявшей свои дивиденды из-за политической конъюнктуры²³. Очень «раздражены» были французские деловые круги. В условиях непростой экономической ситуации они были вынуждены отказываться от прибыльных сделок²⁴. Бизнесмены Западной Германии получили от Кремля предложение, принять которое им очень хотелось: заключить долгосрочные торговые договора с советским блоком (включая Китай) и выйти на рынок, простирающийся от Одера до Тихого океана. Советская идея о предоставлении оборудования и технической помощи развивающимся странам в обмен на сырье сулила выгоды и европейским странам, и элитам этих стран.

Курс на прорыв торговой блокады

Итак, стратегия Москвы была нацелена на прорыв торговой блокады. Кроме того, ряд современных исследователей считает Международное совещание звеном в далеко идущей

цепочке замыслов советского правительства по расширению «недолларового» рынка²⁵. «Невидимая рука» подталкивала деловые круги капиталистических стран к оптимизации логистики, возвращению к традиционным связям, получению прибылей. В любом случае интересы бизнес-сообщества и Кремля совпали.

Современники высоко оценивали шансы Советского Союза на успех, считая экономическое Совещание важной фазой мирного наступления Москвы. Английские аналитики подчеркивали, что «изучение развития межъевропейской торговли не оставляет почти никаких сомнений в том, что искусственное разделение Европы... является причиной многих нехваток и экономических трудностей в Соединенном Королевстве и других западноевропейских странах». Французский еженедельник *Observateur*

---

²² РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.791. Л.67.

²³ К тому же, выгодные условия в закупках машин и оборудования предлагал и Китай.

²⁴ Газета "L'Humanité" сообщила, что в то время как идут большие сокращения в судостроительной промышленности работников, Советский Союз предлагал частным и государственным верфям заключить крупную торговую сделку на постройку грузовых пароходов, танкеров и рыболовных судов (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.791. Л.70).

²⁵ Катасонов В.Ю. Указ. соч. С.133–137.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

выражал мнение бизнес-сообщества: «Отказ от широкой внешней торговли... и усиление ее с зоной доллара ставят под серьезную угрозу не только французскую экономику, но и политику, ибо это создает искусственное положение, которое с каждым днем все больше не позволяет считаться с французскими интересами». Поэтому американцы допускали возможность того, что, опираясь на бизнес, Кремль имеет шансы добиться ослабления или отмены ограничений, наложенных на торговлю «с коммунистическим миром». В редакционной статье газеты *The New York Times* отмечалось: «Москва несомненно надеется вызвать разногласия в свободном мире путем подкрепления тех, кто отменил бы или ослабил бы нынешние ограничения либо в личных интересах, либо в надежде на то, что более свободная торговля действительно разрешит или облегчит неотложные экономические проблемы»²⁶.

В стратегии Кремля мировому бизнес-сообществу отводилась одна из ведущих ролей. Планируя проведение Международного экономического совещания, советское правительство делало ставку на деловые круги. Учитывая трудности, озвученные на заседании подготовительной комиссии в Праге, Кремль пошел на смещение акцентов в сторону прагматичной работы над внешнеторговыми вопросами²⁷. Было принято решение о создании Международного инициативного комитета по подготовке Совещания, который, опираясь на Национальные комитеты, должен был вести дальнейшую работу от своего имени, дистанцируясь от Всемирного Совета Мира и убирая «пропагандистскую» составляющую. Сразу же в его состав вошли представители Франции, Англии, Италии, Польши, Среднего Востока и СССР. На заседании в Копенгагене в октябре 1951 г.²⁸ состав Комитета был расширен. Орган получился «своенравный», проводить в жизнь указания Москвы советским представителям стало непросто. Делегаты капиталистических стран объединялись, угрожали покинуть заседание, выдвигали свои требования. Под их давлением в коммюнике был включен пункт о том, что «совещание будет избегать всякой дискуссии о соответствующих достоинствах различных экономических и социальных систем». Было принято и специ-

²⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.522. Л.118; Д.791. Л.11, 22, 71.

²⁷ Сообщение советского представителя К.В.Островитянова с заседания подготовительной комиссии по созыву Международной экономической конференции в Праге 7 июля 1951 г. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.521. Л.2–6). – Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – экономист, академик (1953), вице-президент (1953–1962) АН СССР. Сфера научных интересов: политэкономия социализма и капитализма.

²⁸ Присутствовали: 21 представитель капиталистических стран и 12 – СССР, Китая, стран народной демократии.

альное заключение по прениям, в котором подчеркивалось: «Участники Международного Экономического Совещания будут гостями Комитета, объединяющего лиц из советских экономических, научных и общественных организаций», а имена участников совещания «не будут связываться с каким-либо решением, которого они не одобрили специально»²⁹.

В то же время заседание в Копенгагене подтвердило правильность новой концепции Совещания и необходимость дальше следовать выбранному вектору. Представители СССР отметили в отчете, что советской стороне необходимо «выступить с конкретной программой о расширении международной торговли между странами на ближайшие годы, выраженной в определенном количестве процентов»³⁰.

Для успеха Совещания Внешнеполитической комиссией ЦК ВКП (б) была проделана титаническая работа. В целях расширения состава делегатов были задействованы возможности ВЦСПС, Центросоюза, Министерства внешней торговли, Всесоюзной Торговой Палаты. В Москву планировали пригласить из капиталистических стран 120–150 экономистов, ученых, статистиков, инженеров, профсоюзных деятелей, 150–180 промышленников, торговцев, финансистов. Причем в составе промышленников в Кремле хотели видеть представителей тяжелой индустрии³¹. Кандидаты тщательно отбирались: они должны были иметь весомую деловую репутацию, дающую возможность оказать влияние на свое правительство. По мере получения отказа в списки включались новые фамилии, и работа продолжалась.

Надо отметить следующее: чтобы решиться принять приглашение Москвы, от бизнесменов требовалось мужество. Давление оказывалось в большинстве капиталистических стран Западного мира. Например, в Италии «неохотно» выдавали паспорта. В Бельгии предпринимателям угрожали «трудностями» с государственными инвестициями. Во Франции и Голландии предупреждали о последующем отказе во въезде в США. Были задействованы и другие подобные меры³².

---

²⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.521. Л.166–172.

³⁰ Там же. Л.170. – Советские представители Инициативного комитета по созыву Международного экономического совещания, направившие отчет в ЦК ВКП (б), были: М.Нестеров, В.Ничков, К.Островитянов. – Нестеров Михаил Васильевич (1892–1971) – председатель Торговой палаты СССР (1944–1969); Ничков Влас Никифорович (1902–1972) – во время Московского экономического совещания председатель Всесоюзного объединения «Экспортлес».

³¹ РГАСПИ. Ф.84. Оп.1. Д.59. Л.69.

³² РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.790. Л.350–351.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

В то время как в Европе «запугивали» бизнесменов, делегации Бразилии, Аргентины, Индии, Пакистана и Индонезии формировались при «благожелательном» отношении правительственных кругов. В делегации Индии и Пакистана даже входили лица, «делегированные высокопоставленными государственными деятелями»³³. Руководство этих стран было заинтересовано в поставках оборудования и технической помощи со стороны СССР. Расплачиваться они хотели сырьем.

На заседании Международного экономического совещания

Несмотря на все угрозы, интерес к московским инициативам все-таки пересилил у бизнесменов страх перед возможными последствиями. Уже до 7 апреля на Совещание через Прагу проследовало 204 представителя из капиталистических стран. Характеристика политическому составу делегаций в докладе о проезде участников дана такая: члены коммунистических партий, социал-демократы «разных оттенков», либералы, консерваторы и «даже реакционеры». Лидировали либералы и консерваторы. Отмечалось, что большинство направлявшихся в Москву бизнесменов было недовольно экономическим нажимом американцев и не скрывало «своего противоамериканского образа мыслей». В то же время обратил на себя внимание и прагматичный настрой публики: «В общем, нужно считаться с тем, что преобладающая часть делегатов будет стремиться осуществлять интересы своих собственных предпри-

³³ Там же. Л.350.

ятий (поиски рынков сбыта, источников покупок, представительства и пр.)»³⁴.

**СССР наступает –
США встревожены**

В Соединенных Штатах внимательно следили за ходом Совещания. Советский посол сообщал о беспокойстве американского правительства в связи с благоприятным откликом на пред-

ложения М.В.Нестерова «со стороны ряда делегаций капиталистических стран»³⁵. Выступление Михаила Васильевича было четким и деловым. Подтвердив верность «духу» Праги и Копенгагена, он перешел к конкретным предложениям, подкрепленным цифрами. В сопровождающей настоящий очерк подборке документов приведен не конечный вариант его речи, а черновой. Правки, внесенные в текст В.М.Молотовым³⁶, возглавлявшим Внешнеполитическую комиссию ЦК ВКП (б), дают читателю редкую возможность увидеть ход работы над документом и ее направление: «газетный стиль» уступал место сухим экономическим расчетам. Советский Союз предлагал странам Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии выйти в течение 2–3 лет на товарооборот, равный 30–40 млрд. руб., или от 10 до 15 млрд. руб. в год. Это означало рост годового внешнеторгового оборота СССР за указанный срок в 1,5–2 раза. Согласно расчетам советских экономистов, указанное расширение мировой торговли позволило бы сократить число безработных на 1,5–2 млн. человек³⁷.

Внушило надежду промышленникам заявление о том, что «советские внешнеторговые организации могли бы закупить в течение указанного периода товары массового потребления, главным образом у западноевропейских фирм». Странам Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока Москва предлагала «закупки сырья, металлов и других материалов, в том числе сырья для производства товаров массового потребления». СССР был согласен на общий объем закупок в 8–12 млрд. руб. Конечно, в первую очередь, Кремль интересовало размещение заказов на машины, оборудование, торговые и промысловые суда. На них Москва собиралась в течение двух–трех лет потратить 7–10

³⁴ Там же. Л.349–357.

³⁵ Цит. по: Фонд Александра Н. Яковлева. URL: www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72191

³⁶ Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – государственный и партийный деятель, 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1957).

³⁷ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.752. Л.36, 37.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

млрд. руб. Западные деловые круги получили обещание: «при соответствующих условиях» СССР смог бы «закупить на значительную сумму текстильные, кожевенные, пищевкусовые и другие товары массового потребления, и притом в возрастающих объемах»³⁸. Можно предположить, что в Кремле рассчитывали таким образом заставить текстильных фабрикантов, стремящихся получить выгодные заказы, «продать» у своих правительств и контракты на продажу в СССР товаров, отнесенных к «стратегическим».

Со своей стороны Советский Союз предлагал увеличить продажу зерна, лесоматериалов, целлюлозно-бумажных товаров, металлических руд, удобрений, угля, нефтепродуктов, льна, различного промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин, транспортных средств, изделий легкой промышленности. Странам Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока обещали поставить машины и оборудование на сумму до 3-х млрд. руб.³⁹ Были озвучены цифры товарооборота и примерный ассортимент для каждой страны-участника.

В выступлении Нестерова прозвучало предложение СССР «*производить продажи* товаров на национальные валюты, используя выручку в этих странах». К тому же Москва заявляла о своей готовности вести расчеты по сделкам через национальные банки, не прибегая к посредничеству иностранных банков⁴⁰. В перспективе это «отвязывало» мировую торговлю от доллара и создавало возможность формирования общего рынка.

Ход и итоги Совещания

Работа Совещания состояла из пленарных заседаний и обсуждений в трех секциях: по развитию международной торговли, международного сотрудничества для решения социальных проблем и развитию слаборазвитых стран. Была удовлетворена просьба делегата Великобритании Б.Бакмэна⁴¹: предоставить комнаты, в которых могли бы собраться заинтересованные в торговле машинным оборудованием, химикалиями, минералами, продовольствием, зерном, текстилем. Кроме того, существовало Бюро содействия заключению торговых сделок, аккумулировавшее информацию и выполнявшее кон-

---

³⁸ Там же. Л.37.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л.43.

⁴¹ *Бернард Бакмэн во время совещания был директором магазинов текстильных товаров «Ричардс».*

сультативные функции. Советские внешнеторговые фирмы за время Совещания подписали контракты с 14 фирмами. Среди них были и очень крупные⁴².

Над планом заключения Минвнешторгом коммерческих сделок шла напряженная работа. Накануне Совещания, еще в марте, в предложениях П.Н.Кумыкина⁴³ фигурировали цифры: продажи на сумму 115 млн. руб., а покупки – 120 млн. руб. Расчеты много раз корректировались. 16 апреля 1952 г. План заключения коммерческих сделок на Совещании был исправлен в соответствии с указаниями И.В.Сталина. В итоге покупки у капиталистических стран составили 244 млн. рублей, а продажа советских товаров – 221 млн. руб.⁴⁴

По замыслам Москвы страны СЭВ и Китая должны были не менее активно участвовать в заключении коммерческих сделок. Товарооборот Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Румынии и Болгарии, вместе взятых, советские экономисты считали возможным расширить за три года до 44 млрд. рублей, или около 15 млрд. руб. в год. Китайские представители отмечали, что, исходя из политических соображений, они заключают контракты даже на такие товары, которые в данный момент не являлись необходимыми (часы, велосипеды и т.п.)⁴⁵.

Итоговыми документами Совещания стали Коммюнике, Обращение к Генеральной Ассамблее ООН, решение о создании Комитета содействия развитию международной торговли. Суть их положений можно коротко резюмировать так: «в ближайшее время созвать межправительственное совещание по вопросам международной торговли с участием представителей деловых кругов, профессиональных союзов и других общественных организаций»⁴⁶; причем работа следующего совещания должна быть основана на тех же принципах, что и московское. Для вручения Обращения к Генеральной Ассамблее ООН о созыве следующего Совещания, его подготовке, обмене информацией в отношении экспортных и импортных возможностей различных стран был создан Комитет содействия развитию международной торговли.

⁴² РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.110. – Наиболее крупные предварительные соглашения по закупкам удалось заключить с итальянскими, французскими, швейцарскими, австрийскими, цейлонскими, пакистанскими бизнесменами. По продажам – кроме, опять, итальянской и швейцарской фирм, еще с голландской и бельгийской. Представители Западной Германии предлагали взаимные поставки товаров на 250 млн. руб.

⁴³ Кумыкин Павел Николаевич (1901–1976) – министр внешней торговли СССР (1951–1953).

⁴⁴ РГАСПИ. Ф.84. Оп.1. Д.60. Л.124; Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.143, 146.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.792. Л.59; Ф.82. Оп.2. Д.752. Л.61.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.76.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

В кулуарах совещания

Оценка Уилфреда Мея, посетившего Москву в составе делегации США, которого, по общему тону его выступлений, трудно заподозрить в симпатиях к СССР, была такой: «Вбивая... клинья между Соединенными Штатами и их союзниками, Москва одержала победу на Совещании»⁴⁷.

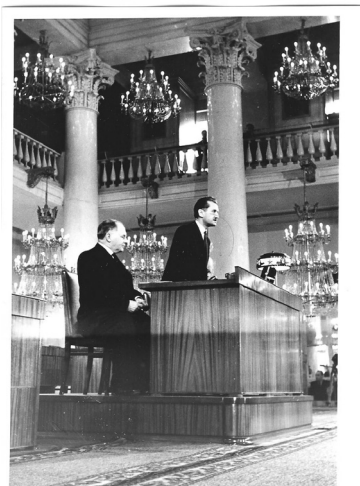
Глава делегации Великобритании лорд Бойд-Орр послал в Лондон на имя члена парламента консерватора Эрrolла телеграмму с требованием немедленно направить в Москву представителей английской текстильной промышленности, чтобы они могли начать переговоры с китайской делегацией о поставках в Китай английских текстильных товаров⁴⁸. В английской печати было опубликовано заявление четырех лейбористских членов английского парламента, в котором, в частности, говорилось: «Мы уверены, что это Совещание является серьезной и реалистической попыткой расширить мировую торговлю. Это не пропаганда и не политика. Достойно сожаления, что здесь не присутствует больше наших видных промышленников»⁴⁹. Правительство Соединенных Штатов было

⁴⁷ Там же. Д.754. Л.97. – Мэй, Уилфред – во время Совещания редактор журнала “Commercial & Financial Chronicle”.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф.82 Оп.2. Д.752. Л.4. – Бойд-Орр, Джон (1880–1971) – английский ученый, биолог, основатель и первый генеральный директор Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций ООН (ФАО), глава делегации Великобритании на Московском экономическом совещании.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д. 752. Л.3.

встревожено поведением англичан⁵⁰. Не только делегация Великобритании, но и бизнесмены других стран уезжали из Москвы с большими надеждами.

Выступление Роберта Шамбейрона

Достигнутый успех СССР развивать не стал. Вскоре идеи Совещания были сочтены преждевременными, работа в Комитете содействия развитию международной торговли свернута. В сентябре 1952 г. Постановление ЦК ВКП (б) утвердило текст телеграммы председателю Бюро Комитета Р.Шамбейрону: «...теперь было бы безусловно нежелательно, чтобы в международных кругах создавалось впечатление, будто страны народной демократии и СССР проявляют особую заинтересованность в расширении торговли с капиталистическими странами...»⁵¹.

Объяснить произошедшие перемены можно комплексом причин. Прежде всего, повлиять на решение Сталина о «преждевременности» данной политической линии могла жесткая позиция, занятая Д.Эйзенхауэром⁵². В то время в США началась предвыборная гонка. Кандидатура Эйзенхауэра, героя Второй мировой войны, кавалера со-

⁵⁰ Цит. по: Фонд Александра Н. Яковлева. URL: www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72191

⁵¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.134. Д.754. Л.149.

⁵² Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (1890–1969) американский государственный и военный деятель, 34-й президент США (1953–1961).

ветского ордена «Победа», посещавшего Москву в августе 1945 г. по личному приглашению генералиссимуса Советского Союза и имевшего его портрет с дарственной надписью, внушала советскому руководству определенные надежды на «потепление» отношений⁵³. Но летом 1952 г. Д.Эйзенхауэр солидаризировался с позицией Трумэна по корейскому вопросу и пригрозил СССР и Китаю силовыми методами решения политических вопросов⁵⁴. Отповедью ему стала резкая статья в *Правде* 13 августа 1952 г.

Идеи Совещания шли вразрез и с внутренней политикой⁵⁵. Набиравшая обороты борьба с космополитизмом и мировым сионизмом противоречила его демократическим принципам. Да и пойти на закупки текстиля, кожаной обуви и подобных товаров, на которые надеялись западные бизнесмены, СССР мог только в качестве «принудительного» ассортимента. Финансовых резервов остро не хватало даже на развитие ключевых отраслей тяжелой промышленности, в том числе на нужды обороны. Не были готовы ссориться с США, обеспокоенными мирными инициативами Москвы, и правительства европейских стран.

Остается добавить, что 16 апреля 1953 г., вступив в обязанности президента США, Эйзенхауэр обратился к советскому правительству с речью, очень созвучной духу и букве Московского международного совещания⁵⁶. В конечном счете, к идее «сосуществования» различных общественно-политических систем вернулись, только уже на следующем витке развития советско-американских отношений.

---

⁵³ В мемуарах Эйзенхауэр вспоминал, что Сталин в беседе высказывался о заинтересованности СССР в сотрудничестве с Соединенными Штатами. Это сильно упростило бы, подчеркивал советский вождь, задачу «поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны»; преодолеть отставание в области научных разработок по сельскому хозяйству; решить проблемы в области машиностроения и строительства (Эйзенхауэр Д.Д. *Крестовый поход в Европу*. М., 2000. URL: <http://detectivebooks.ru/book/6934747>. Дата обращения: 15.02.2015).

⁵⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. *Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы*. URL: knigosite.org/library/read/84033 (дата обращения: 15.02.2015).

⁵⁵ Липкин М.А. *Московское экономическое совещание 1952 г.: тактический маневр или стратегическая линия СССР?* // *Вестник РУДН*. 2010. №2. С.61.

⁵⁶ Суть его выступления можно свести к следующим тезисам: ни один народ нельзя считать противником; ни одна страна не может добиться собственной безопасности и благосостояния, оставаясь в изоляции; каждая страна имеет право определять способ правления и экономическую систему; не может быть прочного мира, основанного на гонке вооружений (Данилов А.А., Пыжиков А.В. *Указ. соч.*).

№1. Выступление М.В.Нестерова на пленарном заседании Международного экономического совещания⁵⁷

Речь тов. Нестерова⁵⁸

Господин Председатель, господа!

Разрешите мне как Представителю Торговой Палаты Советского Союза приветствовать вас от имени советских представителей, участвующих в работе настоящего Совещания.

Среди советских представителей находятся деятели хозяйственных организаций, руководители торговых и промышленных предприятий, ученые-экономисты, представители профсоюзов и кооперативных организаций⁵⁹. Мы, советские представители⁶⁰, тесно связаны со всей хозяйственной жизнью нашей страны.

Наше Совещание посвящено одному из важнейших вопросов современной жизни большинства стран мира, а именно – вопросу изыскания возможностей улучшений условий жизни людей посредством мирного сотрудничества различных стран и различных систем, путем развития экономических связей между всеми странами.

Как вам известно, этот вопрос обсуждался в октябре месяце 1951 года в Копенгагене на заседании Инициативного комитета по созыву Международного Экономического Совещания, на котором состоялся обмен мнениями между представителями различных общественных и деловых кругов.

Решение Инициативного комитета о созыве Международного Экономического Совещания отразило мнение, совпадающее со взглядами широких деловых и общественных кругов во многих странах мира.

И вот сегодня в этом зале собрались люди различных взглядов и политических убеждений, прибывшие *более чем из 40 стран* мира для того, чтобы посвятить свои усилия разрешению поставленной благородной задачи⁶¹.

Наше Совещание является наиболее широким из всех когда-либо проводившихся международных экономических совещаний. В нем участ-

⁵⁷ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.752. Л.30–45. Черновой вариант с пометами В.М.Молотова. Машинопись.

⁵⁸ Пометы «О Китае + нар[одной] дем[ократии] = удовл[етворительное] разв[итие]»; «Главы –»; «Реплики на» (неразборчиво); на правом верхнем поле две вертикальные черты синим карандашом.

⁵⁹ Два слова зачеркнуты, исправлены на: «профсоюзов и кооперации».

⁶⁰ Далее вставка: «работая в различных отраслях советско]го х[озяйств]а».

⁶¹ На левом поле пометы: вертикальная и волнистая черта, знак вопроса.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

вуют⁶² представители промышленных и торговых фирм, банков, кооперативных организаций, ассоциаций деловых кругов, профессиональных союзов, общественные деятели и ученые-экономисты.

Такой компетентный состав участников Совещания позволяет с пользой для дела обсудить важные вопросы международного экономического сотрудничества.

Результаты нашего Совещания во многом будут зависеть от желания и доброй воли его⁶³ участников⁶⁴, которым на этом Совещании предоставляется возможность широкого и свободного обмена мнениями по вопросу о путях и способах расширения международных торговых связей.

Как председатель Всесоюзной Торговой Палаты, основной задачей которой является содействие развитию внешней торговли, я рад сегодня заявить уважаемому собранию, что инициатива созыва Международного Экономического Совещания встретила положительное отношение со стороны советских торговых и промышленных представителей. Поскольку выявилось стремление некоторых торговых кругов в ряде стран расширить торговлю с Советским Союзом, можно определенно сказать, что для этого имеются соответствующие возможности.

Известный всем присутствующим здесь факт, что инициатива созыва настоящего Совещания была так активно поддержана во многих странах, является показателем того, что расширение экономического сотрудничества и торговых связей между странами является назревшей, жизненной потребностью и что ослабление этих связей за последние годы и созданные в этой области искусственные затруднения вызывают немалое беспокойство.

Действительно, если в первое время после окончания Второй мировой войны международная торговля успешно восстанавливалась и развивалась, то в последние три-четыре года условия для ее развития резко ухудшились и торговля приходит во все большее расстройство.

Ухудшение международных экономических связей ведет к сокращению мирного производства и отрицательно сказывается на условиях жизни народов многих стран. Сократилась торговля многими товарами, имеющими существенное значение для развития мировой экономики и удовлетворения потребности населения, особенно с тех пор, как в ряде стран начался переход к военной экономике. Здесь собрались люди,

---

⁶² Далее вставлено: «прибывшие из многих стран».

⁶³ Зачеркнуто «его», исправлено на: «нас».

⁶⁴ Далее вставлено: «происходящей дискуссии».

которым хорошо известны факты этого рода. Мы не можем закрывать глаза на эти факты.

Расстройство международных экономических связей отрицательно отражается также на положении малоразвитых в экономическом отношении стран. Отсутствуют необходимые поставки оборудования в эти страны, что задерживает развитие их национальной экономики. Фактически существующий жесткий иностранный контроль над сырьевыми ресурсами экономически малоразвитых стран препятствует их взаимовыгодной торговле с другими странами.

Восстановление и расширение нормальных торговых и других экономических связей между странами могло бы способствовать улучшению положения дел во многих странах, способствовало бы повышению жизненного уровня людей.

Со своей стороны наша страна могла бы внести свой вклад в дело расширения нормальных экономических связей и содействовать тем самым укреплению международного сотрудничества. Советские торговые организации не откажутся от расширения связей с торговыми и промышленными кругами других стран, если эти отношения будут основываться на взаимной выгоде и точном выполнении сторонами взятых на себя обязательств. При этом, как известно, различия в экономических системах не могут являться препятствием для развития сотрудничества между странами.

Говоря о положительном отношении советских торговых организаций к развитию международной торговли, я считаю нужным подчеркнуть, что наши торговые организации не имеют в виду вытеснить кого-либо с международных рынков или добиваться для себя каких-либо привилегий, а исходят из того, что⁶⁵ внешняя торговля является для⁶⁶ участвующих в ней стран выгодным делом, позволяя более производительным образом использовать те экономические возможности, которые создаются международным разделением труда. Международная торговля может служить, таким образом, дополнительным фактором в деле экономического развития участвующих в ней стран.

Развитие народного хозяйства Советского Союза опирается на непрерывно расширяющийся внутренний рынок и неуклонный рост платежеспособного спроса населения. Ввиду разнообразия и богатства природных ресурсов и наличия высокоразвитых промышленности и сельско-

---

⁶⁵ Далее вставлено: «в нормальных условиях».

⁶⁶ Далее вставлено: «всех». На левом поле – галочка.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

го хозяйства, Советский Союз имеет все необходимое для своего экономического развития.

Тем не менее, по высказанным уже выше соображениям, наша страна стоит за развитие международных экономических связей и в послевоенные годы значительно расширила свою торговлю с внешним миром, хотя по не зависящим от нас причинам торговля с некоторыми западными странами сократилась, а в отдельных случаях даже вовсе прекратилась.

Внешнеторговый оборот Советского Союза, по данным таможенных органов, в настоящее время составляет свыше 18 млрд. рублей в год; при этом современный объем торговли в сопоставимых ценах превышает примерно в три раза довоенный уровень.

Наблюдающееся за последние годы в некоторых странах сокращение торговли с Советским Союзом не помешало успешному выполнению хозяйственных планов СССР и неуклонному подъему его народного хозяйства. В некоторых случаях, напротив, указанное положение вызвало ускорение развития новых отраслей промышленности в СССР.

Промышленное производство Советского Союза в 1951 году превысило уровень 1940 года в два раза. По ряду отраслей производства увеличение еще более значительное. Так, общая продукция машиностроения Советского Союза превысила в 1951 году уровень 1940 года в 2,8 раза.

Более того, мощный подъем советской экономики создал новые возможности для дальнейшего расширения деловых связей Советского Союза с внешним миром⁶⁷.

Из года в год возрастает внешняя торговля с Китайской Народной Республикой, Польшей, Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Румынией, *Албанией*⁶⁸, Германской Демократической Республикой, Монгольской Народной Республикой. Заключенные долгосрочные экономические соглашения СССР с этими странами предусматривают дальнейшее значительное расширение товарооборота⁶⁹.

Известно, что в первые послевоенные годы экономические связи стран Запада с СССР успешно восстанавливались и развивались, что нашло свое выражение в том, что в течение 1946–1948 годов Швеция, Англия, Бельгия, Финляндия, Голландия, Норвегия, Дания, Италия, Швейцария заключили новые торговые соглашения с Советским Союзом.

---

⁶⁷ Слова «Внешним миром» зачеркнуты, исправлены на: «другими странами».

⁶⁸ Вставлено после «Германской Демократической Республикой».

⁶⁹ Абзац перечеркнут, на левом поле помета: «Иначе».

В настоящее время также выявилось стремление некоторых деловых кругов в ряде стран расширить торговлю с СССР. Это встречает положительное отношение со стороны наших торговых организаций, поскольку предлагаемое расширение торговли будет осуществляться на началах равенства сторон и взаимной выгоды, уважения взаимных⁷⁰ интересов и недопустимости навязывания каких-либо экономических или политических требований. Это значит, что советские торговые организации могут пойти на расширение торговли при условиях, исключающих какую-либо дискриминацию. Наши внешнеторговые организации готовы рассмотреть соответствующие конкретные предложения по расширению торговли.

Всесоюзная Торговая Палата провела работу по выявлению возможностей увеличения торговли советских хозяйственных организаций со странами Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии.

При⁷¹ серьезном намерении деловых кругов других государств расширить торговлю с советскими внешнеторговыми организациями последние выражают готовность существенно увеличить объем экспортно-импортных операций с этими странами.

---

⁷⁰ Следующий текст перечеркнут: «Внешнеторговый оборот Советского Союза, по данным таможенных органов, в настоящее время составляет свыше 18 млрд. рублей в год; при этом современный объем торговли в сопоставимых ценах превышает примерно в три раза довоенный уровень... (На левом поле была помета: «Китай и нар[одной] дем[ократии]»; стрелка вниз; вопросительный знак).

Наблюдающееся за последние годы в некоторых странах сокращение торговли с Советским Союзом не помешало успешному выполнению хозяйственных планов СССР и неуклонному подъему его народного хозяйства. В некоторых случаях, напротив, указанное положение вызвало ускорение развития новых отраслей промышленности в СССР.

Промышленное производство Советского Союза в 1951 году превысило уровень 1940 года в два раза. По ряду отраслей производства увеличение еще более значительное. Так, общая продукция машиностроения Советского Союза превысила в 1951 году уровень 1940 года в 2,8 раза...

Более того, мощный подъем советской экономики создал новые возможности для дальнейшего расширения деловых связей Советского Союза с внешним миром.

Известно, что в первые послевоенные годы экономические связи стран Запада с СССР успешно восстанавливались и развивались, что нашло свое выражение в том, что в течение 1946–1948 годов Швеция, Англия, Бельгия, Финляндия, Голландия, Норвегия, Дания, Италия, Швейцария заключили новые торговые соглашения с Советским Союзом.

В настоящее время также выявилось стремление некоторых деловых кругов в ряде стран расширить торговлю с СССР. Это встречает положительное отношение со стороны наших торговых организаций, поскольку предлагаемое расширение торговли будет осуществляться на началах равенства сторон и взаимной выгоды, уважения взаимных».

⁷¹ Вставлено: «наличии», далее исправлено на: «серьезных намерений у».

Согласно данным, собранным Торговой Палатой⁷², Советские внешнеторговые организации могли бы закупать в странах Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии обычно экспортируемые ими товары и продавать в эти страны интересующие их товары советского производства в таких количествах, при которых общий товарооборот СССР с указанными странами в течение ближайших 2–3 лет составил бы сумму в 30–40 млрд. руб., или от 10 до 15 млрд. руб. в год против послевоенного максимального оборота, примерно, 5 млрд. рублей, достигнутого в 1948 году⁷³.

Указанное увеличение торговли СССР со странами Западной Европы, Америки, Юго-Восточной Азии, Среднего Востока, Африки и Австралии не является пределом, если учесть, что, например, в 1931 году торговый оборот СССР с этими странами в современных ценах составлял около 11 млрд. рублей и что в настоящее время у Советского Союза имеется несравненно больше, чем раньше, возможностей как для экспорта, так и для импорта товаров.

Упомянутая программа развития торговли означает, что в целом годовой внешнеторговый оборот Советского Союза в ближайшие 2–3 года может возрасти в полтора, а то и в два раза по сравнению с современным товарооборотом, составляющим, как указано выше, 18 млрд. рублей в год.

При⁷⁴ указанном расширении торговли Советского Союза с другими странами занятость в странах, расширявших торговлю с СССР, увеличилась бы, примерно, на полтора–два миллиона человек. Для увеличения занятости в промышленности западноевропейских стран имели бы большое значение как крупные советские закупки, так вместе с тем и значительное увеличение ввоза этими странами из Советского Союза сырья и материалов для их переработки.

При этом советские внешнеторговые организации могли бы закупить в течение указанного периода товары массового потребления, главным образом у западноевропейских фирм. С этим были бы связаны также закупки сырья, металлов и других материалов, в том числе сырья для производства товаров массового потребления, в первую очередь в стра-

---

⁷² Выделенный текст вычеркнут. Далее – стрелка на нижнее поле, там помета: «Торговая Палата собрала необходим[ые] данные, определен[но] показывающие, что можно было бы сделать в этом» (далее неразборчиво).

⁷³ По левому полю напротив абзаца пометы: две вертикальные черты и галочка.

⁷⁴ Стрелочка показывает, что надо вставить перед предложением помету: «Увеличение занятости было бы одним из важных результатов этого».

нах Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Эти закупки могли бы достичь общей суммы в 8–12 млрд. руб. В отличие от прошлых лет советские внешнеторговые организации могли бы, в частности, при соответствующих условиях закупать на значительную сумму текстильные, кожаные, пищевкусовые и другие товары массового потребления, и притом в возрастающем объеме.

Из данных, полученных от внешнеторговых организаций, выяснилось также, что заказы на машины и оборудование, торговые и промышленные суда могли бы составить в течение ближайших двух–трех лет 7–10 млрд. рублей. Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность и целый ряд других отраслей промышленности Англии, Бельгии, Франции, Италии, Западной Германии, США и других стран приобрели бы устойчивый рынок и гораздо более широкие возможности для сбыта своей продукции, чем в настоящее время.

Одновременно со своей стороны, при наличии соответствующих условий в отношении нормализации торговли между странами, советские внешнеторговые организации могли бы увеличить продажу зерна, лесоматериалов, целлюлозно-бумажных товаров, металлических руд, удобрений, угля, нефтепродуктов, льна, различного промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин, транспортных средств, а также изделий легкой промышленности странам, нуждающимся в этих товарах. Советские внешнеторговые организации, в частности, могли бы в ближайшие 2–3 года поставить машин и оборудования на сумму в два–три миллиарда⁷⁵ рублей в страны Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Имеются большие возможности для увеличения советско-английской торговли.

В довоенный период английские фирмы являлись крупнейшими покупателями ряда важнейших советских экспортных товаров: зерна, лесоматериалов, нефтепродуктов и др. В свою очередь, советские импортные организации являлись основными покупателями многих видов продукции английского машиностроения, а также закупали в значительных количествах различные виды сырья.

При желании английских деловых кругов развивать торговлю с СССР, советские экспортные и импортные организации могли бы пойти на существенное расширение связей с английскими фирмами и довести товарооборот до максимального объема довоенного времени, который в 1937 г. составил около 2,5 миллиардов рублей в современных ценах.

---

⁷⁵ Исправлено на: «до трех миллиардов».

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

При этом расширение торговли может быть достигнуто не только за счет обычных для англо-советской торговли товаров, но и за счет закупки советскими импортными организациями тканей, пряностей, сельдей и др.

Советские торговые организации могли бы пойти на то, чтобы в 5–6 раз увеличить закупки *французских* товаров и продажу советских товаров во Франции, доведя товарооборот до размеров, превышающих максимальный довоенный товарооборот.

Советские внешнеторговые организации могли бы поставлять Франции зерно, лесоматериалы, марганцевую и хромовую руды, антрацит, каменноугольный пек, асбест, пушнину и другие товары в обмен на электротехническое, энергосиловое и подъемно-транспортное оборудование, суда, свинец, прокат черных металлов, химикаты, эфирные масла, ткани, искусственное волокно, а также какао-бобы, цитрусовые, пряности, пробковую кору и другие товары.

Широкие возможности имеются и для развития советско-*итальянской* торговли.

При готовности итальянских деловых кругов развивать торговые связи с советскими внешнеторговыми организациями, товарооборот между двумя странами мог бы быть существенно увеличен против современного и значительно превысить максимальный довоенный уровень, который составлял в современных ценах более 540 млн. рублей.

В Италии советские внешнеторговые организации могли бы закупать в значительных количествах обычные предметы итальянского экспорта: энергосиловое оборудование, краны, шарикоподшипники, электрокабель, ткани, искусственное волокно, эфирные масла, цитрусовые, миндаль, химикаты и др. Советские внешнеторговые организации могли бы разместить заказы на суда, которые позволили бы увеличить итальянский экспорт судов более чем вдвое и увеличить загрузку итальянских верфей Кантьери дель Медитерранео, Ансальдо, Навальмекканика и др. Заказы советских внешнеторговых организаций на текстильные товары могли бы существенно увеличить загрузку предприятий итальянских фирм Снина-Вискоза, Марцотто и др.

В оплату закупок итальянских товаров советские внешнеторговые организации могли бы поставлять Италии в значительных количествах зерно, лесоматериалы, уголь, мазут, парафин, железную и марганцевую руды, асбест и другие важные товары.

В отношении возможностей развития торговли СССР с Голландией можно указать на следующее.

В довоенный период *голландские* фирмы поставляли советским внешнеторговым организациям электрооборудование, суда, каучук, хи-

мические и фармацевтические товары, сизаль, сельдь и другие товары. Советский экспорт покрывал значительную часть импортных потребностей Голландии по ржи, ячменю, пшенице, пиломатериалам, марганцевой руде и т.д.

В настоящее время при желании голландских фирм развивать торговые связи с советскими внешнеторговыми организациями товарооборот между двумя странами мог бы существенно возрасти. Советские внешнеторговые организации могли бы дополнительно разместить заказы на суда, подъемное оборудование, изделия радиопромышленности, а также закупать каучук, олово, штапельное волокно, сельдь и другие товары. В свою очередь советские внешнеторговые организации могли бы поставлять такие существенные для Голландии товары, как зерно, лес, уголь.

Оживленную торговлю с Советским Союзом вели до Второй мировой войны также и *бельгийские* фирмы. Достаточно отметить, что поставки советских товаров удовлетворяли значительную часть импортных потребностей этой страны в пиломатериалах, пшенице, марганцевой руде и т.д.

Если деловые круги Бельгии хотят развивать взаимовыгодную торговлю, то советские внешнеторговые организации готовы не только восстановить, но и превысить довоенный объем товарооборота, достигавший более 300 млн. рублей в современных ценах. Расширяя поставки необходимых для Бельгии товаров, внешнеторговые организации СССР могли бы импортировать из этой страны в значительных размерах закупавшееся там и ранее энергосиловое, подъемное и другое оборудование, суда, прокат черных и цветных металлов, а также искусственное волокно и товары массового потребления.

Может значительно возрасти товарооборот Советского Союза со *Швецией, Норвегией, Данией, Швейцарией*.

Имеются возможности для дальнейшего увеличения товарооборота с *Финляндией*, уже значительно возросшего за последние годы и осуществляемого в настоящее время на основе долгосрочного Торгового соглашения.

Советские внешнеторговые организации, развивая торговлю в широких масштабах с Германской Демократической Республикой, имеют возможности для хозяйственных связей с деловыми кругами *Западной Германии* и могли бы разместить там заказы на товары, обычно вывозившиеся из Германии в СССР, с поставкой в течение ближайших 2–3 лет, на сумму не менее 2 млрд. рублей. Западногерманские фирмы могли бы получить заказы на станки, электротехническое, металлургическое, горное, насосно-компрессорное оборудование, стальной прокат и др. В

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

Советском Союзе западногерманские фирмы могли бы покупать зерно, лесоматериалы, марганцевую и хромовую руды, нефтепродукты и другие товары.

Большие возможности имеются для развития советско-американской торговли. Как известно, в довоенный период многие американские фирмы имели большой товарооборот с советскими внешнеторговыми организациями. При наличии желания у американских деловых кругов развивать торговлю с СССР, советские импортные организации могли бы разместить в США заказы на различные товары на сумму 4–5 млрд. рублей с поставкой в течение 2–3 лет. Это не исчерпывает возможностей и для более крупного расширения экономических связей. В свою очередь, советские внешнеторговые организации могут предложить американским фирмам различные интересующие их советские товары в значительных количествах⁷⁶.

Советские внешнеторговые организации могли бы восстановить торговые связи с *Японией*, при наличии заинтересованности японских фирм, и могли бы покупать в этой стране на значительную сумму шелк, текстильные изделия, оборудование, суда, цитрусовые, продавая ей уголь, лес, целлюлозу, асбест, химические, медицинские и другие товары⁷⁷.

Присутствующие на настоящем Совещании представители промышленных и торговых фирм западных стран, заинтересованные в экспорте или импорте различных товаров, могут использовать свое пребывание в Москве для установления делового контакта, ведения коммерческих переговоров и совершения сделок с советскими экспортно-импортными объединениями.

Советские торговые организации имеют большие возможности развивать на обоюдовыгодной основе торговлю и со странами *Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока*. Они могли бы закупить у этих стран обычно экспортируемые ими товары: каучук, цветные металлы, джут, хлопок, шелк, чай, пряности, кору хинного дерева, копру, маслосемена, рис, цитрусовые, бананы, табак и др. В обмен на указанные товары из Советского Союза могли бы поставляться различные промышленные изделия и оборудование, в частности, для металлургической, топливной, химической отраслей промышленности, а также легкой и пищевой промышленности для обеспечения переработки в этих странах местного сырья.

---

⁷⁶ Абзац выделен галочками сверху и снизу.

⁷⁷ По левому полю помета: вертикальная черта.

Советские промышленные организации могли бы также оказывать техническую помощь в проектировании и строительстве промышленных предприятий, электростанций, ирригационных систем и т.п. Советский Союз мог бы поставлять в эти страны тракторы и различные сельскохозяйственные машины, что содействовало бы развитию их сельского хозяйства.

Советские внешнеторговые организации готовы устанавливать и развивать торговые отношения с заинтересованными деловыми кругами *Индии, Индонезии, Пакистана, Цейлона, Бирмы, Таиланда, Малайи* и других стран Юго-Восточной Азии. О торговле с этими странами более подробно будет сказано советским представителем в секции торговли с экономически малоразвитыми странами.

Представители деловых кругов Индии, Пакистана, Индонезии, Бирмы, Таиланда и других стран посетили Москву и могут использовать благоприятные⁷⁸ возможности для завязывания хозяйственных связей с советскими внешнеторговыми организациями и для обсуждения интересующих их коммерческих вопросов.

Условия расчетов, практикуемые советскими торговыми организациями, если взять общеизвестные факты, не только не хуже, чем условия в других странах, но являются более гибкими. Как показывает практика, советские внешнеторговые организации во многих случаях могут без больших затруднений согласовать условия расчетов с иностранными фирмами на взаимоприемлемой и выгодной основе.

Советские торговые организации выражают готовность к заключению товарообменных сделок. Они могли бы также производить продажи товаров на национальные валюты, используя выручку в этих же странах. Учитывая существующие во многих странах валютные затруднения, товарообменные сделки и продажи товаров на местные валюты могли бы серьезно способствовать расширению торговли.

Наши торговые организации могут производить расчеты по сделкам через национальные банки, не прибегая к посредничеству иностранных банков. Что увеличит обороты местных банков и их заинтересованность во внешнеторговых операциях.

Для большинства западноевропейских стран особенно острой является проблема балансирования их расчетов со странами долларовой зоны. Эта проблема не была бы столь острой, если бы страны Западной Европы, наряду с торговлей с Америкой, восстановили и развили торговлю со странами Восточной Европы на основе взаимных товарных поста-

---

⁷⁸ «Благоприятные» зачеркнуто, помета: «теперешние»

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

вок. Между тем торговля этих стран со странами Восточной Европы в настоящее время почти в три раза меньше по объему, чем в довоенный период⁷⁹.

В заключение позвольте мне еще раз отметить, что для восстановления и расширения международных экономических связей, прежде всего, необходим отказ от всяких форм дискриминации в международной торговле. Мне уже не приходится распространяться о таких недопустимых фактах, как объявление торговой блокады со стороны США в отношении Китая, что является бессмысленным проявлением империалистической⁸⁰ агрессии.

Серьезное расстройство международной торговли, вызванное гонкой вооружений и политикой дискриминаций, осуществляемых правящими кругами США⁸¹ некоторых других⁸² стран, неизбежно ведет к ухудшению экономического положения и к снижению жизненного уровня населения многих стран, отрицательно влияет на экономику слаборазвитых стран, угрожает дальнейшим обострением экономических затруднений⁸³.

Возможности уменьшения этих затруднений находятся на путях восстановления и расширения торговых и экономических связей между странами с соответствующим восстановлением и расширением свертываемых в последнее время мирных отраслей промышленности.

Заключение торговых соглашений между странами, в том числе многосторонних и долгосрочных, с целью увеличения торговли продовольствием, лесом, углем, удобрениями, металлами, машинами, текстильными и другими товарами способствовало бы развитию международной торговли.

Расширению мировой торговли содействовало бы также заключение с экономически слаборазвитыми странами соглашений на поставку им промышленного оборудования и нужных им материалов в обмен на сырье и другие товары, производимые этими странами. Такие соглашения, основанные на принципах взаимной выгоды, при соблюдении уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела экономически отсталых стран, оказали бы благоприятное влияние на

---

⁷⁹ На верхнем поле, над этим предложением помета: «Что делается для того, чтобы уменьшить имеющиеся затруднения в экон[омическ]их отн[ошения]х между странами?»

⁸⁰ Слово зачеркнуто и исправлено на: «агрессивной политики».

⁸¹ «США» зачеркнуто.

⁸² «Других» – зачеркнуто. На левом поле помета: – две вертикальные черты.

⁸³ Далее вставка: «№2. Вот почему мы должны поставить здесь вопрос, который теперь ставят каждый день миллионы простых людей».

развитие национальной экономики и на повышение жизненного уровня населения этих стран.

Осуществление программы расширения торговых связей Советского Союза с другими странами, вместе с общим ростом оборота международной торговли, явится серьезным вкладом в дело международного сотрудничества и будет содействовать смягчению экономических трудностей, созданию условий для повышения уровня жизни людей, улучшению отношений между государствами и тем самым большей устойчивости в международных отношениях.

Позвольте, господа, выразить уверенность в том, что наше Совещание проделает плодотворную работу, отвечающую интересам многих миллионов людей.

№2. Сопроводительная записка В.М.Молотова на имя И.В.Сталина⁸⁴

Тов[арищу] Сталину

Представляю три заключительных документа Международного экономического совещания, которые сегодня будут поставлены на утверждение Совещания:

- а) Коммюнике о Международном экономическом совещании;
- б) Обращение Международного экономического совещания к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций;
- в) О создании Комитета содействия развитию международной торговли.

От СССР в состав Комитета войдут т[оварищи] Нестеров и Хохлов.

Прилагаемые документы предварительно были рассмотрены и в основном утверждены Комиссией ЦК.

Предложения по вопросу о торговых сделках советских организаций с представленными на Совещании фирмами капиталистических стран будут представлены на утверждение ЦК.

В.Молотов.

12 апреля 1952 г.

Послано товарищам:

Маленкову⁸⁵, Берия⁸⁶, Булганину⁸⁷, Микояну⁸⁸, Кагановичу⁸⁹, Хрущеву⁹⁰.

---

⁸⁴ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.73. Машинопись.

⁸⁵ Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – государственный и партийный деятель, председатель СМ СССР (1953–1955)

⁸⁶ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – государственный и партийный деятель, заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1953).

⁸⁷ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – государственный и военный деятель,

№3. Проект итогового коммюнике⁹¹

Проект

Коммюнике

О Международном экономическом совещании в Москве

С 3 по 12 апреля в Москве проходило Международное экономическое совещание промышленников, коммерсантов, деятелей профсоюзов и кооперативов, которое обсудило «возможности улучшения условий жизни людей посредством мирного сотрудничества различных стран и различных систем, путем развития экономических связей».

В Совещании приняли участие 471 человек из 48 стран, а именно: Австралии, Австрии, Албании, Аргентины, Бельгии, Бирмы, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Венесуэлы, Вьетнама, Германской Демократической Республики, Голландии, Греции, Дании, Египта, Западной Германии, Израиля, Индии, Индонезии, Ирана, Исландии, Италии, Канады, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Кубы, Ливана, Люксембурга, Мексики, Монгольской Народной Республики, Норвегии, Пакистана, Парагвая, Польши, Румынии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических республик, Уругвая, Финляндии, Франции, Цейлона, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции, Японии.

Совещание всесторонне рассмотрело нынешнее состояние мировой торговли и установило, что ухудшение международных отношений, особенно усилившееся за последние годы, увеличило искусственные препятствия, мешающие торговле между странами. Нарушены традиционные торговые связи между странами, ограничены географические сферы торговли и резко нарушен обмен между Западом и Востоком.

Расстройство мировой торговли наносит серьезный ущерб развитию экономики ряда стран, нарушает равновесие торговых и платежных балансов и неблагоприятно влияет на уровень жизни людей, вызывая ухудшение продовольственного положения, рост цен, увеличение безработицы и затрудняет проведение социальных мероприятий и особенно жилищное строительство.

зам. председателя СМ СССР(1949–1953).

⁸⁸ *Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель, зам. председателя СНК (СМ) СССР(1937–1955).*

⁸⁹ *Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – государственный и партийный деятель, зам. председателя СМ СССР(1946–1953).*

⁹⁰ *Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – государственный и партийный деятель, 1-й секретарь Московского горкома партии (1949–1953).*

⁹¹ *РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.74–76. Машинопись.*

В результате широкого и свободного обмена мнениями Совещание единодушно установило, что объем международной торговли может быть значительно увеличен и что расширение торговых связей между странами принесло бы выгоду промышленникам, коммерсантам, земледельцам. Оно привело бы к лучшему использованию экономических ресурсов всех стран и способствовало бы увеличению занятости и повышению уровня жизни широких масс населения.

Заявления участников Совещания, прибывших из разных стран, позволили констатировать, что различия экономических и социальных систем не являются препятствием для расширения экономических международных связей, основанных на равенстве и взаимной выгоде.

На Совещании выявились большие конкретные возможности расширения торговли между странами Западной Европы, США, Канады, странами Латинской Америки, Азии, Африки, Советским Союзом, Китаем и странами Восточной и Центральной Европы.

Работа Совещания показала, что экономический прогресс в слабо-развитых странах и снабжение их машинами и промышленным оборудованием, так же как взаимовыгодное соотношение между ценами на сырье, которое они экспортируют, и товары, которые они импортируют, имеют жизненно важное значение для развития международной торговли и мирного экономического сотрудничества.

Совещание считает, что быстрая индустриализация слабо-развитых стран и международное сотрудничество в этих целях крайне необходимо и им должно быть оказано всяческое содействие.

Участники Совещания выступили с предложением по увеличению объема внешней торговли и назвали товары, которые они могли бы продать и купить на взаимовыгодных условиях. Был выдвинут ряд конкретных предложений, преследующих задачу облегчить условия международной торговли, и, в частности, заключение торговых сделок в национальной валюте.

В период работы Совещания представители деловых кругов разных стран получили возможность установить личный контакт, обсудить на широкой основе интересующие их вопросы и вести коммерческие переговоры. В результате переговоров заключено значительное количество сделок между представленными на Совещании фирмами разных стран. Коммерческие переговоры, начатые на Совещании, продолжаются в настоящее время, свидетельствуя о том, что среди торговых деятелей существует большое желание использовать все возможности для расширения внешней торговли.

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

В этих условиях правительствам, а также Организации Объединенных Наций надлежит предпринять соответствующие действия. В связи с этим, участники Совещания решили обратиться к Генеральной Ассамблее ООН с предложением созвать в ближайшее время межправительственное совещание по вопросам международной торговли с участием представителей деловых кругов, профессиональных союзов и других общественных организаций.

На Совещании выявилось единодушное стремление всех его участников продолжить и развивать начатую ими работу по расширению международной торговли. В частности, признано желательным провести еще одно Международное экономическое совещание, основанное на том же принципе экономического сотрудничества между всеми странами, независимо от их экономических и социальных систем, которым руководствовались Международное экономическое совещание в Москве. Также было решено продолжить обмен информацией в отношении экспортных и импортных возможностей различных стран.

Для проведения этих предложений в жизнь Совещание избрало Комитет содействия развитию международной торговли. В состав Комитета вошли следующие лица⁹²:

Участники Совещания обращаются к деловым людям всех стран и деятелям науки и техники, профессиональным союзам и кооперативам, независимо от их взглядов, с призывом поддержать начинания по развитию торгового обмена между странами и по устранению препятствий, мешающих этому обмену.

Совещание выражает уверенность, что развитие мировой торговли на взаимовыгодных условиях послужит делу укрепления экономического сотрудничества между народами и улучшению условий жизни людей.

Принято Пленарным заседанием Международного экономического совещания в Москве 12 апреля 1952 года.

№4. Проект Обращения⁹³

Проект

Обращение Международного экономического совещания к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций

Международное экономическое совещание решает обратиться к Генеральной Ассамблее [Организации] Объединенных Наций со следующим заявлением:

---

⁹² В данном варианте документа эти лица не перечисляются.

⁹³ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.77-78. Машинопись.

С 3 по 12 апреля 1952 года в Москве состоялось Международное экономическое совещание, созванное по инициативе промышленников, коммерсантов, экономистов, профсоюзных и кооперативных деятелей в целях выяснения «возможностей улучшения условий жизни людей посредством мирного сотрудничества различных стран и различных систем путем развития экономических связей». В этом Совещании приняли участие 471 человек, по преимуществу представители деловых кругов, прибывшие из 48 стран, а именно, Австралии, Австрии, Албании, Аргентины, Бельгии, Бирмы, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Венесуэлы, Вьетнама, Германской Демократической Республики, Голландии, Греции, Дании, Египта, Западной Германии, Израиля, Индии, Индонезии, Ирана, Исландии, Италии, Канады, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Кубы, Ливана, Люксембурга, Мексики, Монгольской Народной Республики, Норвегии, Пакистана, Парагвая, Польши, Румынии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических республик, Уругвая, Финляндии, Франции, Цейлона, Чехословакии, Чили, Швейцарии, Швеции, Японии.

Международное экономическое совещание считает необходимым обратить внимание Генеральной Ассамблеи [Организации] Объединенных Наций на расстройство и сокращение экономических связей между государствами, вызванное всякого рода искусственными ограничениями и препятствиями, особенно усилившимися за последние годы. В результате этого национальная экономика многих стран испытывает серьезные затруднения, нарушение равновесия платежных балансов, ограничение импорта жизненно необходимых товаров, рост цен, задержку промышленного развития, увеличение безработицы, обострение недостатка продовольствия, ухудшение условий жизни населения.

В то же время, как это было установлено на Совещании, существуют большие возможности для увеличения объема международной торговли и расширения ее географических границ. На Совещании выяснилось, что деловые круги проявляют большой интерес к тому, чтобы использовать эти возможности для дальнейшего расширения торговли между странами.

Совещание учитывает, что Организация Объединенных Наций, согласно статье 55 Устава, призвана содействовать «повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития».

В современных условиях особое значение имеет развитие торговли между странами. В связи с этим международное экономическое совещание обращается к Генеральной Ассамблее ООН с предложением – созвать в ближайшее время совещание представителей правительств с

«ВАЖНАЯ ФАЗА МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ МОСКВЫ»

участием деловых кругов, профессиональных союзов и других общественных организаций всех стран в целях содействия расширению международной торговли.

Принято Пленарным заседанием Международного экономического совещания в Москве 12 апреля 1952 года.

№5. Проект Решения о создании Комитета⁹⁴

Проект

О создании Комитета содействия развитию международной торговли

Международное экономическое совещание решает продолжить усилия, начатые на этом Совещании, чтобы содействовать расширению торговли между странами на основе равенства и взаимной выгоды, в интересах экономического развития стран и благосостояния их населения. В этих целях Международное экономическое совещание решает учредить Комитет содействия развитию международной торговли.

В задачи Комитета входит содействие распространению информации о Международном экономическом совещании и о расширении торговли между странами.

Совещание поручает Комитету представить незамедлительно Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций Обращение, принятое Международным экономическим совещанием 12 апреля с[его] г[ода].

Этому Комитету также поручается установить дату и место созыва второго Международного экономического совещания.

Расходы Комитета будут покрываться добровольными взносами отдельных лиц, групп и национальных комитетов, заинтересованных в содействии международной торговле.

Комитет содействия развитию международной торговли, выделенный Совещанием, состоит из следующих лиц⁹⁵:

Принято Пленарным заседанием Международного экономического совещания в Москве 12 апреля 1952 года.

---

⁹⁴ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.753. Л.79. Машинопись.

⁹⁵ В данном варианте документа эти лица не перечисляются.

Для нас, русских с душою, одна Россия
самобытна, одна Россия истинно
существует; все иное есть только
отношение к ней, мысль, Провидение.
Мыслить, мечтать можем в Германии,
Франции, Италии, а дело делать
единственно в России.

Н.М.Карамзин

**Мир не кровью, а дружбой
и любовью должны мы
уберечь.**

Ганс Сакс

Игорь Максимычев

ДВЕ ГЕРМАНИИ

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОСЕЩЕНИЯ
БЕРЛИНА В МАЕ 2015 ГОДА**

УДК
93/94(430).087

Автор поделился впечатлениями о своей недавней поездке в германскую столицу, совпавшей по времени с празднествами по случаю 70-летия великой Победы. Взгляд знатока германских дел, автора многочисленных исследований по истории немцев в XX веке, наблюдавшего «изнутри», как на самом деле происходило расширение ФРГ за счет ГДР, представляет интерес, поскольку он не дает себя сбить с толку картинке, которую тщательно рисуют политики и СМИ ФРГ, заботящиеся о чем угодно, но только не о надежном мире в Европе. А ведь от того, что думают и что делают немцы, продолжает зависеть многое в сегодняшнем мире. Автор приходит к выводам, оставляющим надежду на то, что миролюбие и готовность к конструктивному сотрудничеству, которые можно считать оставленным немцам политическим завещанием ГДР, в конце концов возобладают.

The author shares with impressions he gained during his recent visit to the capital of Germany (the visit coincided with the 70-th jubilee of the Great Victory). The opinion of the expert on German affairs, author of numerous studies in the 20th century German history, a person who from "within" observed how the Federal Republic of Germany really expanded at the expense of the German Democratic Republic is of interest because a picture that is carefully produced by media and politicians who care of anything but firm and safe peace in Europe does not disturb the author's judgment. For a lot in the contemporary world still depends on what Germans think and do. The author comes to the conclusions providing a hope that peacefulness and readiness to constructive cooperation (both traits can be regarded as the GDR's political testament) will prevail in the final resort.

Ключевые слова: ФРГ; ГДР; празднование Дня победы.

Key words: the Federal Republic of Germany; German Democratic Republic; the Victory Day celebration.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

Так случилось, что в день 70-летия великой Победы мне пришлось вылететь дневным рейсом «Аэрофлота» в Берлин. В Москве стояла чудесная весенняя погода – тепло, солнце, ни единого облачка на небе. Из-за приготовлений к праздничному параду часть улиц в центре и северных районах города была перекрыта. Такого свободного движения я не видал со времен Олимпиады 1980 года! От Смоленской площади до Шереметьева мы домчались меньше, чем за полчаса – рекорд, в обычных условиях совершенно немыслимый для столицы. И хотя пришлось довольно долго ждать вылета (выезд в аэропорт состоялся, как всегда, заблаговременно), настроение оставалось отличным. Его не испортило даже то обстоятельство, что из-за каких-то технических неполадок наш самолет прервал начатый было предвзлетный разгон и почти час простоял на временной стоянке со всеми пассажирами на борту. Наконец, пришел дядя Вася с выдавшим виды чемоданчиком в руках, покопался во внутренностях крылатой машины и дал добро на старт.

Полет прошел абсолютно нормально. Забота авиаперсонала о путешествующих гражданах была безукоризненной. За два с небольшим часа полета мы не успели соскучиться по земным условиям. После посадки в берлинском аэропорту Шенефельд наш самолет долго рулил по бетонным дорожкам до здания старого терминала, который был мне до боли знаком еще со времени работы в посольстве в Берлине. Мы лихо прокатились мимо нового терминала, который в принципе должен был быть уже давно сдан в эксплуатацию. В соответствии с принятой в расширенной ФРГ практикой устранять все, что напоминает о ГДР и ее истории, ему присвоили новое имя – сокращенно Бер (**Ber**), созвучное не только названию города, но и понятию **Bär** (то есть медведь, фигура которого входит в городской герб столицы Германии). Однако в ходе приемки завершённых строительных работ выяснилось, что налицо куча недоделок, в том числе по части противопожарной безопасности, к которой в Германии относятся очень серьезно. Начало эксплуатации было отложено до лучших времен, которые никак не наступают. Пока же для приема и проводов пассажиров продолжает использоваться старое здание, которое стало тесным еще при ГДР.

Прокатились мы и мимо небольшого двухэтажного домика для «особо важных» пассажиров, где во времена восточногерманской республики обслуживались многочисленные высокопоставленные иностранные делегации. Сколько раз мы с послом В.И.Кочемасовым встречали и провожали здесь гостей из Москвы, включая генерального секре-

таря ЦК КПСС М.С.Горбачева! Бывали периоды, когда мы каждый Божий день являлись в этот домик как к себе домой. После присоединения ГДР к ФРГ «терминал VIP» использовался высшими западногерманскими чиновниками, осуществлявшими управление «новыми землями» из Бонна. Между Бонном, который еще десять лет оставался местом пребывания центральных органов власти ФРГ, и Берлином в течение всего этого периода ежедневно курсировало несколько челночных рейсов, чтобы ответственные работники могли завтракать и ужинать в домашних условиях. Особенно запомнился мне этот домик тем, что здесь мне довелось встречать Фиделя Кастро, когда его самолет по пути в Москву на празднование 70-летия Октябрьской революции совершил промежуточную посадку в Берлине. Протокол требует, чтобы в таких случаях присутствовал дипломатический представитель страны назначения. Посол был уже в Москве, и мне, как временному поверенному в делах, выпала честь позжать руку кубинскому лидеру. Таким образом, я могу быть благодарен судьбе за то, что лично познакомился с тремя самыми харизматичными политиками XX века – Конрадом Аденауэром, Шарлем де Голлем и Фиделем Кастро.

Погода по прибытии в Берлин оказалась совершенно не праздничной – низкая облачность, накрапывающий дождь, холодный ветер. Можно исходить из того, что природа действовала логично: ведь эта Победа – наша Победа, а очень многие немцы до сих пор считают, что 8/9 мая больше день поражения Германии, чем день ее освобождения. Наверное, сегодня сияющее весеннее солнце в Берлине воспринималось бы в каком-то смысле как нечто неуместное: начало мирной жизни для немцев 70 лет назад оказалось очень трудным. Но были немцы, для которых этот день остался символом начала новой эпохи – эпохи без войн и междоусобной вражды. Встречавший меня водитель посольства рассказал, что по дороге в аэропорт попал в гигантскую пробку, образовавшуюся из-за проезда огромной компактной группы мотоциклистов с российскими, немецкими и польскими флажками. Это были знаменитые байкеры из российского клуба «ночных волков», окруженные солидарными коллегами из других стран. Самих русских байкеров, достигших конечной цели своего мотопробега Москва–Берлин в честь юбилея Победы, было совсем немного. Перед лицом их «подрывающего устойчивости демократии» плана возложить 9 мая цветы к зданию рейхстага, на стенах которого расписывались победители фашизма, власти почти всех транзитных государств, начиная с Польши, начисто лишились способности трезво соображать и приступили к аннулированию полученных в

официально установленном порядке виз. Прорвавшихся через многочисленные кордоны мотоциклистов из Москвы задерживали и на территории Германии, но – к чести немецкой полиции будь сказано – в конце концов пропустили. В конечном счете, многим из тех, кто стартовал в российской столице, пришлось вернуться. Однако недостающих участников ралли с избытком заменили «чужие» байкеры, протестовавшие против произвола своих политиков. В результате «ночные волки» все же достигли рейхстага, а из их пробега получилась демонстрация европейской солидарности с нашими солдатами Победы, что совсем не входило в планы инициаторов преследования «волков».

Солидарность байкеров не была исключением из правила. Как показала телевизионная картинка, 8 мая огромная масса народа, почти как во времена ГДР, пришла к всемирно известному мемориалу советскому солдату-освободителю в Трептов-парке. Высоким было участие и в многочисленных церемониях у других советских мемориалов в Германии в память о жертвах, принесенных советским народом ради ликвидации коричневой чумы. Очень много людей посетило прием в российском посольстве, состоявшийся вопреки дипломатическим обычаям в субботу, на которую пришлось в этом году 9 мая (как правило, приемы не проводятся даже по пятницам, поскольку все потенциальные гости разъезжаются на выходные). К сожалению, из-за опоздания самолета я не смог попасть на этот прием. В величественных залах здания посольства на Унтер-ден-Линден праздник всегда становится особенно торжественным.

Мероприятия в честь Победы над нацизмом проходили и в другие дни мая. В частности, поводом для моей поездки в Берлин стала международная научная конференция 12 мая в Музее капитуляции фашистской Германии, приуроченная к 20-летию его преобразования в Российско-германский музей Берлин-Карлсхорст. Ровно семь десятилетий назад к концу дня 8 мая (в связи с разницей во времени в Москве уже наступило 9 мая) в актовом зале бывшей военно-инженерной школы в берлинском районе Карлсхорст состоялось подписание представителями командования вермахта Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил рейха. Позже наши военные историки организовали здесь Музей капитуляции, который входил в систему политической подготовки Группы советских войск в Германии. В мае 1995 года в соответствии с соглашением между правительствами России и Германии в этом здании открылся новый музей с расширенной и согласованной между обеими сторонами постоянной экспозицией, отражающей события

предвоенного, военного и послевоенного периодов в отношениях между немцами и русскими. Меня пригласили на конференцию в качестве многолетнего сопредседателя Научного совета музея.

Я прилетел чуть-чуть пораньше, так как один из центральных телеканалов ФРГ намечал мое участие в дискуссии по проблемам российско-германских отношений вечером в воскресенье 10 мая в связи с назначенной на этот день поездкой канцлера Ангелы Меркель в Москву. Поездка канцлера состоялась, а вот дискуссия по каким-то техническим причинам нет. Об этом можно было только сожалеть, поскольку тон глашатаев германской политики и средств массовой информации в отношении России и вообще русских стал абсолютно неприемлемым после вооруженного государственного переворота в Киеве и прихода к власти там неонацистов. Нас в немецких правящих кругах и СМИ не слышат и не хотят слышать.

Освободившееся время я потратил на то, чтобы поближе ознакомиться с двумя полярно противоположными по содержанию «установочными» речами, произнесенными в ФРГ в дни 70-летия Победы и посвященными как оценке значения этой даты для сегодняшней Германии, так и ближайшим перспективам отношений между Россией и ФРГ. 8 мая по приглашению федерального правительства на специальном заседании, состоявшемся в здании бундестага, выступил с докладом берлинский профессор Генрих Август Винклер. Он не входит в число наиболее авторитетных из ныне живущих историков, и поэтому можно смело предположить, что заказанный ему текст до мельчайших деталей отражает позицию, занимаемую официальным Берлином в отношении события, имевшего решающее значение для судеб Европы и мира. И действительно, речь Винклера явилась по существу инструкцией для германских (и не только) органов пропаганды к 70-летию Победы. Возможно, она также преследовала цель несколько амортизировать вероятное недовольство американцев московской поездкой Меркель.

Вопрос о причинах и обстоятельствах установления развязавшей Вторую мировую войну нацистской диктатуры в Германии профессор не мог обойти молчанием, но ответил на него весьма своеобразно. Оказывается, у истоков германского фашизма стояли не расовое мракобесие, не притязания на верховенство Германии и немцев в мире, не воспитание ненависти к «недочеловекам», которыми были объявлены евреи, а также «объевреившиеся» народы почти всей восточной половины Европы, а проявившееся после Первой мировой войны «сдержанное отношение немцев к западной демократии». По укоренившейся в Запад-

ной Германии традиции, главным преступлением нацизма Винклер называет преследования европейского еврейства: «Центральным фактом германской истории XX века является Холокост». В приводимый им перечень остальных злодеяний гитлеровского режима («умерщвление цыган, десятков тысяч душевнобольных, а также неисчислимого количества гомосексуалистов») он лишь в последнюю очередь включает «страшные военные преступления в оккупированных и ограбленных Германией странах Европы». О том же, что натворили немцы конкретно в Советском Союзе и в целом в Восточной Европе, Винклер говорит в другом месте, скороговоркой упоминая о бесчеловечной блокаде Ленинграда, об истреблении миллионов советских военнопленных и о тяжелой судьбе принудительно угнанных на работу в Германию людей, «прежде всего остарбайтеров и опять, особенно, евреев».

Все это должно, по мнению Винклера, вести к выводу о необходимости для немцев сознавать вытекающие из случившегося «моральные обязательства». Последние, впрочем, не могут служить аргументом в пользу неучастия Германии в совместных с другими государствами «акциях покровительства» в смысле «ответственности мирового сообщества за защиту своих членов». То есть, другими словами, в американских или натовских интервенциях по всему белому свету.

Обращает на себя внимание абсолютно беспардонное искажение в докладе обстоятельств, сопровождавших развязывание Германией Второй мировой войны. Как это принято сейчас на Западе, Винклер без всякого стеснения приписывает вину за нацистскую агрессию Советскому Союзу, победа которого, оказывается, вызвала и «холодную войну» тоже. Не заботясь об элементарной логике, он рассуждает о «двойной германо-советской агрессии в соответствии с пактом Гитлера–Сталина», жертвами которой стали соседи ФРГ, нынешние ее партнеры по Евросоюзу и НАТО. Мало того, что подобные рассуждения ведут к оправданию коллаборационистов и пособников фашизма в оккупированных немцами странах, профессор стальным тоном провозглашает: эти страны никогда больше не будут той «промежуточной Европой», которая когда-то старалась поддерживать добрые отношения и с западной, и с восточной частями континента. Теперь это все навсегда – Западная Европа: «У Польши и прибалтийских государств никогда не должно возникать впечатления, будто Берлином и Москвой принимаются какие-то решения через их голову». Другими словами – да здравствует единый русофобский фронт!

На таком фоне уже не удивляют яростные выпады Винклера против России в связи с кризисом вокруг Украины. Разумеется, профессор объявляет воссоединение Крыма с Россией «противоречащей международному праву аннексией», которая «радикально поставила под вопрос действенность принципов Парижской хартии [1990 года] и с ней европейский миропорядок, о котором тогда договорились бывшие контрагенты холодной войны». Винклер, естественно, умалчивает о таких «мелочах», как то, что Запад не выполнил ни одного своего обязательства по Парижской хартии (например, создание общеевропейской системы коллективной безопасности было перечеркнуто продвижением НАТО на Восток); что на Украине в феврале 2014 года произошел поддержанный Западом вооруженный антиконституционный переворот, в результате которого к власти в Киеве пришли неонацисты; что жители Крыма свободно и огромным большинством проголосовали за то, чтобы быть с Россией. Самым важным для него было заверить «вашингтонский обком» в том, что Германия «делает все, чтобы обеспечить единство Евросоюза и НАТО». Ссылка на усилия ФРГ «в тесном контакте со своими союзниками сохранить или восстановить в диалоге с Россией все, что возможно, от конструктивного сотрудничества между Западом и Востоком» не более чем дежурная фраза, нацеленная на успокоение германского общественного мнения, встревоженного явным обострением политического климата в мире.

Общей направленности доклада отвечает и фарисейский тезис Винклера о том, что в 1945 году освобождение пришло лишь для Западной Германии: «Немцы, жившие в другой части страны, были на протяжении четырех с половиною десятилетий лишены политической свободы». И лишь победа Запада в «холодной войне» принесла им долгожданный суверенитет: «Германия восстановила свое единство в 1990 году только потому, что надежно порвала с теми из своих политических традиций, которые противоречили развитию свободной демократии западного образца». В докладе Винклера ни разу даже не упоминается Германская Демократическая Республика с ее принципиально миролюбивой внешней политикой, хотя вклад восточногерманского социалистического государства в поддержание глобальной стабильности в XX веке неопределим.

С учетом воинствующей русофобии, которой пропитана не только лекция, прочитанная Винклером, но и заявления других официальных представителей ФРГ, а также все материалы германских СМИ, посвященные знаменательной дате, особое звучание приобрела речь Оскара

Лафонтена – бывшего председателя федерального правления Левой партии ФРГ – на ее мемориальном мероприятии в честь 70-летия Освобождения, состоявшемся 7 мая в том же здании бундестага. Занимающий ныне пост председателя фракции Левой партии в Саарском ландтаге Лафонтен был в свое время одним из лидеров СДПГ, соратником Вилли Брандта. Он и сегодня пользуется широкой известностью и популярностью в ФРГ. К его голосу прислушиваются многие.

Лафонтен начал с констатации того факта, что в ФРГ непростительно искажается история борьбы против нацизма. Он подчеркнул, что «германская буржуазия, которая – за некоторыми исключениями – не выступала всерьез против нацистов ни в 1933 году, ни в последующие годы, интерпретировала завершение Второй мировой войны по-иному, чем рабочее движение, участвовавшее в Сопrotивлении еще до 1933 года, а также во время нацистской диктатуры». «В рамках преподавания истории в школах, – продолжал он, – Сопrotивление было сведено к покушению [на Гитлера] 20 июля 1944 года и к отдельным акциям убежденных верующих. Реже упоминалось о борьбе и страданиях представителей рабочего движения, деятелей профсоюзов, коммунистов и социал-демократов». Действительные причины прихода нацизма к власти затушевывались: «В то время как в ГДР капитализм рассматривался в качестве питательной среды и источника фашизма, в Западной Германии споры о взаимосвязи между капитализмом и фашизмом быстро сошли на нет, не в последнюю очередь потому, что капитализм под вывеской "свободного рыночного хозяйства" привел к "экономическому чуду" и вытеснил на периферию вопрос о том, как дело могло дойти до нацистской диктатуры. Однако этот вопрос был и остается актуальным!»

Лафонтен считает, что для устранения опасности возрождения нацизма требуется построение нового экономического порядка, при котором работникам наемного труда «была бы доступна занятость в условиях самоопределения, когда они были бы ее субъектами, а не объектами. Только так они смогли бы избежать несвободы и слепого приспособленчества». Однако, продолжал он, «сегодня, в эпоху диктатуры финансовых рынков, нигде в Европе нет и речи об обществе, где учитывались бы интересы большинства».

Из внешнеполитических проблем лидер Левой партии остановился на ситуации вокруг украинского кризиса, особо подчеркнув необходимость выполнить «наш долг по отношению к русскому народу». Он говорил о задаче членов партии «как раз сегодня, в день памяти о более чем 27 миллионах павших представителей народов бывшего Советского

Союза», позаботиться «о возобновлении политики разрядки и добрососедства с Россией и Украиной». «Безопасность в Европе, – отметил он, – и это также является уроком Второй мировой войны, нельзя обеспечить против России, но только с ней».

В этой связи Лафонтен указал на особую внешнеполитическую роль, выпадающую на долю Германии в сложившейся в мире обстановке: «...Если агрессивный американский империализм отбросил после развала СССР всякие самоограничения и стал проводить безоглядную экспансионистскую политику, то мы, левые, также требуем, чтобы Германия взяла на себя новую ответственность в мире. Правда, мы понимаем эту ответственность иначе, чем правящие [в ФРГ] партии. Нам нужна, наконец, самостоятельная европейская внешняя политика с прицелом на защиту ценностей Европы, свободы, демократии, социальной справедливости и достоинства человека и на отказ от интервенционистских войн и неокOLONиальных авантюр. Наша ответственность заключается в том, чтобы воспрепятствовать губительной политике США и добиться предоставления России ее места в общем Европейском доме. Мы хотим жить в мире с Россией, потому что мы намерены строить мирный и свободный мир, как о том говорилось в клятве выживших узников Бухенвальда».

Оба эти документа чрезвычайно убедительно показывают, что, несмотря на все пропагандистские усилия «свободных» западных СМИ, на деле и сегодня мир имеет дело с двумя Германиями. На германской земле даже четверть века спустя после включения ГДР в состав ФРГ продолжается латентная гражданская война Запада против Востока. При этом растет доля немцев, не доверяющих официальной политике Берлина, которая грозит втянуть их в конфликт, сулящий только потери и лишения. В свое время ГДР не устояла перед концентрированным давлением неблагоприятных факторов. Но она существовала, жила и работала не напрасно. Ее достижения воспринимаются многими сегодняшними немцами как доказательство того, что построение справедливого общества, объединяющего плюсы рынка и заботу о человеке, лежит в пределах возможного. Ностальгию по ГДР испытывают не только восточные немцы. Это чувство перешагнуло границы Восточной Германии и знакомо не только старшему поколению, жившему при ГДР, но и молодым людям, родившимся уже после того, как ее не стало. В такой обстановке было бы явно преждевременным списывать со счетов миролюбие массы германского населения и ее готовность к международному сотрудничеству. Это та сила, которая принуждает официальную политику ФРГ постепенно корректировать свой русофобский курс.

Встречи с немцами из числа моих друзей еще со времен работы в Берлине, беседы с участниками конференции в Карлсхорстском музее, рассказы коллег из российского посольства подтвердили сложившееся у меня впечатление, что не все в Германии стараются забыть военный вклад СССР в сокрушение нацистской диктатуры и его политическое содействие германскому объединению в условиях мира. Советские воинские захоронения и мемориалы на территории ФРГ поддерживаются в образцовом порядке, недавно закончено составление полного реестра таких объектов с их фотографиями и подробным описанием, к 70-летию Победы у многих из них состоялось возложение цветов населением.

Для меня лично особенно примечательной стала массовая церемония у памятника погибшим советским воинам в Тиргартене, который на протяжении четверти века был практически «забыт» официальными властями – памятник находится в двух шагах от рейхстага, и магистрат во главе с ХДС, как мне помнится, первоначально предпринимал попытки перенести его подальше от центра города. Не менее значительным было то, что даже президент ФРГ Иоахим Гаук, которого никак нельзя заподозрить в «излишних» дружеских чувствах к нашей стране, принял участие в памятных мероприятиях у Зееловских высот, со штурма которых начался финальный бросок Красной Армии к Берлину в апреле 1945 года.

Крутой разворот правительства федерального канцлера Ангелы Меркель после февраля 2014 года к конфронтации с Россией отнюдь не означает, что Германия окончательно потеряна для нас в качестве партнера. И в нынешней обстановке сохраняет всю свою действенность тезис о том, что гарантией мира в Европе остается российско-германское взаимопонимание. Какие бы препятствия ни стояли на пути к нормализации отношений между ФРГ и Россией, сколько бы времени для их налаживания ни потребовалось, альтернативы для нашей готовности продвигаться в этом направлении нет. Тем более что возможности для сопряжения наших общих с ФРГ интересов налицо. Мои впечатления от посещения Берлина в знаменательные майские дни 2015 года подтверждают это.

Наши авторы

Зимонин Вячеслав Петрович

доктор исторических наук, профессор, академик РАН,
заслуженный деятель науки РФ

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России Средневековья и Нового времени
РГГУ

Савин Андрей Иванович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории Сибирского отделения РАН

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
член Нью-Йоркской Академии наук, Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского
государственного областного университета, главный
специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Лазарева Любовь Николаевна

кандидат исторических наук, ведущий специалист Центра
документальных публикаций РГАСПИ, доцент кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
(Филиал РГГУ в г. Домодедово)

Максимычев Игорь Федорович

доктор политических наук, посланник в отставке, главный
научный сотрудник Института Европы РАН

Our authors

Zimonin Vyacheslav Petrovich

D.Sci., historian, Professor, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, honorary worker of the RF science

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Savin Andrey Ivanovich

Ph.D., historian, senior researcher, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemists-gerontologist, honorary member of the Biochemical Society and the member of the American Gerontological Society, historian, publicist

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, honorary worker of the RF science, Head of Scientific Centre of theoretical research of the Institute of world history, Russian Academy of Sciences

Zhuravlev Valeriy Vassilieвич

D.Sci., historian, Professor, the head of Chair for the Modern Russian History, Moscow State Regional University, the head specialist of the "Centre Documentary Publications", the Russian State Archive of Socio-Political History

Lazareva Lyubov' Nikolaevna

Ph.D., historian, leading specialist of the "Centre Documentary Publications", the Russian State Archive of Socio-Political History, assistant Professor, Chair of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines (Domodedovo branch of Russian State University for Humanities)

Maksimychev Igor' Phedorovich

D.Sci. in political sciences, Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.), the Chief researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

**ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ
в редакции**

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru, kurilenkova@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**ЖУРНАЛ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ
с доставкой по всей России (или приобрести)**

в книжном интернет-магазине «Русская деревня»

www.hamlet.ru тел. (495)650-60-31

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Для иностранных читателей

подписка проводится через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495)672-70-12, e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала

оформляется через Научную электронную библиотеку:

www.elibrary.ru

Вниманию подписчиков!

Подписка на 2016 год

только по каталогу «Пресса России»

индекс старый 39363.

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

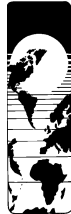
© «Россия XXI», 2015. Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
сайт <http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 19.06.2015.
Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз . Заказ № .
Отпечатано в ООО «Полиграфторг»
428019, г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 15.
Тел. 8(8352)28-77-98, 57-01-87

3.2015 may-june

Geopolitics and International Policy Issues

Vyacheslav Zimonin

Calculations and Miscalculations. How Geo-Strategy
Became a Hostage of Geopolitics _____ **6**

Labels and Myths

Andrey Yurganov

“Philistinism” and “Platitude” in Literary-
Philosophical Controversies of the Modernists
and the Positivists in the Early 20th Century
(the end) _____ **30**

Pages of History

Andrey Savin

“We All are Do-or-Die Heroes Here...”.
Phenomenon of the Soviet Society Social Mobility
in Light of Its Elevation (1920–1930) _____ **56**

Zhores Medvedev

A Dangerous Profession _____ **84**

Topical Archive

Victor Mal'kov

“Shuttle Diplomacy Harry Hopkins”.
On the History of the Letter
to Stalin _____ **110**

Valeriy Zhuravlev, Lyubov' Lazareva

“... An important phase of the peace
offensive of Moscow ...”. Based on
materials from the International
Economic Conference 1952 _____ **134**

Readers Letters

Igor' Maksimychev

Two Germanies. Impressions gained
during a visit to Berlin in May _____ **170**

РОССИЯ XXI